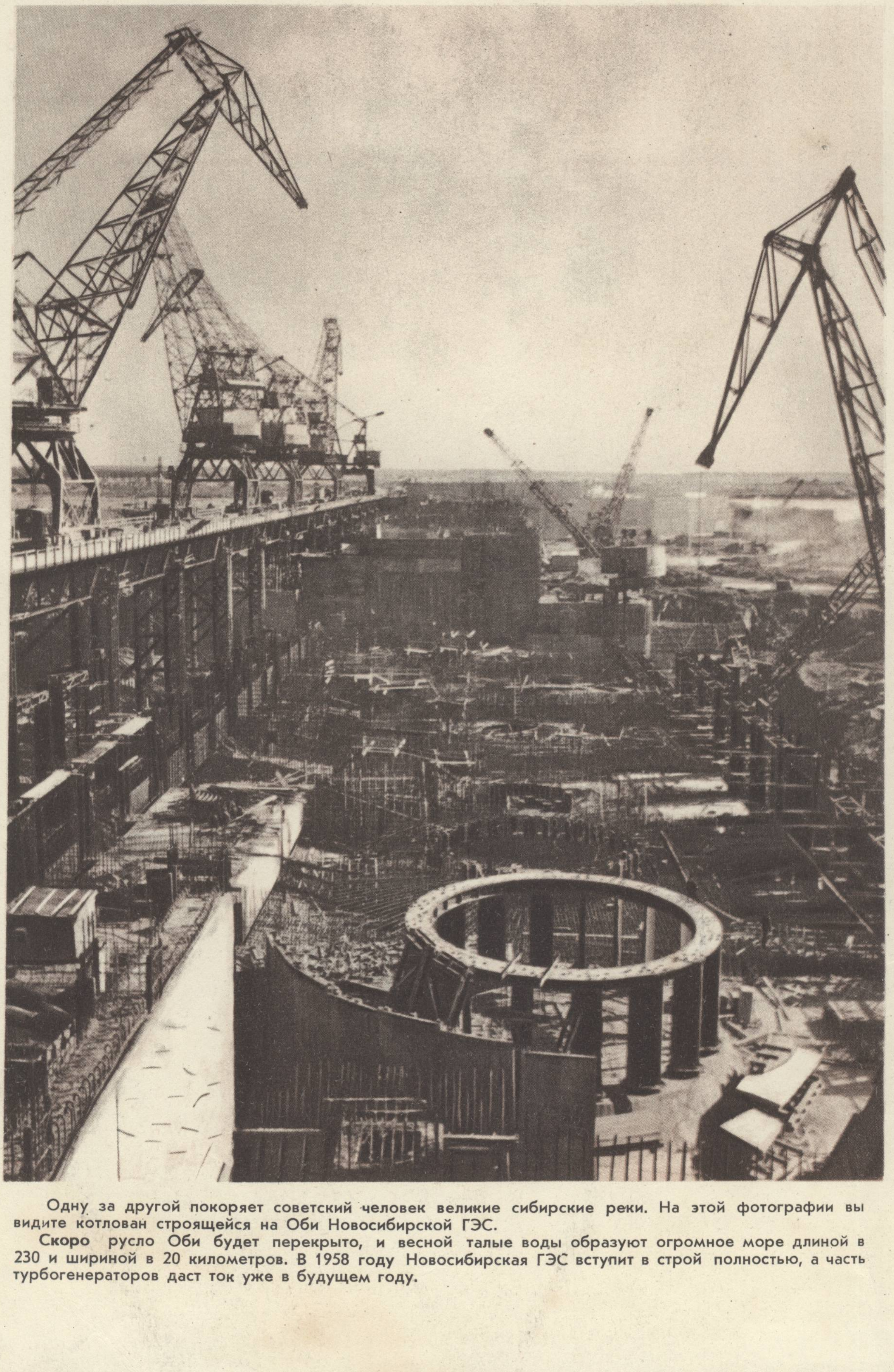
ПИОНЕР

НОЯБРЬ

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

Одну за другой покоряет советский человек великие сибирские реки. На этой фотографии вы видите котлован строящейся на Оби Новосибирской ГЭС.

Скоро русло Оби будет перекрыто, и весной талые воды образуют огромное море длиной в 230 и шириной в 20 километров. В 1958 году Новосибирская ГЭС вступит в строй полностью, а часть турбогенераторов даст ток уже в будущем году.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 11
НОЯБРЬ
1956

В этом номере:

На обложке:
рисунок Г. Нисского
«Праздничный вечер».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БЕЛЫЕ БУРУНЫ

А. Мошковский

На скамье у небольшого деревянного дома сидел дедушка Афанасий, окружённый гурьбой ребят. Всем на скамье места не хватило, и кое-кто из мальчишек уселся прямо на земле и, обхватив руками босые ноги, снизу смотрел на морщинистое лицо дедушки, на его клочковатую сизую бороду, достававшую до пояса. На изрезанной трещинками шее виднелась тесёмка нательного креста. Дедушка сворачивал жёлтыми от махры пальцами цыгарку и во всех подробностях рассказывал, как «взял» своего шестого медведя.

Всего за свою жизнь он убил четырнадцать медведей. Четырнадцать грозных косматых зверей. И мальчишки этой окраинной иркутской улицы ловили момент, когда дедушка, опираясь рукой о бревенчатую стену дома, выходил погреться на солнце. И тогда мальчишки буквально прилипали к нему, как пальцы прилипают к смоле ангарской сосны.

— Выследил я эту шубу в Чёрной пади,— говорил дедушка,— была при мне рогатина, нож да собачка Волк, лайка, серая с белыми ушами... Померла теперь, царство ей небесное...

К ним подошёл высокий парень в синем комбинезоне с засученными рукавами.

— Дед, дай закурить,— попросил он.

И тотчас, как только раздался его голос, с земли вскочил один мальчишка, вскочил, повернулся к парню спиной и зашагал прочь.

— Вы куда это торопитесь, Гавриил Пантелеймонович? — спросил парень, заслюнивая цыгарку.

Но мальчишка — его звали Гаврик — даже не обернулся. Его узкие прыгающие плечи, небрежно ступающие босые ноги и тоненькая шея — всё выражало величайшее презрение к парню в синем, пропахшем керосином комбинезоне. Гаврик скрылся. Все думали, что он ушёл домой или валяется сейчас у себя на огороде. И все ошибались. Гаврик обогнул квартал и с другой стороны из-за угла дома наблюдал за ними: скоро ли уйдёт парень. Уж очень хотелось дослушать историю с шестым медведем. А этот, в комбинезоне, уже третий месяц отравлял его существование на земле.

А между прочим, этот человек был не кто иной, как родной брат Гаврика.

Звали его Валентином, работал он шофёром на «гэсе», как говорили в городе, а правильней — на строительстве Иркутской гидроэлектростанции. И был он всего на каких-нибудь пять лет старше Гаврика. Но непроходимой пропастью легли между ними эти пять лет.

У Валентина были весёлые серые глаза с маленькими, как булавки, острыми зрачками: посмотрит — уколет. И он терпеть не мог Гаврика.

Ангара — ледяная река. Даже в августе не каждый рискнёт искупаться в ней. Ангара — стремительная река. Как кабардинский скакун, проносится она через город. А Валентин запросто переплывал её. И даже губы не дрожали от холода, когда вылезал на берег. А вот Гаврик... Гаврик ни разу ещё не вымочил свои трусы в ангарской воде. На Иркут бегал купаться—это верно, вода там тёплая, и в затонах барахтался — тоже верно. А в Ангаре только пальцы ног мочил.

Валентин легко взбирался на самый высокий кедр и швырял оттуда шишки. А Гаврик

только подбирал их и щёлкал маленькие коричневые орешки. Валентин в тире три пули подряд сажал одну в другую. А Гаврик только подавал ему патроны. Валентин с маху перепрыгивал высокую изгородь их огорода, а Гаврик бежал в обход, в калитку. У Валентина были весёлые глаза смелого человека, и было в них что-то стремительное и колющее.

— Ну куда ты годен? — спрашивал он.

Гаврик бормотал что-то насчёт того, что через пять лет и он... Но Валентин обрывал его:

— А я в твои годы кое-что умел уже делать.

На улице говорили, что он водит свой огромный грузовой «МАЗ», как лётчик водит реактивный истребитель. Но ни разу милиция не отнимала у него права. Зарабатывал он раза в два больше отца с матерью. В три месяца изнашивал новый костюм, и мать, вздыхая, перешивала из него костюм для Гаврика. Ходил Валентин неторопливо, широко ставя ноги, всегда что-то напевая, и ничего на свете не боялся.

И вот его-то, такого человека, на всю жизнь возненавидел Гаврик.

Случилось всё очень просто. Однажды на улице толпа ребят окружила девочку. Она кулаками давила слёзы, косички на её плечах прыгали. Рядом стояла её мать и вздрагивающим голосом спрашивала, кто выхватил у её дочери кулёк с яблоками, который девочка несла из магазина,— яблоки в этом сибирском городе продавали редко. Все молчали. К толпе подошёл Валентин. Широко расставив ноги и сунув руки в карманы комбинезона, он окинул взглядом ребят и вдруг сказал:

— Эй, Гаврик, посмотри мне в глаза!

Кровь бросилась в лицо Гаврика.

— Я давно подозревал, что ты трусишка... Где яблоки?

До сих пор Гаврик не может понять, как Валентин догадался. Брат стоял над ним, не вынимая рук из карманов, и внимательно его рассматривал.

— Неси яблоки,— сказал он.— Живо!

Но принести яблоки при всём желании Гаврик не мог. Он уже съел их и на две дырочки ослабил ремень. Тогда Валентин дал женщине денег за яблоки, сунул руки в карманы и зашагал домой. На этот раз он ничего не напевал. Вот и вся история. И этого было достаточно, чтобы испортить Гаврику всю жизнь. Он стоял у забора, и десятки глаз царапали его лицо. И это сделал брат. Родной. При всех... Гаврик здесь же дал клятву порвать с братом. Навсегда. Навек. Вырастет у него седая борода, как у дедушки Афанасия, а с братом — ни слова. Испортил ему всю жизнь Валентин — обошёлся с ним, как с последним человеком. Сам Валентин! Валентина любила вся улица. Померк, посерел после этого Гаврик. Играют мальчишки в футбол — в нападение его редко поставят, идут мальчишки на рыбалку в Кузьмиху — могут забыть зайти за ним. И Гаврик возненавидел брата. Он для него больше не существовал. Попросит кто-нибудь позвать Валентина — ноль внимания. А однажды даже, вспылив, Гаврик сказал матери, что видел Валентина на танцульках в саду имени Парижской Коммуны с соседской Ленкой.

И вот сейчас, повернув кепку козырьком назад, Гаврик выглядывал из-за угла дома, ждал, скоро ли уберётся Валентин. А тот не торопился уходить. Он согнал с лавки двух пацанов, уселся рядом с дедушкой, и они о чём-то заспорили. Наконец Валентин поднялся и, гоня перед собой камешек, ушёл. Он был в отпуске и днём без дела слонялся по городу. Когда Валентин исчез за поворотом, Гаврик повернул кепку козырьком вперёд, вышел из укрытия и как ни в чём не бывало ленивой походкой подошёл к скамье. Он не мог продолжать свою жизнь, не узнав о поединке с этим шестым медведем.

— Ерунда,— говорил дедушка,— у Ангары звериный норов. Не сломить её.

Гаврик насторожился: о чём это они?

— А вот её перекроют,— упрямо возразил один мальчишка, Серёга Каурин.— Днепр перекрыли, и Волгу перекрыли, и Каму перекрыли.

— А Ангара — это Ангара! — повысил голос дедушка.

И только тут Гаврик понял, о чём говорил Валентин: в этом месяце будут перекрывать Ангару. У Гаврика даже пот выступил на лопатках, когда он узнал об этом. Сколько лет уже весь Иркутск живёт разговорами об этой стройке! Гаврик ещё учился в первом классе, а на берегу реки и на Кузьмихинском острове уже вознносились в небо большущие бурые горы гравия и глины. И Гаврик с мальчишками лазил по ним... И вдруг оказывается, что в этом месяце, в июле, будут перекрывать Ангару!

Гаврик сорвал кепку и стал крутить её в руках.

— Перекроют, перекроют! — орали мальчишки, а дедушка большими морщинистыми руками закрыл уши.

— Устарел ты, дед! — крикнул Гаврик. И тут же пожалел.

Дедушка махнул рукой, поднялся, осторожно выпрямился и, держась за стену, пошёл домой.

— Тебя кто сюда звал? — набросились мальчишки на Гаврика.— Проваливай!

И Гаврик ушёл: чего доброго, ещё побьют. Кому тогда пожалуешься?

Не успел Гаврик войти в калитку своего двора, как у крыльца его встретила тётя Марфа, материна сестра, только что приехавшая из деревни. Она один день погостила у них, а на второй увезла Гаврика к себе в колхоз, где работала дояркой. Гаврику не очень хотелось уезжать в эти дни из города, но мать настояла: пусть отдохнёт, молочка попьёт, воздухом деревенским подышит. Однажды утром он лузгал с мальчишками семечки возле сельского клуба, и вдруг репродуктор закричал на всю площадь: перекрытие началось...

Через полчаса Гаврик трясся в кузове попутной машины. К вечеру он уже был в Иркутске. Домой не заходил: боялся встретить брата, да и времени не было. На ходу взобрался в кузов другой машины и понёсся на стройку.

Смеркалось. Но стройка была в огнях. Огни горели на здании ГЭС, ещё не достроенном, опутанном прутьями арматуры и досками опалубки. Огоньки светились на журавлиных шеях гигантских портальных кранов. Они пылали на эстакадах. Огни, огни, огни... Внизу, через здание гидростанции, там, где будут установлены огромные турбины, уже с рёвом проносилась вода. Она шла новым руслом. Но река ещё летела и по своему старому руслу — оно было немного правей,— по которому шла тысячу веков. И Гаврик помчался туда, где перекрывали это старое русло. А для этого нужно было пробежать через здание гидростанции. Он побежал под громадными арками портальных кранов, стоящих на рельсах, он перепрыгивал резиновые кабели, толстые железные трубы, баллоны с газом, похожие на торпеды.

Ангару могли перекрыть, не дождавшись его!..

Пробежал эстакаду, понёсся по бровке дороги вверх, взлетел на подъём. Встал. Сердце колотится, дышать нечем, душно. А впереди... Впереди была Ангара, и огни, и спина понтонного моста, и колонны машин, и грозный гул моторов, и рвущиеся на ветру знамёна, и люди, люди, люди...

Гаврик помчался вниз, к дороге, проложенной от карьеров к мосту.

— Дяденька, возьмите! — заорал он и замахал руками перед проходившей машиной. Но машина прошла мимо, содрогаясь под тяжестью груза и растирая в порошок жерновами колёс сухую глину. В кузове темнела гора камня. За ней шла вторая машина, прощупывая фарами дорогу.

— Дяденька, дяденька!

Только жарким дымом обдала его эта машина и показала красный огонёк. За ней, грузно покачиваясь, двигалась третья. Шофёр в замасленном пиджаке сидел за баранкой, как император на троне,— строго, прямо, торжественно. И Гаврик пропустил эту машину. А самосвалы шли один за другим, под их широкими шинами хрустела глина, в кузовах громыхал груз. И мальчишка подбегал к ним и кричал, а они проходили мимо. Шофёры вертели баранки, шофёры пристально смотрели вперёд, шофёры грозили ему кулаками: не вертись под колёсами! И никто не брал. И только когда уже стемнело, один «МАЗ» наконец остановился перед ним. Дверца откинулась.

Гаврик метнулся к кабине, вскочил на подножку.

— А-а-а, Гавриил Пантелеймонович,— донеслось из кабины,— это вы так отдыхаете у тёти Марфы?

На него смотрели весёлые острые глаза с чёрными, как перец, едкими зрачками.

Гаврик спрыгнул на землю, точно подножка была раскалена. Сзади сердито засигналила машина.

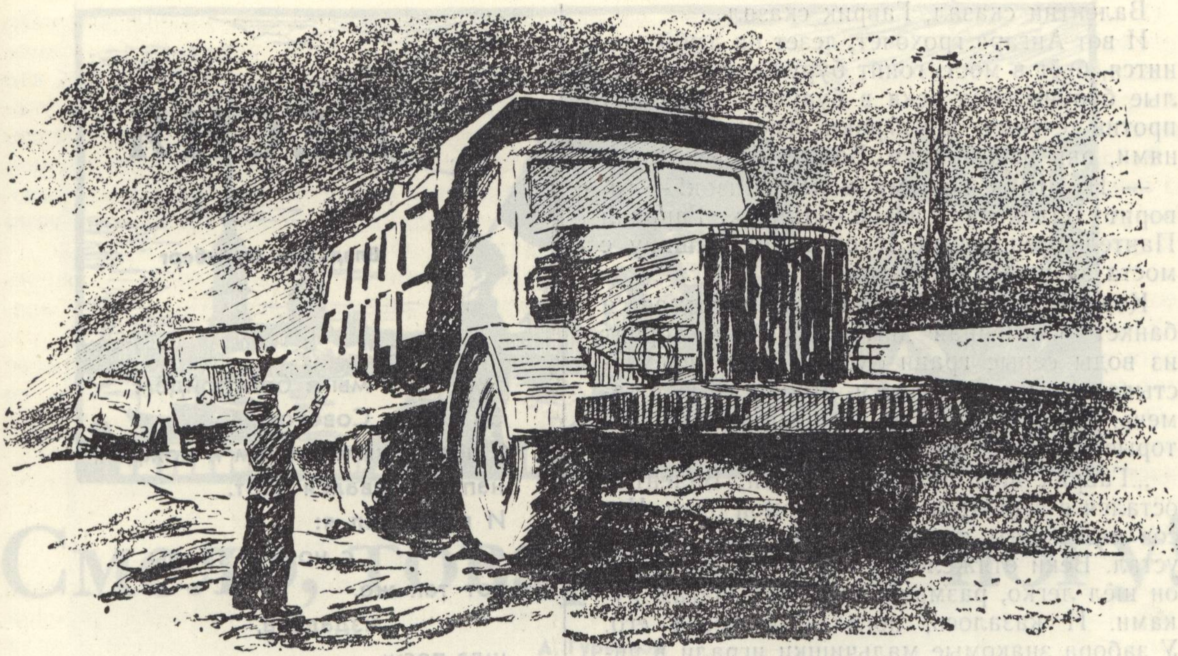
— Давай лезь, капуста квашеная!

Гаврик стоял, как в столбняке. У него отнялся язык, но мысль работала. Брат? У него ведь отпуск, а он здесь... Может, плюнуть на всё, влезть в машину: никто больше не возьмёт? А клятва? Вырастет у него седая борода, как у дедушки Афанасия, а с братом — ни слова...

Уже три машины сигналили сзади.

Две жёсткие руки бросили его в кабину, дверца стукнула, машина газанула и помчалась. Сиденье на пружинах — бросает. Гаврик сжал губы, Гаврик не смотрит на брата. Но, как назло, в переднем стекле видно его отражение. Лицо худое, скуластое, мокрое и всё в грязных пятнах. На баранке лежат руки, жилистые, в чёрной щетине, обнажённые выше локтей. На макушке вихор волос. Изменился брат, и не узнать сразу. И только глаза прежние — весёлые, едкие, ненавистные...

А вот и мост — длинный, узкий, на чёрных баржах — понтонах. А у въезда — милиция. Иркутян вокруг видимо-невидимо. Все хотят на мост, но всем на мост нельзя. Сегодня

мост только для машин. И поэтому у въезда милиция.

— Спрячься! — приказал Валентин.

Гаврик словно не слышит его.

Широкая рука легла на голову, и Гаврик въехал в сиденье, переломился пополам. И вот передние скаты вкатились на мост. Машины впереди, машины сзади. Синим дымом стреляют машины, и этот дым встаёт густой завесой, словно на мосту пожар. Задние скаты въехали на мост. Мост дрожит, мост сотрясается, мост выгибается под тяжестью. Кровь отлила от лица Гаврика — вот-вот, кажется, провалится мост в Ангару.

Не помня себя, схватился за руку брата. Рука на баранке. Жёсткая, неподвижная, горячая. А внизу ревёт, клокочет вода, задыхается от бешенства, бьёт в железные баржи. Гаврик прижался к Валентину.

— Не пускай слюни,— сказал Валентин и засмеялся.

Гаврик отодвинулся.

Брат развернул машину, поставил задом к краю моста. Взлетел флажок сигнальщика, и Валентин включил подъёмник. Кузов пополз вверх. И кузова всей колонны полезли вверх. Машина вздрогнула на тугих скатах. Грохоча и толкаясь, стараясь обогнать друг друга, тяжёлые камни ринулись вниз. Вниз, в густую ревущую воду. Вода прыгала, бесновалась, била в понтоны. Мост прогибался, и Гаврику казалось, что мост падает вниз и вместе с ним падает вниз он, Гаврик, а потом мост взлетал вверх, и вместе с ним вверх взлетал Гаврик. Он хватался за брата, за ручку дверцы, за баранку — только б удержаться на сиденье!

Но вот машина взревела, тронулась и, пристроившись к кузову передней, двинулась с моста. И вот они летят по дороге к карьеру. Становятся под ковш экскаватора. И машина прыгает на скатах — из ковша хлынул камень. Ещё раз. Ещё раз. И машина летит по дороге. И под ней выгибается мост. Валентин опять включает подъёмник. Ангара кипит и неистовствует. Бросает мост то вверх, то вниз. И они снова мчатся к карьеру, и ковш над ними раскрывает стальную пасть...

Утро. Первые лучи нового дня тронули лёгкие тучки, зажглись на стёклах кабин. Плывёт над землёй плотный туман. Утро. А руки Валентина всё ещё лежат на баранке, а Гаврик трясётся на сиденье. Они уже возят не камни. В кузове ворочаются многотонные бетонные кубы, и каждое их движение чувствует Гаврик: вся машина содрогается.

И кубы летят с моста, кубы летят в воду. Ангара кричит. Ангара ревёт. Ангара вздувает океанские валы. Ангара выворачивает слепящие буруны. Как песчинки, швыряет вниз эти кубы Ангара. Тысячу веков неслась она этой дорогой и тысяча первый хочет нестись по ней. Но люди сказали: хватит!

Валентин сказал, Гаврик сказал...

И вот Ангара грохочет, лезет на дыбы, пенится, бьёт в мост, гонит буруны. Белые, белые буруны. Вся река в бурунах. Они идут против течения, они играют огромными камнями, они взрываются. Белые, белые...

— Ну что ж, пошуми, конец близок! — говорит Валентин Ангаре.— Верно, Гавриил Пантелеймонович? — И он ведёт машину с моста за новыми кубами.

Конец близок. Со дна уже подымается банкет — каменная дамба. Гребнем торчат из воды серые грани кубов. Вода перехлёстывает гребень, пенится, стонет, грызёт камень. Но камень твёрд. И руки тверды, которые бросали этот камень.

...Гаврик шёл по улице домой. Валентин остался в гараже, и он шёл домой один. Часов пятнадцать трясся он в кабине и очень устал. Веки отяжелели, в голове гудело. Но он шёл легко, размахивая в такт шагам руками. И казалось, ноги сами несли его. У забора знакомые мальчишки играли в чижика. Они кричали, спорили о чём-то. Гаврик даже не посмотрел в их сторону. Он шёл легко и неторопливо. У хлебного магазина навстречу ему попался Серёга Каурин, один из его главных недоброжелателей. Он на ходу кусал большой калач и уплетал за обе щёки. При виде Гаврика его глаза насмешливо сузились.

— Эй ты, откуда?

— Оттуда.— Гаврик кивнул в сторону реки.— Ангару мы перекрывали,— зевнул и, не задерживаясь, зашагал дальше.

Тот удивлённо посмотрел ему вслед и даже перестал кусать калач.

А Гаврик шагал и шагал вперёд. Что ему были теперь все мелочи и обиды, ему, смотревшему в глаза этим бурунам, этим гневным белым бурунам?! Он шёл и что-то напевал, и попутный ветер дул ему в спину и раздувал рубаху, и в его серых глазах появился какой-то новый блеск.

Неожиданно впереди у небольшого домика Гаврик увидел дедушку Афанасия. Он сидел на скамье и жёлтыми от махорки пальцами скручивал цыгарку, белобородый и морщинистый дедушка Афанасий, храбрый медвежатник. «Всё, всё расскажу!» — с радостью подумал Гаврик и бросился к дедушке. Но вдруг в его ушах зазвучали слова: «У Ангары звериный норов. Не сломить её...»

Неловко будет дедушке.

Гаврик остановился, потом быстро свернул в проулок, обошёл квартал деревянных домишек и толкнул ногой свою калитку.

ПЕСНЯ

Владимир Файнберг

«...Смело
мы в бой пойдём
За власть Советов...»
С полночным ветром и дождём
напев сливался этот.
И вспомнил я:
с ночной тропы
вот так же,
издалёка,
шла песнь
под перебор копыт,
под шум дождя и цокот.
...Красноармейский эскадрон
где-то в годах тридцатых...
И долго я стою, смущён,
а песнь ушла куда-то.
Я, может, пятилетним был,
но вот тогда-то,
в детстве,
я почему-то ощутил
всё счастье быть советским...
Я в жизни часто мог бы сдать,
махнуть рукой устало,
стать равнодушным,
гладким стать,
но песня
не давала!
Она запомнилась, проста,
её всегда я слышал,
хоть и не знал о том...
Вот так,
не замечая, дышат.
Вот почему иду я в бой.
Мне нет судьбы чудесней:
хотя б строкой,
хотя б собой
продолжить
эту
песню!

Смело, товарищи, в ногу!

А. Гурьянов

Есть в городе Иванове улица, названная именем Павла Степановича Батурина, комиссара славной Чапаевской дивизии, погибшего в одном бою с Чапаевым. На этой улице стоит Дворец пионеров.

Здесь, в одном из залов дворца, собрались на костёр пионеры Иванова. Костёр был посвящён революционным песням, и на него ребята пригласили старых коммунистов своего города.

В гости к пионерам пришли замечательные люди. Люди, боровшиеся против самодержавия, за права народа, за рабочую власть. Они работали в первых подпольных кружках, участвовали в героических боях 1905 года, шли на штурм Кремля в октябрьские дни 1917 года, в рядах Чапаевской дивизии сражались против белых генералов.

Костёр открыла старая коммунистка Татьяна Васильевна Столбова. Сидя у пионерского костра, гости вместе с ребятами пели свои старые боевые песни, рассказывали о былом. Вот из этих-то рассказов и узнали ребята историю революционного марша рабочих «Смело, товарищи, в ногу...», с которым сражались, умирали и побеждали революционеры.

В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

Рассказал Василий Яковлевич Корягин

Это было давно... Шестьдесят лет назад. Представьте себе узкую тёмную камеру. Она тёмная не потому, что вечер или ночь. Там, на воле, свет, солнце, жизнь...

По камере шагает темнобородый человек. Болезненно-бледное лицо, какие бывают только в тюрьме. Но глаза живые, смелые, ясные, и нет в этом бледном лице ни уныния, ни испуга, ни покорности. Ходит человек по узкой, тесной клетке-камере и напевает вполголоса. Это революционер-подпольщик Леонид Петрович Радин. Вот уже почти год, как он здесь, в Таганской тюрьме, ждёт суда. За что его будут судить? Заглянем в прошлое ещё дальше, на несколько лет. Леонид Петрович жил тогда в глухом переулке на окраине Москвы, в маленьком флигельке.

Жизнь революционера полна опасностей и неожиданностей. Конспирация — трудное искусство соблюдать тайну, сбивать с толку жандармов и шпиков, не привлекать к себе внимания, и этим искусством хорошо владел Радин. Он старался жить тихо, ничем не выделяясь.

Зная, что полиция через дворников добывает сведения о жильцах, Радин время от времени под разными предлогами нарочно приглашает к себе дворника. Пусть видит, что ничего подозрительного здесь нет! И дворник действительно убеждён, что здесь всё в порядке.

— Жилец тихий, смирный. Зарабатывает уроками, барчуков к экзаменам готовит, — вот и всё, что дворник может сообщить квартальному.

Однажды вечером к Радину постучался человек. Хозяин квартиры ждал его, но открыл не сразу. Сначала он незаметно рассмотрел пришедшего в окошко. Потом загремела щеколда, и дверь открылась.

Войдя с гостем в комнату, Радин вынул из печки два изразца. Гость держал свечу. В глубине тайника её жёлтое пламя осветило пробирки, склянки и какой-то аппарат.

— Замечательная штука — этот ваш мимеограф! — сказал гость, унося аппарат.

Хозяин усмехнулся. Вспомнилось ему, как долго пришлось трудиться, чтобы построить этот аппарат.

Однажды он узнал из газетного объявления, что на Кузнецком мосту, в магазине иностранной фирмы, продаётся аппарат для печатания, мимеограф, новое изобретение Эдисона. Купить дорого, да и полиция заинтересуется, зачем человеку, который зарабатывает частными уроками, нужен мимеограф. Вот самому бы такой сделать! Но для этого надо хорошо разглядеть аппарат.

Через несколько дней в магазин на Кузнецком вошёл солидный, хорошо одетый господин с черной бородкой, а с ним четверо юношей в костюмах для велосипедной езды. Они долго выбирали велосипеды, а выбрав, с интересом стали рассматривать другие товары. Обратили внимание и на мимеограф. Владелец магазина, желая угодить покупателям, показал, как устроен аппарат, и даже пустил его в ход. Велосипедисты внимательно слушали, запоминали, на глаз прикидывали размеры деталей. Один незаметно спрятал кусочки восковой бумаги. Другой как бы ненароком прислонился к краске.

Выйдя из магазина, они не спеша пошли своей дорогой. А дорога эта вела во флигелёк на окраине. Солидный господин — это был Радин, а юноши-велосипедисты — его товарищи, подпольщики.

Теперь, зная устройство мимеографа, можно было изготовить такой же. А как найти секрет краски? Как сделать восковую бумагу? Трудная задача. Но Леонид Петрович Радин был талантливым химиком, любимым учеником великого Менделеева. Он раскрыл состав краски и нашёл способ приготовления восковок. После многих недель труда мимеограф был готов и стал нести свою службу. На нём сразу же отпечатали листовки о стачке, которая вспыхнула на заводе Бромлея. А Радин тем временем строил новые мимеографы. Второй аппарат сделали для саратовских подпольщиков, а теперь вот пришёл человек за третьим, чтобы увезти в Петербург.

Мимеографы обходились дёшево, не требовали тяжёлого шрифта, работали бесшумно. Полиция с ног сбилась, разыскивая тех, кто печатал революционные брошюры и листовки. Но мимеограф не то, что печатная машина: спрятать его легко, а обнаружить трудно.

И всё же в конце концов жандармы заподозрили Радина. Однажды ночью к нему ворвались с обыском.

Тайника в печке не обнаружили, но запрещённую литературу нашли. Радин был арестован.

И вот Леонид Петрович шагает по камере и напевает песню, которую ещё никто не пел: он сам сложил её здесь, в тюрьме.

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Царский суд приговорил Радина к ссылке на пять лет в Яранск, маленький городок Вятской губернии. Вместе с узником вышла за ворота тюрьмы и пленная песня. Сперва её пели на этапах, в пересыльных тюрьмах такие же ссыльные, как и Радин. Потом, переходя из уст в уста, песня попала в рабочие казармы, в крестьянские лачуги, в мастерские, в фабричные корпуса. Добралась песня и до затерявшегося в снегах сибирского села Шушенского, куда был сослан Владимир Ильич Ленин. Пётр Николаевич Лепешинский, отбывавший ссылку в другом селе, неподалёку, рассказывал, как Ленин любил эту песню, с каким увлечением он пел её, сколько огня вкладывал в заключительные слова:

И водрузим над землёю
Братское знамя труда.

НА ПРИКАЗНОМ МОСТУ

Рассказал Пётр Тимофеевич Шеев.

Однажды царские власти пытались арестовать песню. Первого мая 1914 года мы, рабочие Иванова, с нетерпением ждали, что скажет в этот революционный праздник наша рабочая газета «Путь правды». Но напрасно стояли очереди у газетных киосков. Газета в этот день так и не вышла. Её конфисковали за то, что в ней были напечатаны слова песни «Смело, товарищи, в ногу...». Так царские жандармы признали могущество революционной песни и показали, что боятся и ненавидят её.

Да разве песню арестуешь?! Мы всё равно её пели. Всюду, где рабочие объединялись для борьбы против царя, звучала и песня

«Смело, товарищи, в ногу...» Вот я вам расскажу один случай. Это было примерно через год после того, как «арестовали» песню. Шла мировая война. На фронте рекой лилась кровь рабочих и крестьян. В тылу царила страшная нужда. Начинался голод. Люди часами стояли в длинных очередях, чтобы получить хлеб.

Все партии в стране были за войну до победного конца. Одни большевики говорили народу правду и призывали бороться против войны: она ведь только капиталистам выгодна. Ленин говорил, что рабочим разных стран незачем враждовать, нечего делить. У них общий враг — капиталисты. Против своих капиталистов и нужно повернуть штыки, превратить войну империалистическую в гражданскую войну, бороться за власть народа.

Глухой августовской ночью в лесу около деревни Ясюниха собрались партийные организаторы и рабочие-активисты ивановских фабрик. Собрание постановило объявить забастовку против войны и голода. Начало забастовки назначили на 23 августа. Но об этом проведал провокатор и шпион Чугунов. По его доносу полиция произвела обыски и аресты. Около двухсот человек было брошено в тюрьму. По городу шныряли шпики, на перекрёстках стояли полицейские патрули, вооружённые казаки разъезжали по улицам.

Но всё равно в назначенный день, 23 августа, забастовка началась, и к трём часам дня рабочие со всех фабрик направились в центр города. Колонна за колонной входили мы на большую площадь перед городской управой. Песня гремела тысячами голосов:

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятым нужды...

— Хлеба! Свободы! Мира! Выпустить арестованных! — требовали мы.

Полицмейстер был в растерянности. Многотысячная толпа может разнести не только управу, но и тюрьму. Чтобы успокоить рабочих и выиграть время, он решил сделать небольшую уступку и распорядился освободить четырёх арестованных.

Но хитрость не удалась. Мы стояли на своём: «Освободить всех!»

Не дождавшись ответа, мы направились к тюрьме. С нами было и четверо товарищей, только что выпущенных на волю, в том числе рабочий гарелинской фабрики Георгий Степанович Зиновьев по подпольной кличке «Фёдор».

В нынешнем Иванове уже нет Приказного моста через ручей Кокуй и самого ручья не

видно. После революции Кокуй был запрятан в дренажную трубу, а его русло комсомольцы засыпали землёй на воскресниках. Но в прежнее время Приказной мост выводил с площади городской управы на улицу, где стояла тюрьма.

Вот почему мы и двинулись через Кокуй. Но у выхода с моста дорогу нам преградила военная застава. Только что освобождённый из тюрьмы «Фёдор» вышел вперёд и обратился к солдатам с речью. Он объяснял им, чего мы добиваемся, убеждал их не стрелять и открыть нам дорогу к тюрьме. В те дни солдаты уже с сочувствием относились к словам большевиков и нередко становились на сторону рабочих. Но эти солдаты угрюмо молчали. Не знали мы, что перед нами вовсе не солдаты, что командир полка, не надеясь на солдат, запер их в казармах, а на мост послал переодетых унтер-офицеров.

— Разойдись, стрелять буду! — кричал прапорщик Носков.

«Фёдор» расстегнул пиджак и крикнул, всё ещё думая убедить тех, кого он принимал за солдат:

— Ну, что ж, стреляйте! Убивайте своих братьев!

— Боевыми!.. Огонь!

Защёлкали выстрелы — и «Фёдор» упал, простреленный четырьмя пулями. Толпа дрогнула. А с тыла, от городской управы, в это время ринулись казаки. На мостовой остались тридцать убитых. По приказу полицмейстера пожарные смывали кровь с мостовой, посыпали булыжник чистым песочком...

Весть о расстреле ивановских ткачей разнеслась по всей стране.

Начались стачки на фабриках и заводах других городов. В Петрограде бастовали двадцать тысяч металлистов. Они протестовали против расправы в Иванове, требовали прекращения войны. Громче и громче звучала по всей России боевая революционная песня «Смело, товарищи, в ногу...».

«САМИ НАБЬЁМ МЫ ПАТРОНЫ»

Рассказал Алексей Михайлович Тимофеев

В феврале 1917 года народ сверг царя, но у власти стало Временное правительство. Оно защищало не рабочих, а капиталистов и продолжало войну, ненавистную народу. Недаром десять министров в этом правительстве были сами капиталистами, владельцами крупных фабрик и заводов.

В Иванове, как и везде, купцы-богатеи щеголяли с красными бантиками в петлицах: это их власть. А мы знали, что борьба ещё не кончена. Большевистская партия готовила народ на последний и решительный бой, на бой за власть Советов. В Иванове Совет рабочих и солдатских депутатов был избран в марте 1917 года. Рабочие отдали свои голоса партии большевиков — той партии, которая вышла из народа, жила для народа, вела народ на борьбу за власть.

25 октября, в разгар затянувшегося допоздна заседания Совета, в зал вихрем ворвался товарищ председателя Совета Дмитрий Андреевич Фурманов. Взглянув на его взволнованное лицо, на телеграмму у него в руках, председатель Совета Фёдор Никитич Самойлов предоставил ему слово вне очереди.

— Товарищи! — едва переведя дыхание, начал Фурманов.— Вот телеграмма... Временное правительство свергнуто. Вся власть принадлежит народу!

— Ура! — кричали депутаты.— Да здравствует социалистическая революция!

Все встали. Мне не пересказать вам, ребята, какая это была радость! Ведь свершилось то, за что мы, коммунисты, боролись, сидели в тюрьмах, шли в ссылку, на каторгу, на казнь.

Была глубокая ночь, когда мы с песнями расходились с заседания Совета по своим фабрикам. На улицах к нам присоединялись рабочие. Весть о событиях в Питере молниеносно распространилась по городу.

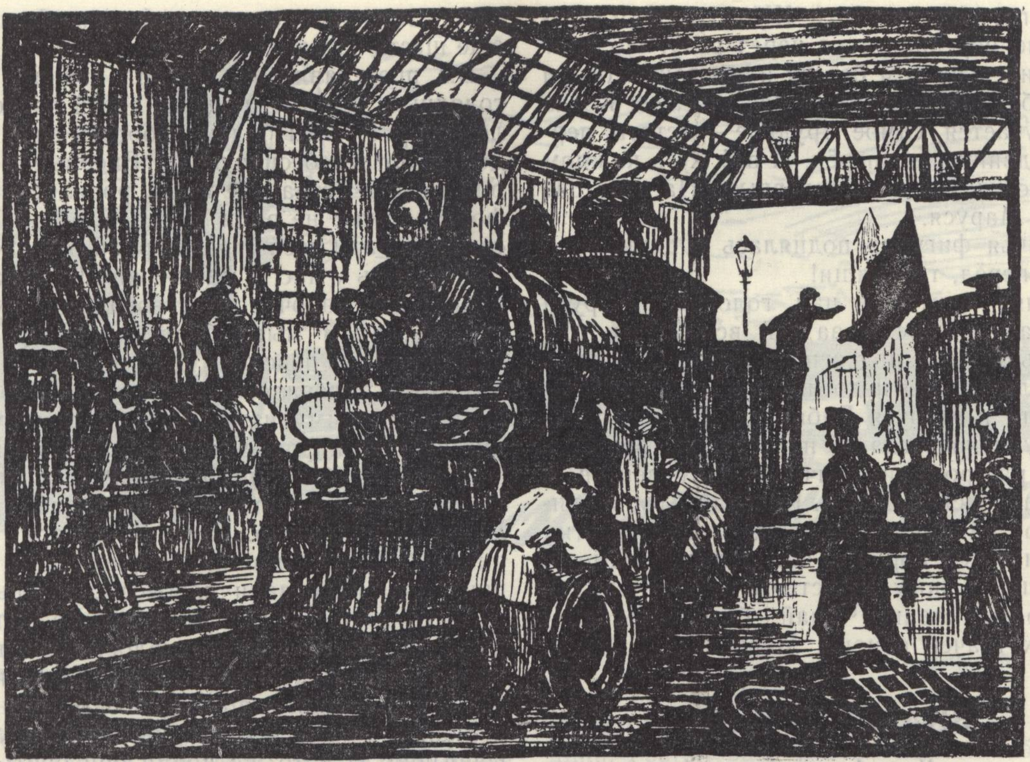
Многотысячная армия ивановских ткачей ликовала.

Но недаром рабочий класс России прошёл школу революции 1905 года. Наш Совет спешно вооружал рабочих, усиливал отряды Красной Армии. На фабриках Владимира, Иванова и Шуи сформировался двухтысячный отряд, чтобы двинуться в Москву. Там у рабочих ещё шли бои с юнкерами и белым офицерьём. Командовал отрядом Михаил Васильевич Фрунзе.

Под грохот и стук колёс в раскачивающихся на ходу вагонах мы пели:

> Всё, чем держались их троны,—
> Дело рабочей руки.
> Сами набьём мы патроны,
> К ружьям привинтим штыки.

С этой песней мы высадились в Москве, с нею дрались на баррикадах, с нею ворвались вместе с московскими рабочими в Кремль. Сопротивление засевших в Кремле белогвардейцев было сломлено, власть и в Москве захватил пролетариат.

МАРУСЯ

Рассказал Николай Александрович Соколов

А мне, когда поют «Смело, товарищи, в ногу...», всегда вспоминаются годы гражданской войны, путь, который прошёл с дивизией Чапаева наш полк ивановских ткачей.

Революция победила, но надо было её защищать от белогвардейских генералов и их союзников. Четырнадцать капиталистических государств двинули войска на нашу землю! Но на защиту Советской власти вставали тысячи и миллионы. На фронт уходили рабочие и крестьяне, матросы и солдаты, женщины и подростки. Вот так и нас, ивановских ткачей, солдат революции, гражданская война забросила в башкирские степи.

Не мерены вёрсты наших степных походов, не считаны бессонные ночи, голодные дни, штурмы, засады, схватки с белыми.

Встаёт в моей памяти один день. С утра мы, сломив сопротивление белых, взяли небольшое степное село. Штурм был тяжёлый, но мы, не передохнув, преследовали врага, чтобы не дать ему времени укрепиться.

Мы шагаем и шагаем по выжженной пыльной степи. От солнца дрожит раскалённый воздух, земля до того сухая, что звенит под ногами. А у нас губы запеклись, глаза слезятся от яркого света, белыми пятнами соли выступает пот на гимнастёрках, ноги не слушаются, словно чужие. И вдруг чистый женский голос запевает «Смело, товарищи, в ногу...». Улыбаются ивановцы: это Маруся Рябинина... Глаза невольно ищут её в шеренгах бойцов. Вон она!

Русая прядь волос выбилась из-под косынки, обветренное в походах лицо...

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей,—

поёт Маруся. И песня бежит по рядам, мы дружно подхватываем:

Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей!..

Эту песню не раз слышали фабричные корпуса и казармы Иванова, она ехала с нами в холодных теплушках сюда на фронт, сопровождала нас на маршах. И словно силы прибавляется от неё бойцам. Прямее плечи, твёрже шаг, веселее глаза.

Чудесная девушка была наша ткачиха Маруся! На привале её проворные руки по-женски споро готовили еду. Осторожно и ласково перевязывала она раненых. А во время боя, лежа в цепи, Маруся метко и хладнокровно вела огонь по белым.

Она погибла геройски. Шёл бой. Нам нужно было переправиться через реку. Но враг закрепился на том берегу и жестоким огнём косил бойцов, прижимая нас к земле. Когда так случается, самое трудное — встать первым и двинуться вперёд. И всё же в каждом бою кто-нибудь встаёт первым. На этот раз встала Маруся.

Девичья фигурка поднялась в цепи.

— Вперёд, товарищи!

Подняв винтовку над головой, Маруся бросилась в воду, а за ней все бойцы. Мы переплыли реку под огнём. Город был взят. Но после боя мы недосчитались многих. Была убита и Маруся Рябинина. Белогвардейская пуля настигла её на середине реки.

Мы разгромили полчища интервентов и белогвардейские банды. Красная Армия очистила от них советскую землю. Десятилетия прошли с тех пор, но, как услышу «Смело, товарищи, в ногу...», встают в моей памяти башкирские степи, Чапай, батальоны ивановских ткачей и наша Маруся...

ЗНАМЯ ТРУДА

Рассказал Иван Александрович Асташев

В 1919 году, кроме белогвардейцев, у нас был ещё один страшный враг: разруха, вызванная войной. Фабрики и заводы стоят. Ржавеют станки, неподвижные и мёртвые, в опустевших цехах. Не хватает металла, топлива, хлеба...

Я в это время уже переехал из Иванова в Москву и работал на Казанской железной дороге.

В голодной Москве не ходили трамваи, люди пешком добирались на работу и возвращались с работы в нетопленные жилища, освещённые убогим светом «коптилок». И вот рабочие железнодорожных мастерских Казанской дороги, видя, как трудно приходится нашей рабочей власти, решили каждую субботу, закончив смену, работать бесплатно ещё шесть часов.

Вы представляете, что это значит, когда голодные, усталые люди по своей доброй воле говорят: «Мы будем работать ещё, и будем работать бесплатно»?! Впервые в истории человечества на земле родилась новая форма труда: не ради куска хлеба и своей семьи, а ради всей страны, ради будущего.

Началось у нас, в мастерских Казанки, но, видно, все рабочие чувствовали и думали так же, как и мы: субботники сразу стали устраиваться повсюду. Владимира Ильича это очень радовало. Он называл субботники ростками коммунизма. Он сам принимал в них участие наравне со всеми рабочими.

Первого субботника на Казанке я никогда не забуду. Это было десятого числа, в светлый майский вечер. Слесари, токари, механики, уборщицы, машинисты, кочегары, сцепщики ремонтировали паровозы, вагоны, пути. Все работали так, словно работа — праздник какой-то. Мы даже усталости не чувствовали. То здесь, то там загорались песни. Это были наши старые друзья, боевые песни революции, но они звучали как-то по-другому, необычно. И в то же время они опять вели нас на приступ, к победе:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Чёрные дни миновали,
Час искупленья пробил...

Прохожие останавливались на минуту посмотреть, что здесь происходит, и, охваченные этим подъёмом, этим счастьем труда, присоединялись к нам. Прибавлялись всё новые и новые рабочие руки, армия бойцов против разрухи росла на глазах. Снова мы пели о том, что водрузим над землёю братское знамя труда, и знали, что вот сейчас, сегодня, над нами, над нашей землёй развевается это знамя и что наш свободный труд может сдвинуть горы.

Костёр «догорал». Его красноватые отблески освещали росписи на стенах зала, лица ребят, седые головы гостей...

Вот что сказал пионерам на прощание старый коммунист Сергей Васильевич Капустин:

— Песни революции не умирают. Они переходят от поколения к поколению, от отцов к детям. Разные поколения по-разному боролись за коммунизм, и у всех верным спутником, надёжным товарищем в борьбе была революционная песня. Она звучала на баррикадах, с нею уходили бить белых, её запевали на стройках великих пятилеток.

Вам предстоят стройки ещё более величественные, задачи ещё более грандиозные. И вы будете вооружены для этого отлично. В ваших руках будет энергия атома, силы быстрых электронов, машины, сокращающие уже не только физический, но и умственный труд людей. Вам предстоит достраивать, заканчивать то, что начали мы, старики. Пусть же революционная песня, с которой столько путей пройдено, столько побед одержано, будет и вашим спутником в борьбе!

Рассказ Эмиля Пажеса

Рисунки В. Таубера.

В тот вечер Ларри ушёл с работы последним. Выйдя из почтового отделения через дверь, которой пользовались сотрудники, он внимательно посмотрел по сторонам. Убедившись, что уже все разошлись и никто из товарищей не привяжется к нему, Ларри выскочил на улицу и скрылся в ночной темноте.

У него была потребность остаться наедине с самим собой, в полном одиночестве. А нигде в другом месте, даже в своей холостой отдельной комнате, он не мог чувствовать себя в такой пустыне, как здесь, среди ночных парижских улиц. Теперь можно было обдумать на досуге всё то, что уже в течение нескольких часов сидело у него в голове.

Итак, главный контролёр тоже принадлежал к Сопротивлению. Вот какая мысль не давала ему покоя. Ещё в полдень, до того, как Ларри узнал эту новость, он был самым обыкновенным почтовым сотрудником. Сейчас всё изменилось; перед ним открылись какие-то новые жизненные пути. Сама по себе эта история была самым обычным происшествием в одном из парижских почтовых отделений.

Впрочем, что-то сразу подсказало Ларри, что это — начало чрезвычайно важных событий, когда начальник позвал его из двери своего кабинета:

— Окно номер пятый! Пусть вас заменит кто-нибудь на несколько минут. Зайдите ко мне! Мне нужно получить от вас справку.

Войдя в комнату, Ларри всё понял. У письменного стола патрона стояли два господина. Гестаповцы! В этом не могло быть сомнения. На них лежало особое фабричное клеймо. Было в них нечто общее с теми, кто в продолжение двух лет топтал его душу в лагере для военнопленных в Померании, где он томился за колючей проволокой с тысячами других, менее счастливых, чем он.

По спине Ларри пробежал холодок. Гестапо!.. Что нужно от него этим господам? «Не поссорился ли я с кем-нибудь?» — искал он в памяти, едва справляясь со своим волнением. Этим много не надо. Взять хотя бы того товарища с улицы Буле, которого арестовали по доносу. За что? Только за то, что он имел неосторожность сказать где-то: «Эльзас получил свободу из чужих рук. Но это ненадолго!» Или сотрудница, на которую сразу же донесли в комендатуру, когда она отказалась принять без марок письмо, адресованное какому-то французу, который сотрудничал с немцами. Несчастную посадили, и она пропала без вести. И подумать только, что доносили сами же французы!

Мысли проносились в его голове, как молнии. Но Ларри успокаивал себя. Нет, он совершенно уверен, что не сделал ничего такого, что могло бы повредить ему, не произнёс ни одного неосторожного слова. А между тем эти типы были офицерами. Можно поклясться в этом. И, несмотря на их вежливые улыбки, они были чем-то недовольны. Это было видно по их суровым взглядам за

стёклами очков и по нахмуренным бровям. Но главный контролёр уже пустился в объяснения:

— Это Ларри. Мы все его называем «Хорошо, когда на душе спокойно». У нас во Франции, знаете, любят приклеивать товарищам по работе всякие прозвища. Так получается как-то теплее, сердечнее. А когда Ларри поступил к нам, он вечно повторял одну и ту же фразу: «Хорошо, когда на душе спокойно». Впрочем, извините, я уклоняюсь в сторону. Так вот, я ещё раз повторяю вам, что никогда не видел писем на имя Вуайе. Конечно, вы не обязаны верить мне. Но вот сотрудник, который в течение многих месяцев ведает выдачей писем до востребования. Возможно, какое-нибудь письмо или почтовая карточка ускользнули от моего внимания или я просто забыл. Ларри, будьте любезны сказать представителям комендатуры, не помните ли вы какой-нибудь корреспонденции на имя Вуайе, до востребования?

Теперь, под мелким дождём, пронизывающим насквозь его тонкий габардиновый плащ, Ларри почувствовал дрожь. Не от холода, нет! Его заставило вздрогнуть воспоминание о словах, которые он спокойно произнёс: «Нет, мне кажется, писем на это имя не было».

Итак, у него хватило мужества солгать. Он солгал в одно мгновение, даже не покраснев, не сводя глаз с улыбавшегося Ландэра. Да, Ландэр тоже улыбался. Только он улыбался не так, как гестаповцы. Это была отеческая, ободряющая улыбка. Казалось, она говорила: «Отлично, Ларри! Мы действуем заодно. Очень хорошо!»

Ведь было совершенно ясно, что «главный» тоже лгал, когда, не моргнув глазом, заявил гестаповцам, что никогда не видел писем, адресованных на имя Вуайе. Такие письма были. Они регулярно приходили два или три раза в неделю, и являлся за ними какой-то нервный и очень вежливый человек, бумаги которого были в полном порядке. Это Ландэр-то, почти ежедневно проверявший алфавитные клетки, человек такой исключительной памяти, мог забыть о существовании этих писем! Кто же этому поверит? А между тем с каким равнодушным видом старик разговаривал с гестаповцами! Да, уж если говорить о хитрецах, так это был хитрец!

После того, как представители комендатуры удалились, контролёр внимательно посмотрел на Ларри — глаза в глаза — и тихо сказал:

— Извините меня, милый друг! Мне нельзя было поступить иначе. Я видел, что эти типы не верят мне. Вот я и вызвал вас на помощь. Мне было очень неприятно ставить вас в такое положение, тем более, что вы бывший военнопленный. И вообще, я вас очень ценю и не хотел бы причинять вам неприятностей. Но судите сами: нельзя же было допустить, чтобы они напали на след этого Вуайе. Наверное, это один из участников Сопротивления, если они охотятся за ним. Во всяком случае, он такой же француз, как и мы с вами. Вы не сердитесь на меня?

Ларри ничего не ответил. Он протянул руку, и контролёр крепко её пожал. Ларри показалось, что начальник хотел что-то добавить, но воздержался. Гм... Если старик хотел сказать, что он тоже принимает участие в этой тайной организации, название которой у всех на устах, хотя никто не мог бы назвать ни одного её участника, то Ларри и без этого догадывался обо всём. Он поступил так, как подсказывало ему его французское сердце.

* * *

И вот Ларри мерит шагами ночные улицы. Его плечи не страшатся холодного ветра; они широко расправлены, точно их выпрямила чья-то братская рука. Непривычная гордость наполняет всё его существо. Почему начальник позвал его на помощь, хотя понимал, какой опасности подвергает своего подчинённого? Может быть, он вспомнил о его военном кресте за кампанию 1939—1940 годов? Без малейшего колебания старик поставил его рядом с собой, и оба они в один голос ответили:

— Нет, нам абсолютно ничего не известно об этом Вуайе, которого вы разыскиваете!..

Почему они так ответили? Да хотя бы потому, что Вуайе, состоял он в Сопротивлении или не состоял, был французом. И ещё потому, что, как бы ни были они побеждены (а эту истину вам повторяют десятки раз в день, чтобы люди в конце концов убедились в ней), всё-таки это нормально, что человек не стал подлецом.

Негодяй, который донёс на товарища с улицы Буле, или тот прохвост, выдавший их сотрудницу, были бы неспособны сражаться голыми руками, почти без всякой надежды на победу, как сражались они. Нет, им никогда бы не заслужить кусочка ленточки, которая украшает отворот пиджака Ларри!

— О, я-то далеко не герой! — говорит Ларри самому себе.— Я только выполнял приказы, пока нам ещё приказывали. В об-

щем, такая малость! Не так уж много оснований гордиться тем, что ты попал в плен. Впрочем, может быть, этого и не случилось бы, если бы нами лучше командовали. Но вот нас разгромили, и за колючей проволокой сидят ещё сотни тысяч таких же, как я. Они тоже не герои, а простые люди, и неплохие товарищи. Я-то их отлично знаю. И среди них есть такие, что заработали военный крест.

Эта воинская награда всегда волновала Ларри. Чёрт побери, он считал, что вполне заслуженно получил её, когда там, перед «линией Мажино», в направлении на Сирк, на его солдатскую шинель прикололи этот крест! Приятно было смотреть на свежую ленту, на которой красные полоски, цвет чести, окаймляли зелёный цвет надежды. Но потом те, кого красный цвет чести должен был смущать, решили, что лента слишком яркая, и заменили красные полоски чёрными, напоминавшими параллельные прутья в решётке тюремного окна, и награда приняла траурный вид. С тех пор Ларри оставил ленточку выгорать на лацкане пиджака, решив, что не стоит её заменять новой.

Ларри провёл рукой по лицу и вдруг заметил, что оно мокрое от дождя. Настоящий душ! Так можно и насморк схватить. Но мысль о насморке рассмешила его. Насморк! А двенадцать пуль в шкуру хотите? На мгновение ему пришло в голову, что это были не капли дождя, а слёзы, холодные бесшумные слёзы его пленённого города, его милого Парижа, где теперь каждый человек в любую минуту мог трагически закончить своё земное существование и превратиться в лужицу крови на земле. Для этого достаточно было в ответ на некоторые вопросы фашистов сказать коротенькое слово «нет». И Ларри сказал это слово.

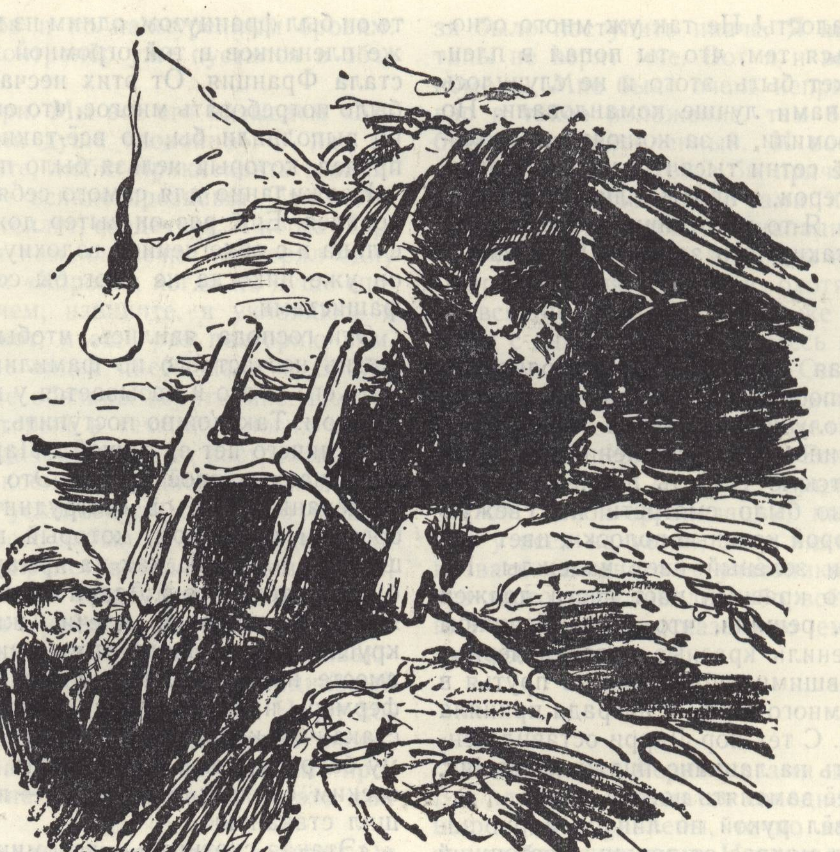
Ясно представив себе всё, что ему грозило, он испугался.

О, теперь они не спустят с него глаз! Теперь надо смотреть в оба В панике он ускорил шаги. Да, теперь он знал одного участника Сопротивления Это было очень важно. Тем более, что он чувствовал себя способным не выдать и не подвести этого человека, что бы с ним, маленьким почтовым служащим, ни сделали. А если эта тайная организация искала случая завербовать его в свои ряды? Что ж, он своим поступком доказал, что оправдал их выбор. Ларри поёжился, он чувствовал, что побоялся бы ответить на их призыв. Да, он далеко не был героем. Просто он был французом, одним из многих, таких же пленников в той огромной клетке, какой стала Франция. От этих несчастных можно было потребовать многое, что они машинально выполнили бы, но всё-таки существовал предел, который нельзя было перейти.

Неожиданно для самого себя Ларри остановился. Ещё раз он вытер дождевую влагу с лица и с облегчением вздохнул. Нет, теперь он уже никогда не смог бы сотрудничать с фашистами.

Эти господа явились, чтобы потребовать жизнь несчастного по фамилии Вуайе. Выдать его — это и называется у них сотрудничеством. Так можно поступить, когда у человека ничего нет за душой... Ларри уже «сотрудничал» в своё время. Это было там, в Померании. Там он «сотрудничал» с одним богатым фермером, который выбрал его в шеренге пленных, как на ярмарке выбирают быка, потому что у Ларри оказались крепкие мускулы, широкие плечи, жизнерадостное круглое лицо. После этого они отправились вместе на ферму. Когда они пришли туда, фермер наполнил под портретом фюрера стаканчик коньяком, сунул его под нос новому батраку, дал ему понюхать, сказал с идиотским смехом: «Коньяк!» — и тут же осушил стаканчик.

«Этакая скотина!»— вспоминал Ларри эту сцену. Коньяк был из Франции. Почитателю фюрера хотелось подразнить военнопленного. На другой день дождь лил как из ведра. Ларри должен был шлёпать по грязи, чуть не по колено в воде, пока добрался из лагеря до фермы. Фермер оглядел его со всех сторон и повёл к шкафу, в котором хранилась пара старых резиновых сапог. Эти сапоги он велел почистить. Ларри подумал тогда: «Нет, он всё-таки не окончательная свинья. Всё-таки у него есть какая-то жалость ко мне. Наверное, он хочет одолжить мне сапоги, чтобы я в них пошёл обратно в лагерь». Однако, когда сапоги были приведены в надлежащий вид, фермер снова поставил их в шкаф, а шкаф с оскорбительным смехом запер на ключ. Однажды... При этом воспоминании Ларри даже кулаки сжал от гнева. Однажды фермер по какому-то случаю созвал родственников и соседей на пир. Была куча гостей. На вертеле жарился гусь — праздничное блюдо. Ларри тоже позвали из конюшни, чтобы он сел за стол с гостями. Как и все, он тоже получил свою долю закусок, овощей и даже кусок гуся. Хозяин выслушивал похвалы гостей, но весь его вид говорил, что он что-то придумал. Казалось, его хитрые глазки подмигивали:

Фермер понял, что француз способен в эту минуту на всё, и поспешно спустился по лестнице.

«Подождите немного, я приготовил для вас сюрприз. Останетесь довольны!»

Сюрприз заключался в том, что как раз в тот момент, когда изголодавшийся пленный набил себе рот гусятиной, фермер поднялся со стула и крикнул: «Ларри, за мной, на конюшню!» С куском гуся, застрявшим где-то в глотке, пришлось пойти, взять вилы, переворачивать навоз. Остроумная шутка! Весь её смысл заключался в том, чтобы продемонстрировать перед бандой гостей, глядевших из окон на двор, до какой степени можно унизить человека, если тому хочется есть.

Это «сотрудничество» продолжалось целый год. Но в конце концов всё это до того надоело Ларри, что он уже не мог больше выдержать. Однажды он был на сеновале, под самой крышей. В руках у него были железные вилы. Ларри бездельничал. Но хозяин увидел его снизу и кинулся по лестнице на сеновал. Его голова показалась в люке на уровне пола. Взгляды двух людей скрестились. Фермер понял, что француз способен в эту минуту на всё, и поспешно спустился по лестнице, бормоча что-то себе под нос. В тот день они избегали друг друга. Ларри чувствовал в воздухе веяние смерти, дисциплинарный лагерь. В самый последний момент, когда нужно было возвращаться за колючую проволоку, фермер сказал: «Ларри, завтра ты не надо приходить на ферма». В тот же вечер деревенский нацист явился в местную комендатуру и потребовал отпустить на ферму другого военнопленного, так как, по его словам, первый оказался «слишком вялым».

Ларри рассмеялся при воспоминании о том, какая была рожа у фермера, когда он понял, что француз с вилами в руках может проткнуть ему горло. В общем, Ларри мог считать, что получил некоторое моральное удовлетворение за все свои страдания. Хозяин определённо струсил. «Они вообще не такие уж крепкие, как кажется,— подумал Ларри.— Стоит только взять в руки оружие да набраться смелости пустить его в ход — и ваших нет! Тогда они быстро спускают флаг. Нет, этим двум, что явились в бюро, не заставить меня сотрудничать с нацистами. К старому возврата нет. Довольно!»

* * *

Несколько дней прошло без больших событий. Ларри заметил, что писем до востребования на имя Вуайе больше не поступало. Эти парни из Сопротивления были хорошо организованы, и, конечно, главный контролёр был одним из них. Очевидно, он и поднял тревогу. В общем, Ларри был даже доволен, что начальник не заводил с ним разговора о тайной организации. Этого ещё не хватало! И так приходится рисковать на каждом шагу.

Но однажды утром судьба открыла свои карты. Сотрудники приступали к работе. Главный контролёр Ландэр читал только что полученный очередной циркуляр. Вдруг он позвал:

— Мсьё Ларри!

Ларри поспешил к начальнику, сохраняя внешнее спокойствие, но с бьющимся сердцем. Первое, что бросилось ему в глаза, когда он вошёл, была лежавшая на столе бумага, отстуканная на машинке, со знакомой печатью внизу: орёл с распластанными крыльями и свастикой. Печать комендатуры!

Ландэр протянул ему бумагу:

— Прочтите и примите к сведению!

Это было обычное распоряжение оккупационных властей. Предписывалось представлять в комендатуру всю переписку до востребования на имя некоего Клода Желю. Приказ был кратким и точным.

Ларри опустил голову. В мозгу промелькнуло страшное слово «сотрудничество». Начальник стал что-то писать, всем своим видом показывая, что он предоставляет ему полную свободу действий.

Сначала Ларри стал обольщать себя несбыточной надеждой. Ведь приказ адресован не ему лично. Гестапо не станет стрелять из пушек по воробьям. Это был циркуляр для всех, без исключения, почтовых отделений города Парижа. Не показывая виду, что это его интересует, Ларри спросил о приказе мнение товарищей. Те подтвердили, что приказ действительно носит общий характер. Таким образом, много шансов было за то, что ему вообще не придётся иметь дело с этим Желю.

Желю! Желю! Он отлично представлял себе этого человека. Конечно, тоже участник Сопротивления, один из тех, кого продажные газеты называют террористами, а в действительности просто такой же француз, как и все. Впрочем, лучше бы всё-таки не было почты для этого Желю, чёрт бы его побрал!

Но вот в субботу в руках Ларри очутилось письмо на имя Желю. Вся кровь бросилась ему в голову. Он сразу же сделал то, что надо было сделать в данном случае: не положил письмо в полагающуюся для него алфавитную клетку, потому что Ландэр наверняка не сдал бы его в гестапо и этим поставил бы себя под угрозу ареста. А ведь Ландэр уже не молод, у него жена, трое детей, он участвует в Сопротивлении. Он нужный для страны человек, а кроме того, во всей этой истории он ни при чём. То, что разыгрывалось, было партией между Ларри и гестаповцами, и никто другой не должен был принимать участия в этой опасной игре. Он сунул злополучное письмо в ящик, где хранились письма, не затребованные или отложенные «за ненахождением адресата». Там оно всегда находилось под рукой, но никому бы в голову не пришло разыскивать его в этом пыльном ящике. Теперь не оставалось ничего другого, только молчать и ждать.

Ларри терпеливо выжидал в продолжение трёх дней. Всякий раз после работы он проверял, находится ли письмо для Клода Желю на своём месте. Всё было в полном порядке. В течение трёх дней он был в состоянии отвечать на вопросы начальника и не дать ему повода подозревать, что письмо, о котором шла речь в приказе комендатуры, находилось в двух шагах от него.

Наконец человек явился за письмом. Он предстал перед окошечком и молча протянул удостоверение личности. Там стояло: Желю, Клод. На простой дешёвенькой фотокарточке был изображён ничем не примечательный человек. Лицо славного парня. «Похож немного на Луи из нашего лагеря,— подумал Ларри,— может быть, даже родственник?»

Всё произошло очень просто. Ларри отыскал спрятанное письмо среди корреспонденции, отложенной «за ненахождением адресата».

— Вот ваше письмо,— сказал он тихо и от волнения закрыл глаза.

Вот как всё это произошло. Точно какая-то волна подняла его и смыла всё жалкое, что ещё оставалось в его сердце, в сердце колеблющегося человека, который всё ждал приказа. Приказ? Сейчас он получил его от самого себя и в точности выполнил.

* * *

Его арестовали в тот же вечер, когда он выходил из почтового отделения после работы. Допрос не затянулся.

— Вы знали, что делали, передавая письмо? — спросили его.

«Я поступил так, как надо было поступить».

Лгать? Опять лгать? Нет, теперь он уже не склонится ни перед чем.

— Да,— ответил он,— я выполнял свой долг.

— Но ведь вы получили точное указание от оккупационных властей.

— Совершенно верно, от оккупационных. Но я француз.

Человек, сидевший за столом, сказал:

— Уведите его.

Ларри поднялся, несмотря на то, что ноги у него были, как деревянные. В эту минуту перед его глазами снова возникла та же сцена, когда фермер поднимался по лестнице на сеновал, а он поджидал его с вилами в руках.

Его вывели. Он дышал так глубоко, как будто хотел как только можно острее почувствовать свежесть воздуха. Уже немного оставалось до того момента, когда он вообще перестанет дышать. Его дело будет кончено очень быстро. Иначе они совсем не то, за что их принимают.

Когда его проводили по коридору, открылась одна из дверей, над которой позолоченными буквами было обозначено: «Касса». Как раз из этого помещения, подталкивая друг друга и обмениваясь грубыми шутками, вышли три человека. Ларри узнал среди них тех двух офицеров из гестапо, что приходили к ним в бюро. Один из них засовывал в карман бумажник. Третий был тот самый, что получил письмо на имя Желю. «Значит, и он был нацистом... Что ж, так всё-таки лучше,— подумал Ларри.— Они устроили мне ловушку и поймали. А я ещё подумал, что этот тип похож на нашего Луи. Прости меня, дружище!»

Ларри выпрямился, положил руку на отворот пиджака, точно хотел погладить ленточку военного креста в петлице. Так он и шёл по коридору между двумя стражами. Те трое, что выходили от кассира, посмотрели на него и перестали смеяться.

Ему была предоставлена возможность выразить своё последнее желание в письменной форме. Он попросил перо и чернил. Чтобы не компрометировать никого лично, он написал на конверте: персоналу такого-то почтового отделения.

Письмо было кратким. Две фразы, написанные твёрдой рукой:

«Хорошо, когда на душе спокойно. Я поступил так, как надо было поступить».

Перевёл с французского
Анатолий Ладинский.

БЕМБИ

(Продолжение)

Юрий Нагибин

По одноимённой повести Ф. Зальтена.

Рисунки В. Ватагина.

Со старого дуба, преграждавшего выход на поляну, медленно кружась, слетел лист. И с других деревьев, то раздумчиво-плавно, то стремительно ввинчиваясь в воздух, облетали красные, жёлтые, в мрамористых разводах листья.

День за днём, день за днём...

Мир неузнаваемо изменился. И нелегко было Бемби приспособиться к этому изменившемуся миру. На смену прежнему богатству пришла нищета. Бемби считал чем-то само собой разумеющимся, что его окружали избыток и довольство, что он никогда не знал недостатка в еде, что спал он в прекрасной, убранной зеленью хижине и разгуливал в красивой, гладенькой красной шубке. Но теперь всё стало по-иному...

Правда, перемена шла исподволь и поначалу даже радовала Бемби.

Бродя ночью по лесу или лёжа в своем убежище, он слышал неумолчный шорох опадающих листьев. Шуршало, шелестело, потрескивало во всех уголках леса. Нежный, серебристый звон беспрестанно изливался с верхушек деревьев на землю. Было удивительно приятно слышать его, просыпаясь, и так хорошо было засыпать под это таинственное, чудесное перешёптывание.

Теперь листва покрывала всю землю и при каждом шаге громко хрустела. Весело было расшвыривать её ногами в разные стороны. Листва шелестела — «Ш-ш-ш-ш!» — нежно, светло, серебристо. Чуткий шорох листвы был не только приятен, он приносил немалую пользу. В эти дни не к чему стало напрягать чутьё и слух. Зачем внюхиваться, вслушиваться, если листва издалека предупреждает о всяком подозрительном движении в лесу. «Ш-ш-ш!» — сухо и звонко шуршат опавшие листья — попробуй кто подкрасться незамеченным!

Но вот зарядил дождь. С раннего утра и до позднего вечера он лил, не переставая; всю ночь напролёт шумел и шумел до самого утра и после короткой передышки вновь принимался лить с новой силой. Воздух был пропитан влагой, во всём лесу не осталось ни одного сухого местечка. При каждой попытке ущипнуть травку рот мгновенно наполнялся водой, и стоило лишь слегка потеребить кустик, чтобы потоки воды залили глаза и нос.

Листва уже больше не шуршала. Она лежала на земле, мягкая и тяжёлая, спрессованная дождём и потерявшая свою чуткость.

А потом задул северный ветер, и Бемби узнал, что такое мороз. Как ни прижимайся к матери, ничто не защитит тебя от стужи. Прежде так приятно было лежать в тесноте хижины, чувствуя живое материнское тепло с одного бока, но сейчас это тепло не сообщалось телу, пронизанному ледяной ознобью.

Ветер дул денно и нощно. Казалось, в бешеной злобе хочет он вырвать с корнем лес и унести его прочь или, растрепав в воздухе, уничтожить. Деревья скрипели в могучем противоборстве, они стойко сопротивлялись яростному натиску. Слышался их стонущий треск, слышались громкие выстрелы лопавшихся сучьев, слышался яростный грохот сломленного ствола большого дерева и горестный

всхлип, вырвавшийся из всех ран его разбитого, умирающего тела. Затем не стало слышно ничего, кроме ветра, его угрюмый вой заглушил все остальные звуки.

Тут-то и пришла нужда. Ветер и дождь чисто сделали своё дело. Ни одного листочка не сохранилось на кустах и деревьях. Лесные исполины стояли нагие, обобранные и жалобно простирали к небу свои голые коричневые ветви-руки. Трава на лужайке пожухла и стала такой низенькой, будто вросла назад в землю. Голой и бесприютной выглядела хижина. С тех пор как исчезли её зелёные стены, там уж нельзя было чувствовать себя так надёжно, как прежде, к тому же со всех сторон пронзительно дуло...

Однажды утром молоденькая сорока летела над лужайкой. Что-то белое, прохладное упало ей на глаза светлой и лёгкой вуалькой, ещё и ещё, и вот мириады белых, мягких, сверкающих хлопьев зареяли вокруг неё. Сорока захлопала крыльями и взмыла вверх. Тщетно. Мягкие, прохладные хлопья слепили ей глаза и здесь. Она ещё набрала высоту.

— Не трудитесь понапрасну, дорогая! — крикнула ей ворона, летевшая в том же направлении. — Вам не уйти от этих хлопьев. Это снег.

— Снег?! — удивлённо повторила сорока, борясь с метелью.

— Ну да,— сказала ворона.— Сейчас зима, и это снег.

— Простите, — сказала сорока,— я только в мае вышла из гнезда. Я не знаю, что такое зима.

— Бывает,— заметила ворона.— Но ничего, вы ещё узнаете...

«Раз это снег,— подумала сорока,— мне лучше присесть».

И она опустилась на ветку ольхи. Ворона полетела дальше.

Бемби вначале обрадовался снегу. Когда падали белые звёздочки, воздух становился тих и мягок, а простор казался обновлённым и радостным. Стоило проглянуть солнышку, как белое покрывало земли загоралось яркими блёстками, оно так сверкало, что болели глаза.

Но вскоре Бемби перестал радоваться снегу. Приходилось долго разгребать его, чтобы отыскать хоть несколько травинок. Сухой снег больно кололся, и надо было внимательно следить за тем, чтоб не поранить ноги. С Гобо так и случилось. Но Гобо вообще был такой беспомощный, за ним нужен был глаз да глаз.

Теперь они почти всё время проводили вместе. Тётя Энна, что ни день, приходила в гости со своими ребятами. В их кругу появилась и Марена, юная девушка, почти ребёнок. Но кто действительно умел оживлять беседу, так это старая тётя Неттла. Она была личностью крайне своеобразной и обо всём имела особое мнение.

Иногда к ним присоединялся то один, то другой из принцев. Вначале это вызывало некоторую натянутость, потому что дети робели, но затем они привыкли, и беседы обрели прежнюю непринуждённость. Бемби восхищался принцем Ронно, очень видным господином, а молодого, прекрасного собой Каруса он любил самозабвенно. Они сбросили свои короны, и Бемби с любопытством рассматривал обозначившиеся на головах принцев округлые блестящие бугорки, усеянные чёрными точками. Это выглядело так изысканно!

Было необычайно интересно, когда принцы рассказывали о себе. У Ронно на левой ноге бугрился толстый, заросший шерстью нарост. Ронно немного прихрамывал на левую ногу и находил нужным время от времени указывать на этот свой недостаток:

— Вы, конечно, заметили, что я прихрамываю?

Все спешили уверить его, что это совсем не заметно. Ронно только того и хотелось. Но хромота его и в самом деле была еле приметна.

— Да, — начинал Ронно, — лишь чудом удалось мне тогда уцелеть...

И Ронно рассказывал, как Он застал его однажды врасплох и метнул в него огонь. Но Он попал только в ногу. Треснула кость, боль была нестерпимая. Превозмогая боль, Ронно кинулся бежать на трёх

ногах. Он бежал всё дальше и дальше без передышки, потому что чувствовал, что его преследуют. Он бежал до наступления темноты и только тогда дал себе отдых. А наутро он снова пустился в бегство. Почувствовав себя наконец в безопасности, он схоронился в укромном тайнике и здесь терпеливо ждал, пока не затянулась рана. Лишь тогда покинул он своё убежище, и весь лес признал его героем. Он, правда, прихрамывает, но ведь это почти незаметно, так ему, во всяком случае, кажется...

О чём бы ни говорили во время этих вечерних сборищ, кончалось всё разговором о Нём. О том, как грозен Его облик,— никто не смеет взглянуть Ему в лицо, — о возбуждающем, едком запахе, который Он несёт с собой. Бемби тоже мог бы коечто порассказать об этом, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы вмешиваться в беседу взрослых.

Говорили о том, что для ходьбы Он пользуется только двумя ногами, и поражались удивительной силе и ловкости Его рук. Но тётя Неттла придерживалась особого мнения:

— По-моему, в этом нет ничего особенного. Белочка делает передними лапками всё, что ей нужно, и любая маленькая мышка проделывает такие же фокусы.

Она победоносно откинула голову.

— Ого! — дружно вскричали остальные и дали понять тёте Неттле, что это совсем не одно и то же.

Но тётя Неттла не сдавалась.

— А сокол?! — воскликнула она.— А сарыч? А сова? У них всего-то по две ноги, и когда им надо что-нибудь взять — так, кажется, это у них называется,— они преспокойно стоят на одной-единственной ноге, а действуют другой. Это куда труднее, и Ему нипочём так не сделать!

Тетя Неттла отнюдь не была склонна чему-либо удивляться в Нём: она ненавидела Его от всего сердца.

Дело запуталось, когда речь зашла о том, что у Него есть ещё и третья рука.

— Старая басня, — отрезала тётя Неттла, — никогда я этому не поверю!

— Да? — вмешался Ронно. — А скажите на милость, чем же Он раздробил мне ногу?

— Это — твоё дело, дорогой мой, — беззаботно ответила тётя Неттла,— мне-то он ничего не раздробил.

Тётя Энна сказала:

— Я многое повидала на своём веку и думаю, что разговоры о третьей руке не лишены основания.

Юный Карус заметил вежливо:

— Я присоединяюсь к вам. Дело в том, что я знаком с одной вороной...

Карус замялся и обвёл взглядом присутствующих: не смеются ли над ним. Но, увидев внимание на лицах слушателей, успокоился и продолжал:

— Ворона чрезвычайно сведуща... Я позволю себе это заметить, удивительно сведуща... И она говорит, что Он в самом деле пользуется третьей рукой, хотя и не всегда. Третья рука, говорит ворона, очень злая. Она не растёт у Него из тела, как две другие. Он носит её за плечом. Ворона утверждает, что всегда может заранее сказать: опасен Он или нет. Если Он приходит без третьей руки, Его нечего опасаться...

Тётя Неттла засмеялась:

— Твоя ворона чрезвычайно глупа, дорогой Карус! Можешь мне поверить. Будь у неё хоть какойто умишко, она бы знала, что Он всегда опасен.

Но с ней не согласились.

Мать Бемби сказала:

— Всё же среди Них попадаются и такие, что не опасны. Это как-то сразу чувствуется.

— Ах, вот что! — усмехнулась тётя Неттла. — И, конечно, ты спокойно ждёшь, когда Он приблизится, чтоб сказать ему: добрый вечер!

— Нет! — мягко ответила мать. — Я всё-таки убегаю...

Неожиданно Фалина воскликнула:

— Нужно всегда удирать!

Все засмеялись. Но постепенно веселье, вызванное выходкой Фалины, стихло. Оленям казалось, будто что-то мрачное, давяще-душное нависло над ними. Ведь как ни называй это: третьей ли рукой, или как-то иначе,— гибель не заговоришь словом. Немногие сталкивались с Ним вплотную, большинство знало о Его повадках лишь понаслышке. Вот Он стоит вдалеке, недвижно, и вдруг что-то такое происходит, раздаётся громкий треск, подобный удару грома, вылетает огонь. Это чья-то смерть.

Олени тесно прижались друг к другу, ощущая ту тёмную власть, которая безраздельно господствовала над ними. Жадно внимали они полным ужаса рассказам. События недавних дней перемежались с преданиями далёкой старины, ибо Он был всегда и всегда нёс с собой смерть, и каждый невольно думал, чем бы умилостивить Его, как избежать Его роковой власти.

— Как же так получается, — сказал вдруг Карус, — что Он убивает на расстоянии?

— А ты бы спросил свою умную ворону,— усмехнулась тётя Неттла.

— Я уж спрашивал, она сама не знает...

— Кстати, Он убивает и ворон на деревьях, когда захочет, — заметил Ронно.

— И фазанов в воздухе, — вставила тётя Энна.

Мать Бемби сказала:

— Он швыряет свою руку. Так мне говорила моя бабушка.

— Да? — усомнилась тётя Неттла. — А что же это такое, что так громко хлопает?

— Когда он бросает свою руку, — пояснила мать Бемби, — вспыхивает огонь и ударяет гром. Он весь состоит из огня.

— Простите,— сказал Ронно,— то, что Он весь из огня, конечно, верно, но насчёт руки вы заблуждаетесь. Рукой нельзя нанести такую рану, какую вы видите. Это скорее зуб. Он мечет в нас зуб. Понимаете, зуб! Это многое объясняет. Мы же знаем, что бывают смертельные укусы.

Юный Карус глубоко вздохнул:

— Он никогда не перестанет нас преследовать!

Тогда заговорила Марена, девушка, почти ребёнок:

— Говорят, в один прекрасный день Он придёт к нам и будет так же добр, как мы. Он будет с нами играть. Весь лес станет счастливым, наступит всеобщее примирение.

— Нет уж! — со смехом воскликнула тётя Неттла. — Пускай лучше Он будет сам по себе, а нас оставит в покое.

— Но... так тоже нельзя говорить... — возразила Энна.

Тётя Неттла отвернулась.

— Пойду-ка, поищу чего-нибудь поесть, — сказала она ворчливо и покинула общество

Зима продолжалась. Порой непогодь стихала ненадолго, опять валил снег, наметывая огромные, непролазные сугробы. Когда же пригревало солнце, снег подтаивал. Ночью его прихватывало морозом, на поверхности застывала тонкая ледяная корочка. Стоило поскользнуться, и корочка трескалась, острые её края больно ранили нежные суставы ног.

Последние дни стоял трескучий мороз. Ядрёный, звенящий воздух был чист и прозрачен. Время будто остановилось, и нужде не предвиделось конца.

— Даже не верится, что когда-нибудь будет лучше! — вздыхала мать Бемби.

И тётя Энна вздыхала тоже:

— Не верится, что когда-то было лучше.

— О, нет! — возражала Марена, задумчиво глядя в какую-то ей одной ведомую даль.— Я постоянно думаю о том, как хорошо было прежде...

— Послушайте,— обратилась тётя Неттла к тёте Энне, кивнув на Гобо.— Что это ваш мальчик дрожит? Он всегда так дрожит?

— К сожалению, да, — огорчённо сказала тётя Энна. — Уже с давних пор.

— О! — сказала тётя Неттла со своей обычной прямотой. — Будь он моим ребёнком, я бы сильно опасалась, что он не дотянет до весны.

С Гобо в самом деле обстояло неважно. Он был такой хрупкий, куда слабее Бемби и Фалины, и сильно отстал от них в росте. Теперь ему с каждым днём становилось всё хуже. Гобо не мог добывать пищу из-под снега и совсем обессилел от голода, холода и лишений. Он беспрерывно дрожал и стал ко всему безучастен.

Тётя Неттла подошла к Гобо и дружелюбно толкнула его в бок.

— Ну, не вешать носа! Это вредно и совсем не идёт маленькому принцу! — Она отвернулась, чтобы скрыть своё волнение.

Вдруг Ронно, сидевший неподалёку, вскочил:

— Я не знаю... что это?.. — пробормотал он, озираясь.

Все насторожились.

— Что случилось?..

— Не знаю, ничего не знаю, — повторил Ронно.— Но мне неспокойно. Вдруг мне стало неспокойно... Что-то такое происходит...

Карус втянул воздух.

— Я ничего не чувствую.

Оба стояли, навострив уши и глубоко втягивая ноздрями воздух.

— Ничего... вроде ничего... — проговорили они.

— И всё же, — убеждённо произнёс Ронно, — вам меня не разубедить. Что-то такое происходит...

Марена сказала:

— Кричали вороны...

— Они снова кричат! — быстро добавила Фалина. Теперь и остальные услышали вороний крик.

— Вон они летят! — воскликнул Карус.

Все дружно подняли головы Высоко над кронами деревьев летела воронья стая Они летели с окраины леса, с того последнего рубежа, откуда всегда приходила опасность. Вороны сердито переговаривались.

— Ну что, разве я не прав? — сказал Ронно. — Сразу видно, что-то надвигается.

— Что же делать? — испуганно прошептала мать Бемби.

— Бежать! — воскликнула тётя Энна.

— Ждать, — убеждённо сказал Ронно.

— С детьми? — переспросила тётя Энна. — Ждать, когда Гобо еле передвигает ноги?

— Ну, хорошо,— сказал Ронно — Уходите По-моему, это бессмысленно. но я не хочу, чтобы меня потом упрекали.

— Идём, Гобо! Фалина, идём! — И тётя Энна вместе со своими детьми двинулась вперёд.

Остальные остались на месте. Они стояли тихо, прислушиваясь и дрожа.

— Только этого недоставало ко всему, что нам пришлось пережить, — сказала тётя Неттла

Сорочий таратор послышался с той стороны леса, откуда прилетели вороны.

— Внимание!.. Внимание!!! Внимание!.. — трещали они. Их ещё не было видно, но отчётливо слышался предостерегающий вразнобой, вперебив крик:

— Вни-вни-вни-ма-ние!..

Но вот сороки показались. Перелетая с дерева на дерево, носились они взад и вперёд, испуганно и неутомимо.

— Гха-х! — вскричала сойка и громко прокричала знакомый всем сигнал тревоги.

Внезапно олени тесно сбились в кучу.

То был Он!

Волна невыносимого запаха плыла сквозь чащу, дурманила голову, ужасом холодила сердце.

Взбудораженный лес наполнился движением, щебетом, писком. В ветвях шныряли синицы — сотни маленьких пушистых комочков — и пищали изо всех силёнок: «Вперёд! Вперёд!» С паническим криком пронёсся чёрный дятел. Сквозь тёмную сетку обнажённого кустарника было видно, как на снегу метались узкие, длинные тени. То были фазаны. Посреди них мелькало что-то красное, вероятно, лиса. Но никто теперь не боялся её. Тяжкий, невыносимый запах тёк сквозь лес, примиряя всех его обитателей в общем страхе, в общем стремлении во что бы то ни стало спастись.

Этот таинственный, давящий запах пронизывал лес с такой неслыханной, небывалой силой, что все поняли: на этот раз Он не один, Он идёт с себе подобными.

Не двигаясь, смотрели олени на встрёпанных, растерянных синиц и дроздов, на белок, отчаянно скачущих со ствола на ствол, и думали, что всем этим малюткам, в сущности, нечего бояться. И всё же олени понимали их: ведь и эти малютки чуяли Его, а ни одно лесное существо не может вынести Его приближения...

Вот прискакал друг-приятель заяц, на миг остановился и поспешно заскакал дальше.

— Что там происходит? — крикнул ему вдогонку Карус.

Друг-заяц присел, но лишь повёл глазами, говорить он не мог.

— К чему спрашивать, — сумрачно проговорил Ронно.

Друг-заяц глотнул воздух.

— Мы окружены, — прошептал он беззвучно. — Выхода нет. Всюду Он!

И в тот же миг все услышали Его голос. Десять, двадцать, тридцать раз подряд Он прокричал:

— Хо-хо-хо-хо! Ха-ха-ха-ха!..

Это звучало сокрушительно, как буря или ураган. Он колошматил по стволам деревьев, заставляя их громко стонать. Это было ужасно. Шорох и свист раздвигаемых кустов, стон деревьев, гром и треск ломаемых сучьев сопровождали каждый его шаг.

Он шёл сюда, в самую чащу.

Там, откуда Он шёл, послышались короткие, свистящие трели, всхлопы широких крыльев — это поднялся фазан. Секунду или две было слышно, как набирает он высоту, и тут раздался резкий удар грома. Тишина. Затем глухой удар о землю.

— Он убит, — трепеща, сказала мать Бемби.

— Первая жертва, — добавил Ронно.

Бемби пытался понять происходящее, но всё нарастающий шум путал его мысли. Гремело, свистело, трещало, громыхало со всех сторон, и в этом сумбуре звуков Бемби слышал, как бьётся его сердце. Время от времени мать говорила ему: «Будь подле меня». Она говорила громко, почти кричала, но в окружающем гуле казалось, что она шепчет.

Это «будь подле меня» давало Бемби какую-то опору. Слова матери приковывали его, будто цепью, иначе он бы давно кинулся наутёк. Но всякий раз, когда он терял над собой власть, слышал он эти слова.

Бемби осмотрелся. Вот проскочила чета ласок: две узенькие, извивающиеся полоски, едва уловимые глазом. Еж жадно прислушивался к каждой новости, которую, запинаясь, сообщал ему вконец отчаявшийся заяц. Вертелась лиса в сутолоке мечущихся фазанов. Они не обращали на неё никакого внимания, сновали под самым её носом, но и лисе было не до них. Вытянув шею, насторожив уши, она вовсю работала носом, пытаясь что-нибудь понять во всей этой суматохе. Рыжим пушистым хвостом она часто колотила себя по ногам.

Торопливо подбежал фазан. Он выскочил из самого пекла и был вне себя.

— Только не подниматься! — кричал он своим. — Только не подниматься! Бежать, бежать и бежать!

Он без конца твердил одно и то же, будто хотел убедить самого себя, но едва ли сознавал, что говорит.

— Хо-хо-хо!.. Ха-ха-ха!.. — прозвучало совсем рядом.

— Только не подниматься! — крикнул фазан и тут же, с громким криком расправив крылья, взлетел.

Бемби следил, как прямо и круто взмыл он между деревьев, шурша крыльями, мерцая синим и коричневым в золоте глянцем своего роскошного убора, чудесного, как драгоценность. Шлейф его длинных хвостовых перьев гордо распространялся по воздуху. Резко прозвучал короткий удар грома. Фазан сложился, перевернулся через голову, будто желая ухватить клювом собственные ноги, и тяжело рухнул наземь. Он упал посреди фазаньей сутолоки и больше не двигался.

Пять или шесть фазанов одновременно поднялись в воздух, громко шурша крыльями.

— Не подниматься! — кричали остальные, бросившись врассыпную.

Гром ударил пять или шесть раз, и взлетевшие фазаны бездыханными упали на землю.

— Теперь идём! — сказала мать.

Бемби обернулся. Ронно и Карус уже ушли. Исчезла и тётя Неттла. Лишь одна Марена осталась с ними. Они двинулись вперёд, Бемби рядом с матерью, позади скромно выступала Марена.

Бушевало, ревело, трещало, гремело со всех сторон. Мать оставалась спокойной. Она, правда, не могла унять дрожи, но сохраняла ясный разум.

— Бемби, дитя моё, — говорила она, — об одном прошу: держись всё время возле меня. Мы отсюда выберемся, только не надо торопиться.

А грохот всё нарастал. Десять — двенадцать раз подряд прогремел гром, который Он извлекал из своих рук.

— Спокойно, — повторяла мать. — Только не бежать! Когда мы найдём лаз, тогда беги, беги изо всех сил. И помни, дитя моё, ты не должен обращать внимания на меня. Что бы ни случилось со мной... даже если я упаду... помни одно — бежать, бежать изо всех сил!

Лес немного поредился, и впереди, в плетении кустарника, засияла светлая даль. А позади, приближаясь с каждой секундой, раздавался барабанный постук по стволам деревьев, треск ломаемых сучьев, раскатистое «Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!..»

Дорогу оленям перескочил друг-приятель заяц с двумя сородичами. «Бум-та-ра-рах!» — прогремел гром. Бемби увидел, как заяц на бегу перекувырнулся, показав светлое брюшко, и остался лежать. Он дернулся раз — другой и затих. Бемби в страхе остановился.

Но тут раздался чей-то крик:

— Они идут!.. Прочь отсюда! Скорее прочь!

И вдруг Бемби услышал чью-то незнакомую поступь и оглянулся. То был Он. Он возникал изо всех кустов, ближних и дальних. Отовсюду, куда ни кинешь взгляд, круша всё на своём пути, барабаня по стволам деревьев, ломая кустарник, со всех сторон надвигался Он.

— Пора! — сказала мать. — Вперёд! Не прижимайся ко мне, держись чуть поодаль. — Одним прыжком достигла она лаза и, взметнув столб снега, выскочила наружу. Бемби ринулся следом. Гром гремел над самой его головой, казалось, раскалывается небо. Ничего не видя перед собой, Бемби мчался вперёд. Лишь одно неистовое желание владело им: вырваться из этого грохота и чадного дурмана, спастись, спастись во что бы то ни стало, иного не было в его сердце. Он бежал. На какой-то миг Бемби привиделось, будто мать упала, но, возможно, это только показалось ему. Пелена застилала глаза. Гонимый страхом, мчался он вперёд, мчался без памяти, без чувств, без разума...

Но вот он миновал пустое пространство, и другая чаща приняла его в свои объятия. Позади ещё звучали крики, гремели выстрелы, и в ветвях что-то пересыпалось, будто начинался град. Затем всё стихло.

На снегу лежал умирающий фазан со свёрнутой шеей, крылья его слегка трепыхались. Услышав шаги Бемби, он чуть дёрнулся и прошептал: «Вот и всё...»

Не обратив на него внимания, Бемби пробежал мимо. Вскоре, запутавшись в густом валежнике, он вынужден был сдержать шаг. Нетерпеливо принялся он нащупывать тропу и вдруг услышал чей-то голос:

— Бемби!

Бемби круто остановился. Голос принадлежал кому-то из его племени.

Снова прозвучало:

— Бемби!.. Это ты?..

В стороне от тропы по самую шею увяз в снегу Гобо, видно, он совсем выбился из сил и уже не пытался стать на ноги.

Охваченный горячей жалостью, Бемби кинулся к своему другу.

— Где твоя мама, Гобо? — спросил он, задохнувшись. — Где Фалина? — Бемби говорил быстро,

возбуждённо, нетерпеливо, страх всё еще стучал в его сердце.

— Мама и Фалина побежали дальше, — покорно ответил Гобо. — Я упал, и они вынуждены были оставить меня здесь. Я не могу идти дальше, но ты должен бежать. — Он говорил тихо, но серьёзно и рассудительно, как взрослый.

— Вставай! — крикнул Бемби. — Вставай, Гобо! Ты довольно отдохнул. Вставай! Идём со мной!

— Нет, оставь меня, — тихо сказал Гобо. — Я не могу подняться, у меня нет сил. Правда, Бемби. Я бы охотно исполнил твоё желание, но я не могу.

— Что же с тобой будет? — с тоской спросил Бемби.

— Не знаю. Наверное, я умру, — просто сказал Гобо.

И тут снова послышались выстрелы и крики. Бемби весь подобрался. Что-то затрещало в зарослях, затопало по снегу и вдруг обернулось юным Карусом. Заметив Бемби, Карус крикнул на бегу:

— Вперёд! Не останавливаться! Кто может, вперёд!

Он исчез, но его стремительный бег повлёк Бемби за собой. Бемби даже не сознавал, что бежит, и прошло какое-то время, прежде чем он, не оборачиваясь назад, крикнул:

— Прощай, Гобо!

Но он был слишком далеко, чтобы Гобо мог его услышать.

До самого вечера носился Бемби по гремящему, грохочущему лесу. Лишь с наступлением темноты всё утихло. Первым, кого встретил Бемби, был Ронно. Он хромал сильнее обычного.

— Вы не видели мою маму? — спросил Бемби.

— Нет, — испуганно ответил Ронно и тут же отошёл.

Уже поздней ночью Бемби повстречал тётю Неттлу с Фалиной. То-то была радость!

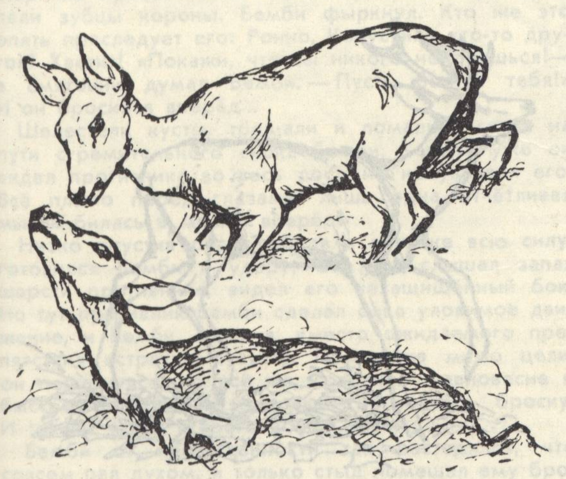
— Вы не видели мою маму? — спросил Бемби.

— Нет, — ответила Фалина, — я даже не знаю, где моя собственная мама!

— Вот те раз! — весело сказала тётя Неттла. — Я, кажется, получила неожиданный подарок! Я-то радовалась, что мне никогда больше не придётся иметь дело с детьми, и вдруг у меня на шее сразу двое! Премного благодарна!

Бемби и Фалина засмеялись.

Потом разговор зашёл о Гобо. Бемби рассказал, в каком положении застал его, и обоим стало грустно, глаза их наполнились слезами. Но тётя Неттла не дала им поплакать.

— Прежде всего мы должны позаботиться о еде. Это же неслыханно — за целый день у нас не было во рту маковой росинки.

Тётя Неттла повела ребят к кустарнику, на котором ещё сохранились пожухлые, полузасохшие листья. Сама она не прикасалась к еде, она хотела, чтобы Фалина и Бемби хорошенько поели. Затем она потащила их на другое место, где из-под снега торчали кусточки травы.

— Вот здесь хорошо... Нет, вот здесь лучше...

Иногда тётя Неттла принималась ворчать:

— Чужие дети! Какой вздор! Вечно ты, Неттла, попадаешь в глупейшие истории!..

Вдруг все они увидели тётю Энну и кинулись ей навстречу.

Фалина вне себя от радости высоко подпрыгивала, напевая:

— Мамочка!.. Мамочка!..

— Тётя Энна! — кричал Бемби.

Но Энна плакала, она казалась до смерти измученной.

— Пропал Гобо, — рыдала она. — Я была на том месте, где мы его оставили, там пусто. Нет его, нет моего маленького Гобо!

Тётя Неттла пробормотала:

— Ты бы посмотрела, куда ведут следы. Это лучше, чем плакать.

— Там нет следов моего сыночка, — отозвалась тётя Энна. — Но... Он оставил множество следов... там, где лежал Гобо.

Наступило молчание, и тогда Бемби с глубоким унынием спросил:

— Тётя Энна, ты не видела мою маму?

— Нет... — тихо ответила она.

Бемби никогда больше не видел своей матери.

Луга давно расцвели. Зазеленели кусты и деревья, но новорожденные листочки были совсем крошечные. Озарённые нежным светом раннего утра, свежие, будто улыбающиеся, они напоминали детей, только что пробудившихся от сна.

Стоя перед кустом орешника, Бемби тёрся своей молодой короной о ствол. Это было необычайно приятно! Кроме того, это было необходимо, потому что луб и шерсть ещё обволакивали его рога. Конечно, этот некрасивый чехол и так отпал бы в конце концов, но тому, кто любит порядок, лучше самому позаботиться о себе. И Бемби так старательно чистил свою корону, что лубяная оболочка рвалась в клочья и длинными лохмотьями свешивалась ему на уши.

— Ну, ещё немного и всё будет в порядке, — произнёс рядом с Бемби чей-то юный голосок.

Бемби вскинул голову и увидел белочку, с дружеским вниманием следившую за его работой.

— Тья-ха! — кто-то резко и коротко всхохотнул в вышине.

Бемби и белочка не успели испугаться, как из чащобы дубовых ветвей прозвучал голос дятла:

— Извините, пожалуйста... Я не могу удержаться от смеха, когда вижу такое!..

— Что, собственно, вас так рассмешило? — вежливо спросил Бемби.

— Ну, — сказал дятел, — вы совсем не умеете взяться за дело. Прежде всего следует выбирать стволы потолще, на тонких стволах они вообще не водятся.

— Кого вы имеете в виду? — спросил Бемби.

— Жуков, разумеется! — засмеялся дятел. — Жу-

ков и личинок. Смотрите, как это делается.— И он забарабанил по стволу: — Тук! Тук! Тук!..

Белочка прошмыгнула по стволу и, найдя дятла, принялась его бранить:

— Ну что вы болтаете? Какое принцу дело до всяких жуков и личинок?

— А почему же нет? — удивился дятел. — Они очень вкусны.— Он с хрустом раскусил жука, проглотил его и вновь застучал клювом по коре дерева.

— Ах, вы ничего не понимаете! — возмущалась белочка. — У этого знатного господина совсем иные, более высокие цели... Вы поставили себя в глупое положение!

— Меня это ничуть не трогает, я плюю на высокие цели! — весело вскричал дятел и улетел прочь.

Белочка скользнула вниз.

— Вы меня не знаете? — кокетливо спросила она Бемби.

— Я полагаю, что знаю вас очень хорошо, — дружелюбно ответил Бемби. — Вы живёте там, наверху.— Он кивнул на вершину дуба.

Белочка весело посмотрела на него.

— Вы путаете меня с моей бабушкой, — сказала она. — Я так и знала, что вы путаете меня с бабушкой. Это она жила там, наверху, когда вы ещё были ребёнком, принц Бемби. Она часто рассказывала мне о вас. Да... но затем её убила куница. Это было давно, зимой. Вы, наверное, не помните...

— Отчего же? — Бемби склонил голову.— Я слышал об этом.

— После неё сюда переселился мой отец.— Белочка сделала большие глаза, выпрямилась и вежливо прижала к груди передние лапки. — Быть может, вы путаете меня с моим отцом? Вы знали моего отца?

— К сожалению, я был лишён этого удовольствия.

— Ну, это не удивительно! — воскликнула белочка. — Он был такой угрюмый и боязливый, он ни с кем не общался.

— А где он теперь? — осведомился Бемби.

— Ах! — воскликнула белочка. — С месяц назад он попал в лапы к сове. С тех пор я и поселилась здесь и так прижилась, что многие думают, будто я жила тут всегда.

Бемби повернулся, чтобы идти своей дорогой.

— Подождите минуточку! — окликнула его белочка. — Я вовсе не о том собиралась с вами говорить. У меня совсем иное было на уме!

— Что вы хотели сказать? — ласково спросил Бемби, останавливаясь.

— Да, что я хотела сказать? — Белочка задумалась, затем подпрыгнула вдруг и села столбиком, опершись на свой пушистый хвост. — Ах, я вспомнила! Я хотела сказать, что ваша корона необычайно красива!

— Вы находите? — обрадованно спросил Бемби.

— Чудо, как хороша! — воскликнула белочка и клятвенно прижала к груди передние лапки. — Такая высокая и пышная! И с такими длинными светлыми зубцами! Это так редко бывает...

— Правда? — спросил Бемби. Он так обрадовался, что тут же снова атаковал орешник.

— Я должна прямо сказать, — продолжала тем временем белочка, — что ни у кого из ваших нет такой короны, кроме старого вожака, конечно. Это просто необычайно... Для тех, кто знал вас прошлым летом... Я видела вас однажды, но трудно поверить, что вы тот самый малыш. Эти тоненькие росточки, которые...

— Будьте здоровы, — неожиданно прервал её Бемби. — Мне пора идти. — И он побежал прочь.

Бемби не любил, когда ему напоминали о прошлом лете. Это была самая тяжёлая пора в его жизни. Первое время после исчезновения матери он чувствовал себя совсем потерянным. В тот год зима длилась бесконечно; намёрзшимся, наголодавшимся лесным жителям казалось, что весна никогда не придёт. Если бы не тётя Неттла, Бемби едва ли перенёс бы зиму. Она взяла его под свою опеку и помогала всем, чем только могла. И всё же Бемби чувствовал себя очень одиноким. Ему не хватало Гобо, бедняги Гобо, разделившего печальную участь многих обитателей леса. Бемби часто вспоминал о нём, только теперь понял он по-настоящему, как добр и благороден был его погибший друг.

Фалину он видел редко. Необычно робкая и боязливая, она держалась постоянно возле матери.

Поздней весной, когда наконец потеплело, Бемби немного приободрился. Но тут пришла новая напасть: все другие коронованные олени возненавидели его и преследовали всеми возможными способами. Хуже всего обращались с ним Ронно и Карус. Они били его и валили с ног, катали по земле и с позором прогоняли прочь. Их жестокое обращение держало Бемби в постоянном страхе. На каждом шагу подстерегала его беда. Он стал избегать публичных сборищ, выбирал заброшенные, потайные тропы и бродил там в мрачном, молчаливом одиночестве.

Зачем только напомнила ему белочка об этой горькой поре? Зачем всколыхнула тяжкие и унизительные воспоминания? Словно желая уйти от них, Бемби ринулся прочь, не разбирая дороги.

Синицы и корольки испуганно выпархивали из кустов, через которые мчался Бемби, и удивлённо спрашивали друг у дружки:

— Кто это?.. Что это?..

Сорока гаркнула тревожно:

— Что случилось? Что случилось?

И в тон ей обозлённо вскричала сойка:

— Ну, что там ещё у вас?

Бемби не обратил на них никакого внимания.

Чёрный дрозд, перелетая с дерева на дерево, напевал ему:

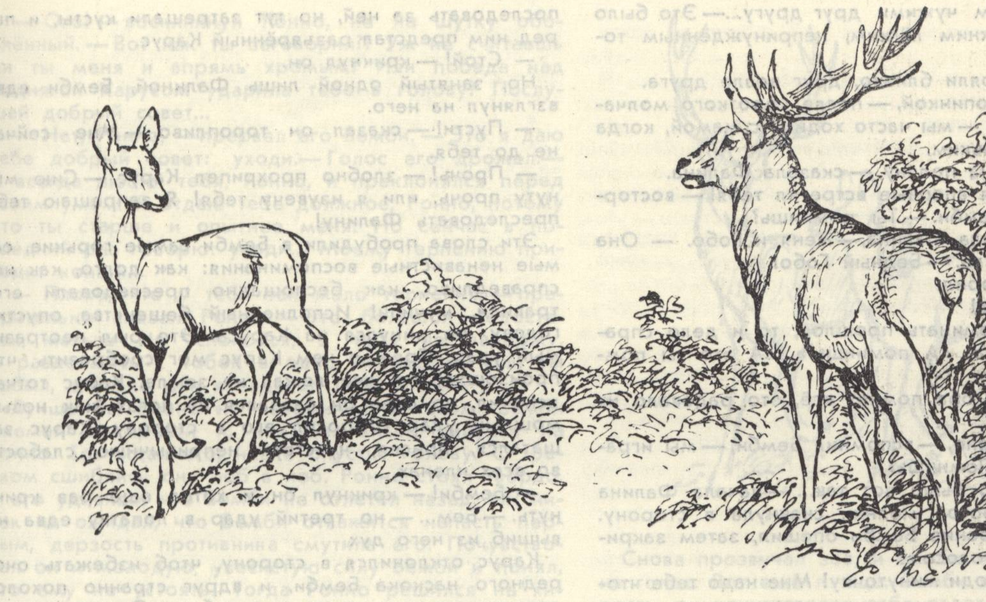
— С добрым утром!.. Как я ра-ад!..

Бемби остался глух к его привету.

Лес вокруг посветлел, пронизанный лучами набравшего силу солнца, но Бемби и этого не заметил.

Солнце позолотило и нагрело воздух, а кустарни-

ки, травы и тихо дымящаяся росистыми испарениями земля остро заблагоухала. Молодая сила разлилась по телу Бемби, и он двинулся вперёд каким-то особенно упругим, пружинистым шагом.

Вот он приблизился к кусту бузины и, высоко вскидывая колени, стал рыть землю, разбрасывая во все стороны чёрные, жирные комья. Его тонкие, остро раздвоенные копытца скашивали росшую у подножия бузины траву, заячью капустку, подснежники, фиалки и отгребали их прочь, пока не обнажилась тёмная, взрыхлённая земля.

Два крота, работавшие над своими ходами в развилке корня старой бирючины, с любопытством уставились на Бемби.

— Однако... Это же курам на смех то, что он делает, — прошептал один крот другому. — Разве так роют?

Другой иронически поджал уголки тонкого рта:

— Да он понятия не имеет о рытье... сразу видно... Так всегда бывает, когда берутся не за своё дело.

Вдруг Бемби поднял голову, навострил уши и внимательно огляделся. Сквозь сплетение листьев кустарника просвечивало что-то красное, смутно белели зубцы короны. Бемби фыркнул. Кто же это опять преследует его: Ронно, Карус или кто-то другой? Хватит! «Покажи, что ты никого не боишься!— в смятении думал Бемби. — Пусть боятся тебя!» И он бросился вперёд...

Шелестели кусты, трещали и ломались сучья на пути стремительного скока Бемби. Теперь уже он видел противника во весь рост, но не узнавал его. Всё плыло перед глазами, лишь одна отчётливая мысль билась в мозгу: вперёд!

Низко опустив рога, собрав в затылке всю силу, готовился Бемби к удару. Он уже слышал запах шерсти противника, видел его незащищённый бок. Но тут противник Бемби сделал едва уловимое движение, и Бемби, скакнув, вместо ожидаемого препятствия встретил пустоту. Проскочив мимо цели, он пошатнулся, но всё же сохранил равновесие и быстро повернулся, готовый к новому броску. И тут он узнал старого вождя...

Бемби от неожиданности так растерялся, что совсем пал духом, и только стыд помешал ему броситься наутёк. Он стоял, беспомощно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну? — спокойно произнёс старый вожак. Его глубокий голос, звучавший негромко, но повелительно, как и всегда, проник Бемби в самое сердце.— Ну? — повторил старый вожак.

— Я думал...— пробормотал Бемби.— Я... думал, это Ронно или...— Он замялся и лишь робко глядел на старого вождя.

А старый стоял, недвижный и могучий; его голова уже совсем поседела, но тёмный, глубокий взгляд сверкал прежней гордой, огневой силой.

— Почему же ты не нападаешь на меня?—спросил старый вожак.

Бемби смотрел на него теперь со странным, неизведанным воодушевлением и тайным содроганием. Ему хотелось ответить: «Потому что я люблю тебя, старый вождь»,— но вместо этого он сказал:

— Не знаю.

А старый ощупывал его глазами:

— Давно я не видел тебя. Ты стал большим и сильным.

Бемби ничего не ответил, он дрожал от счастья. А старый продолжал испытующе разглядывать его. Неожиданно он подступил вплотную к Бемби.

— Будь храбр, — сказал он, повернулся и в то же мгновение исчез.

Бемби долго оставался на месте...

Настало жаркое лето. И сладкая, влекущая, уже раз испытанная тоска вновь охватила Бемби. Она пела в его крови, горячим беспокойством пронизывала тело. Он без устали блуждал по лесу в страстной и напряжённой погоне за неведомым.

Однажды он встретил Фалину. Встретил совсем неожиданно, и, отуманенный своей странной тоскою, не сразу узнал её. И вот она стоит перед ним...

Несколько секунд Бемби созерцал её молча, затем у него вырвалось:

— Фалина, какая ты стала красивая!

— А ты всё-таки узнал меня? — спросила Фалина.

— Как мог я тебя не узнать! — вскричал Бемби. — Разве мы не выросли вместе?

Фалина вздохнула:

— Мы так долго не виделись... — И добавила. —

Мы стали совсем чужими друг другу...— Это было сказано её прежним лёгким, непринуждённым тоном

Теперь они стояли близко, друг возле друга.

— Вот этой тропинкой, — после короткого молчания начал Бемби, — мы часто ходили с мамой, когда я был ещё маленьким.

— Она ведёт на поляну, — сказала Фалина.

— На поляне я впервые встретил тебя! — восторженно сказал Бемби. — Ты помнишь?

— Да, — ответила Фалина,— меня и Гобо. — Она тихонько вздохнула. — Бедный Гобо!

И Бемби повторил:

— Бедный Гобо!

Они стали вспоминать прошлое, то и дело спрашивая друг друга: «А помнишь?», «А это ты помнишь?»

Оказалось, что оба помнят всё, это радовало их и удивляло.

— Там, на поляне, — вспомнил Бемби, — мы играли в догонялки. Помнишь?

— Кажется, это было вот так... — начала Фалина и вдруг с быстротой молнии скакнула в сторону.

В первое мгновение Бемби опешил, затем закричал счастливым голосом:

— Погоди! Погоди минуточку! Мне надо тебе что-то сказать!..

— Я не могу ждать, — подразнила его Фалина. — Я очень тороплюсь. — И лёгкими прыжками заскакала через кусты и травы, описывая полукружья.

Бемби кинулся ей наперерез, быстро нагнал и преградил ей дорогу.

— Ну, что?.. Что ты хотел мне сказать? — с любопытством спросила Фалина.

Бемби молчал.

— Ах, вечно ты всё выдумываешь! — И Фалина повернулась, будто намереваясь уйти.

— Подожди, — быстро сказал Бемби. — Я хотел... Я хотел тебя спросить... Ты любишь меня, Фалина?

Она посмотрела на него заинтересованно и выжидательно.

— Я не знаю.

— Но ты должна это знать, — настаивал Бемби.— Я же вот знаю, всем своим существом знаю, что люблю тебя. Ужасно люблю. Ну, скажи, что ты любишь меня.

— Может быть, и люблю... — ответила Фалина неуверенно.

— И ты всегда будешь со мной?

— Если ты как следует попросишь! — нежно улыбнулась Фалина и, кивнув ему, пошла прочь.

Восхищённый и растроганный, Бемби двинулся за нею на почтительном расстоянии. Обогнув по опушке поляну, Фалина углубилась в чащу. Бемби хотел последовать за ней, но тут затрещали кусты, и перед ним предстал разъярённый Карус.

— Стой! — крикнул он.

Но, занятый одной лишь Фалиной, Бемби едва взглянул на него.

— Пусти! — сказал он торопливо. — Мне сейчас не до тебя.

— Прочь! — злобно прохрипел Карус. — Сию минуту прочь, или я изувечу тебя! Я запрещаю тебе преследовать Фалину!

Эти слова пробудили в Бемби самые горькие, самые ненавистные воспоминания: как долго, как несправедливо, как беспощадно преследовали его, травили, мучили! Исполненный бешенства, опустив голову, он ринулся на Каруса. Это был неотразимый удар. Прежде чем Карус мог сообразить, что произошло, он уже лежал на земле. Карус тотчас вскочил, но едва он оказался на ногах, как новый мощный удар отбросил его в сторону. Карус зашатался, присел, чувствуя непривычную слабость во всех членах.

— Бемби! — крикнул он и хотел ещё раз крикнуть. — Бем... — но третий удар в лопатку едва не вышиб из него дух.

Карус отклонился в сторону, чтоб избежать очередного наскока Бемби, и вдруг странно похолодевшим сердцем понял: это гибель. Он повернулся и кинулся бежать.

Бемби молча гнался за ним по пятам, и в этом грозном молчании противника Карус прочёл свой приговор: не жди милости, Бемби разделается с тобой раз и навсегда. Карус круто свернул с дороги, из последних, скудных сил вломился в кустарник и поплёлся дальше, оставляя на сучьях клочья шерсти. Но Бемби вдруг оставил погоню. Он прислушался, чутко прядая ушами, затем поспешил назад.

Едва выбежав на опушку, Бемби увидел Фалину, преследуемую Ронно.

— Ронно! — крикнул он, сам не слыша своего голоса.

Хромой Ронно бегал плохо. Он словно обрадовался нежданной помехе и тут же бросил преследование.

— Вот те на! — сказал он надменно. — Мой маленький Бемби! Тебе что-нибудь нужно от меня?

— Я хочу,— сказал Бемби, едва сдерживая гнев,— я хочу, чтобы ты оставил в покое Фалину и сейчас же удалился отсюда.

— Только-то? — издевательски спросил Ронно. — А ты, однако, стал дерзким парнем!

— Ронно, — сказал Бемби ещё тише. — Я прошу об этом ради тебя. Сейчас ты ещё можешь уйти, но потом... потом...

— Ого! — воскликнул Ронно, не на шутку обозлённый. — Вот как ты заговорил?! Уж не считаешь ли ты меня и впрямь хромым? Или победа над беднягой Карусом ударила тебе в голову? Послушай добрый совет...

— Нет, Ронно, — прервал его Бемби. — Это я даю тебе добрый совет: уходи. — Голос его дрожал. — Я всегда любил тебя, Ронно, и преклонялся перед твоим умом. Я отдаю тебе должное, Ронно, потому что ты старше и опытнее меня. Но сейчас в последний раз говорю: уходи... Моему терпению приходит конец...

— Плохо, что у тебя так мало терпения, — презрительно сказал Ронно. — Это большой недостаток, малыш. Но успокойся, я тебя не задержу. Я разделаюсь с тобой в одно мгновение. Или ты забыл, сколько раз я задавал тебе трёпку?

Лучше бы Ронно не вспоминал об этом. Бемби онемел от ярости и, как безумный, ринулся на Ронно. Тот ждал его, низко опустив голову. С треском сшиблись они лоб в лоб. Ронно стоял твёрдо, и его удивило, что Бемби не отлетел назад. Он никак не ожидал, что Бемби отважится напасть первым, дерзость противника смутила его. Почувствовал он и молодую, увесистую силу Бемби и понял, что ему не устоять. Тогда Ронно решился на хитрость. быстрым движением отвёл он голову, рассчитывая, что, потеряв упор, Бемби повергнется наземь. Но Бемби лишь чуть пошатнулся, стал на задние ноги и ринулся на Ронно с удвоенной яростью. Послышался резкий, звонкий хруст: у Ронно обломился зубец короны, но Ронно показалось, что треснул лоб. В ушах у него засвистело, из глаз посыпались искры. В следующий миг мощный удар разорвал ему плечо. У Ронно спёрло дыхание, он опустился на землю, а над ним в неукротимом гневе вырос Бемби.

— Пощади!.. — простонал Ронно.

Бемби вслепую, наугад, нанёс ему ещё удар.

— Я прошу тебя... — жалобно молил Ронно. — Ты же знаешь, что я хромой... Я же просто шутил... Пощади меня...

Грудь Бемби тяжело вздымалась. Он медленно отвёл нацеленные для удара рога и ступил в сторону. Ронно с трудом поднялся. Он истекал кровью, его шатало из стороны в сторону. Безмолвно заковылял он прочь...

Бемби устремился в чащу, чтобы разыскать Фалину, но она сама вышла ему навстречу. Она пряталась близ опушки и всё видела.

— Это было замечательно, — сказала она со смехом, а затем добавила тихо и серьёзно: — Я люблю тебя...

Они пошли вместе, счастливые.

Лес курился под палящими лучами солнца. Едва взойдя, оно согнало с неба все тучи, не оставив даже самого маленького перистого облачка, и сейчас единовластно царило в бескрайней, блеклой от зноя голубизне.

* * *

Бемби спал.

Он проснулся внезапно, пронизанный острой тревогой. Сквозь сон услышал он чей-то зов. Фалина!..

Бемби огляделся. Ему помнилось, что Фалина стояла рядом с ним и ощипывала листочки белобородника. Он думал, что она так и останется возле него. Но, видно, она ушла и сейчас, соскучившись, призывала его...

Прислушиваясь, Бемби пытался понять, долго ли он спал и давно ли зовёт его Фалина, но сон всё ещё туманил голову.

Снова прозвучал зов, и Бемби мигом повернулся на голос. Вот ещё и ещё. Бемби сразу обрёл бодрость, он почувствовал себя отдохнувшим, сильным и... очень голодным.

Вновь прозвучало, чисто, как птичий щебет, тоскующе и нежно: «Приди!.. Приди!..»

Да, то был её голос! То была Фалина! Бемби стремительно рванулся с места; враз пригнулись ветки кустарника, затрепетали листочки. Но на самом разлёте скачка Бемби пришлось круто забрать в сторону: прямо перед ним, преграждая ему путь, стоял старый вожак.

Любовь бурлила в Бемби, и старый вожак был ему сейчас безразличен. Он охотно повидался бы с ним в другое время, но сейчас ему было не до него. Бемби слегка кивнул старому вожаку и хотел пройти мимо.

— Куда? — строго спросил старый.

Бемби почувствовал стыд и честно ответил:

— К ней, к Фалине...

— Не ходи, — сказал старый вожак.

Искра гнева пронизала Бемби. Не идти к Фалине? Как может этого требовать злой старик? Бемби решил было ударить, но глубокий взгляд больших тёмных глаз вожака, как и всегда, приковал его к месту.

— Она зовёт меня... — проговорил он, дрожа от нетерпения.

— Нет, — сказал старый вожак, — она не зовёт тебя.

И тут тоненько, как птичий щебет, прозвенело:

— Приди-и!..

— Вот опять! — возбуждённо воскликнул Бемби. — Ты слышишь теперь?

— Слышу, — кивнул старый вождь.

— Так я пойду, — торопливо сказал Бемби. — Позволь мне идти...

Но старый вождь приказал:

— Стой!

— Чего вы хотите от меня? — вскричал Бемби. — Пустите меня! Ведь Фалина зовёт... Должны вы понять...

— Я говорю тебе, — произнёс старый вождь, — это не она.

— Но... я же узнал её, это её голос... — в отчаянии сказал Бемби.

— Послушай меня... — начал было старый вождь, но тут снова прозвучал зов, и Бемби показалось, что земля горит у него под ногами.

— Пустите! — взмолился он. — Я скоро, я сразу же вернусь!..

— Нет, — печально сказал старый вождь, — ты не вернёшься. Никогда.

Снова прозвучал зов.

— Я должен идти... Должен!.. — вне себя бормотал Бемби.

— Хорошо же, — печально сказал старый вождь, — мы пойдём вместе.

— Быстрее!.. — крикнул Бемби и прыгнул вперёд.

— Не спеши! — повелительно сказал старый вождь. — Ты пойдёшь позади меня. След в след.

Старый вождь двинулся вперёд, и Бемби, нетерпеливо вздыхая, последовал за ним.

— Слушай, — на ходу говорил старый вождь, — сколько бы раз ты ни слышал зов, оставайся при мне. Если это Фалина, она никуда от тебя не уйдёт. Но это не Фалина. Верь мне и подчиняйся.

Бемби молчал, он словно онемел от горя.

Медленно продвигались они вперёд. О, старый знал, как надо ходить! Шаг его был беззвучен, ни один лист не шелохнулся на их пути, ни один сучок не хрустнул. А ведь старый пробирался сквозь густой кустарник, сквозь частое плетение зарослей. И Бемби, несмотря на всё своё нетерпение, восхищался старым и пытался подражать ему.

Вновь и вновь звучал тоскующий призыв. Вдруг старый вождь резко забрал вправо, Бемби понял, что тот ведёт в обход, и эта ненужная задержка привела его в отчаяние.

«При-и-ди!..» — послышалось снова, но теперь голос уже звучал в стороне.

Как ни мучительно текло время, но они всё ближе и ближе подходили к голосу, неутомимо славшему в простор свой нежный призыв.

— Что бы ты ни увидел, — тихо сказал старый, — не двигайся... Слышишь?.. Внимательно следи за мной и делай то же, что и я... и не поддавайся страху...

Ещё несколько шагов — и вдруг резкий, возбуждающий, хорошо знакомый запах ударил Бемби в ноздри. Он глотнул его так много, что едва удержался от вскрика. Как пригвождённый, замер он на месте, сердце его билось у самого горла.

Старый вождь хранил полное спокойствие.

— Там! — указал он Бемби взглядом.

А там, прислонившись к стволу дуба, полускрытый кустами орешника, совсем близко от них стоял Он и тихонько звал: «Приди!.. Приди...»

Его широкая спина была обращена к оленям, лицо оставалось скрытым.

Бемби был потрясён, он раз за разом повторял себе:

«Да, это Он... Это действительно Он... Это Он подражал голосу Фалины... Это Он звал: «Приди, приди!..»

И когда наконец эта истина проникла в сознание Бемби, леденящий ужас охватил его и мысль о бегстве вмиг напружинила тело.

— Ни с места! — быстро и властно прошептал старый вождь.

И такова была мощь этого голоса, что смятенный, растерянный Бемби повиновался.

Старый вождь смотрел на него чуть насмешливо, затем взгляд его вновь стал серьёзным и благожелательным. И всё же Бемби чувствовал, что не может дольше оставаться здесь, в нестерпимой близости к Нему.

— Идём, — сказал старый вождь, угадав его чувство, и повернул назад.

Осторожно скользили они прочь. Старый вождь уходил не прямо, а зигзагами, смысл которых Бемби не понимал. Но, не смея ослушаться, он старательно подражал шагу вожака, хотя каждая его жилка дрожала от нетерпения. Только теперь его подстёгивала уже не любовь, а страх...

А старый вождь то и дело останавливался, прислушивался, выписывал новый зигзаг и останавливался, и снова шёл неторопливо, очень неторопливо. И всё же в какой-то миг Бемби почувствовал, что они уже далеко ушли от опасного места...

«Когда он снова остановится, — подумал Бемби, — я поблагодарю его».

Но тут старый вождь на глазах у Бемби свернул в орешник и скрылся в его густом плетении. И опять ни один лист не шелохнулся, ни один сучок не хрустнул там, где скользил старый вождь. Бемби последовал за ним, пытаясь двигаться столь же бесшумно, столь же искусно обходить препятствия. Но листья тихонько шелестели на его пути, ветки, сгибаясь о его бока, распрямлялись со свистом, тонкие сучки ломались с коротким треском о его грудь.

«Он спас мне жизнь, — думал Бемби. — Что я скажу ему?»

Но старого вождя и след простыл. Бемби вышел из кустарника и оказался на пустынном, глухом месте. Вскинув голову, он огляделся, но нигде не мог обнаружить даже лёгкого шевеления листка, даже слабого дрожания травинки. Бемби был один, совсем один. И уж не чувствуя над собой чужой власти, он дал волю давно томившему его позыву к бегству. Под его летящим вперёд телом тугой ракитник стлался, словно под косой...

После долгих блужданий ему удалось отыскать Фалину. Он задыхался, он был измучен, но счастлив.

— Прошу тебя, любимая, — сказал он. — Я прошу тебя... не зови меня, когда мы в разлуке... никогда не зови меня! Будем лучше искать друг друга, пока не найдём... Но не зови, никогда не зови меня, потому что я не смогу устоять перед твоим зовом...

Через несколько дней они беззаботно шли рощицей молодых дубков по ту сторону поляны. Они хотели пересечь поляну и выйти к старому дубу, от которого зачиналась их обычная дорожка.

У опушки заросль поредилась, тогда они сдержали шаг и внимательно осмотрелись. Близ старого дуба, в зелёной листве мелькало что-то красное.

— Кто бы это мог быть? — прошептал Бемби.

— Ах, ну кому там быть, кроме Ронно или Каруса! — отозвалась Фалина.

— Едва ли, — покачал головой Бемби, — с некоторых пор они избегают меня... Нет, это не Ронно и не Карус. Это чужой...

— Правда, чужой, теперь я тоже вижу, — согласилась Фалина. — Но как странно он себя ведёт!

— Не странно, а глупо! — сказал Бемби. — Удивительно глупо! Он ведёт себя, как малое дитя... Словно на свете не существует опасности!

Фалина сгорала от любопытства.

— Пойдём туда!

— Пойдём, — согласился Бемби. — Не мешает получше рассмотреть молодца...

Они не сделали и трёх шагов, как Фалина заколебалась:

— А если он затеет ссору... Он, кажется, сильный...

— Ба! — Бемби пренебрежительно мотнул головой. — Посмотри, какая у него маленькая корона... Мне ли его бояться? Парень, правда, плотный и толстый, но сильный?.. Не думаю. Идём!

И они двинулись дальше.

Между тем незнакомец, как ни в чём не бывало, лакомился сочными метёлками трав. Он заметил их, когда они уже достигли середины поляны, и тут же бросился им навстречу, игриво и радостно подпрыгивая. Бемби и Фалина остановились. Но вот он подскакал ещё ближе и стал в двух шагах от них.

— Вы не узнаёте меня? — спросил он.

Бемби стоял в боевой готовности, низко опустив голову.

— А разве ты знаешь нас? — отозвался он.

— Но, Бемби! — воскликнул тот доверчиво и укоризненно.

Услышав своё имя, Бемби вздрогнул и невольно ступил назад. При звуке этого голоса его сердце тронулось каким-то далёким воспоминанием, а Фалина уже прыгнула навстречу незнакомцу.

— Гобо! — крикнула она. — Это ты, Гобо!

— Фалина, — тихо сказал Гобо. — Фалина... Сестрёнка... Ты всё-таки узнала меня. — Он подошёл к ней и поцеловал её в рот. По щёкам его текли слёзы. И Фалина заплакала, не в силах вымолвить слова.

— Да, Гобо...— пробормотал Бемби. Он был потрясён, растроган, сбит с толку. — Да... Гобо... Значит, ты не умер?

Гобо рассмеялся

— Как видишь. Думаю, что это сразу заметно.

— Но... тогда... на снегу? — настаивал Бемби.

— Тогда... Это Он спас меня тогда.

— И где ж ты был всё это время? — спросила Фалина, глядя на брата широко открытыми глазами.

— У Него... — ответил Гобо — Всё это время я был у Него.

Посматривая то на Фалину, то на Бемби, Гобо наслаждался их удивлением.

— Да, мои дорогие. Я много пережил, больше, чем вы оба здесь, в вашем лесу. — Слова его звучали немного хвастливо, но они были слишком поражены, чтобы обратить на это внимание.

— Ну, говори же, не мучай нас! — вскричала Фалина.

— О! — произнёс Гобо самодовольно. — Я могу рассказывать целый день и всё-таки не дойду до конца.

— Так начни хотя бы, Гобо! — сказал Бемби.

Но Гобо повернулся к Фалине, он сразу стал очень серьёзным.

— Мама жива? — спросил он тихим, робким голосом.

— Да! — весело вскричала Фалина. — Она жива... Но я давно не видела её.

— Я хочу сейчас же к ней! — сказал Гобо. — Вы пойдёте со мной?

И они втроём двинулись в путь и шли в полном молчании. Бемби и Фалина чувствовали, что мысли Гобо заняты матерью, и не хотели ему мешать. Лишь порой, когда Гобо второпях пробегал мимо нужного поворота или сгоряча сворачивал не туда, куда следовало, они тихо поправляли его. «Прямо!» — шептал Бемби, «Нет, не сюда!» — шептала Фалина.

Несколько раз им пришлось пересечь открытые места. Бемби и Фалина заметили, что Гобо ни разу не остановился на краю чащи, чтобы оглядеться, а выбегал на простор сразу, без всякой опаски. Они обменивались удивлёнными взглядами, но ничего не говорили Гобо и следовали за ним со смущённым сердцем.

Долго блуждали они по лесу, пока Гобо не узнал тропинку своего детства. Растроганный, он обернулся и, не подозревая, что его вели Фалина и Бемби, крикнул:

— Что скажете, ловко я вас привёл?..

Вскоре они подошли к маленькому лесному тайнику.

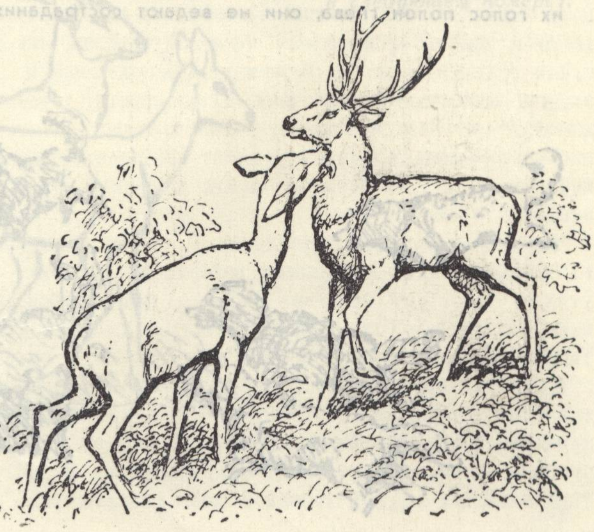
— Здесь! — крикнула Фалина и проскользнула вовнутрь. Гобо последовал за ней, и сердце его замерло сладкой болью. Это был тот самый тайничок, та зелёная хижина, где оба они появились на свет и возле матери провели всё своё детство. Взгляды их встретились, и Фалина тихонько поцеловала брата.

Ещё долго блуждали они по лесу. Солнце светило сквозь ветви всё ярче и ярче, дневная тишина окутывала лес, приближалось время отдыха. Но Гобо не чувствовал усталости. Он шагал, не разбирая дороги и бесцельно шаря вокруг себя глазами. Он совсем отвык от лесной жизни. Он весь сжался, когда в траве прошмыгнула ласка, и едва не наступил на фазанов, тесно прижавшихся к земле. Когда же фазаны, громко шурша крыльями, взлетели перед самым его носом, Гобо ужасно испугался. Бемби удивляла слепота и неуклюжесть Гобо, он вёл себя на лесной тропе, как чужак.

Но вот Гобо сдержал шаг и, повернувшись к Фалине, сказал с отчаянием:

— Мы никогда не найдём маму!

У него опять появилось то унылое выражение, которое Фалина так хорошо знала.

— Скоро, Гобо, — сказала она мягко, — скоро. — И добавила со смехом: — А хочешь, давай звать маму, как мы звали её в детстве, помнишь?

И тут Бемби, шедший немного впереди, вдруг увидел тётю Энну. Она отдыхала, лёжа в тени орешины. Не успел он окликнуть Гобо и Фалину, как они уже оказались возле него. Все трое молча смотрели на тётю Энну. Та тихо подняла голову и приоткрыла сонные глаза.

Гобо робко шагнул вперёд.

— Мама! — произнёс он негромким, дрожащим голосом.

Словно вспугнутая громовым ударом, тётя Энна вмиг вскочила на ноги, и Гобо всем телом подался к ней.

— Мама!.. — Голос его пресёкся.

Мать посмотрела сыну в глаза, крупная дрожь пронизала её с головы до ног. Она ничего не сказала, ни о чём не спросила, она только медленно целовала Гобо в губы, целовала его щёки и шею; она омывала его своими поцелуями, как в ту далёкую пору, когда он только появился на свет...

Все обитатели леса собрались в тесный кружок в глубине чащи, чтобы послушать рассказы Гобо.

Был тут и друг-приятель — заяц, сын покойного зайца. В крайнем изумлении подымал он свои уши-ложки, боясь пропустить хоть слово, и вдруг ронял их бессильно, чтобы тут же снова поднять.

Сорока пристроилась на низеньком сучке молодого бука и внимала рассказчику с остолбенелым видом. В отличие от неё сидевшая на ясене сойка вела себя неспокойно: она то и дело пронзительно вскрикивала, не в силах побороть изумления. Тут же находились и знакомые фазаны со своими жёнами и детьми. Они в безмолвном удивлении ворочали шеями, изгибая их и так и этак, и во все стороны летели от них золотые стрелы.

Без устали скакала по ветвям взволнованная белочка. Она то соскальзывала по стволу чуть не до самой земли, то взлетала до маковки дерева, то вдруг усаживалась столбиком на свой пушистый хвост, показывая белую грудку. Ей не терпелось прервать Гобо, чтобы высказаться самой, но окружающие всякий раз призывали её к порядку.

А Гобо рассказывал, как, оставшись без всякой помощи на снегу, он ждал смерти.

— Собаки нашли меня, — говорил он. — Собаки — это самое страшное в мире. Их пасть полна крови, их голос полон гнева, они не ведают сострадания.

Свысока оглядев слушателей, он продолжал:

— Ну... с тех пор я не раз играл с ними, словно они мои родичи, и теперь я совсем не боюсь их. И всё же, когда я слышу их лай, у меня попрежнему начинает шуметь в голове и цепенеет сердце. Они далеко не всегда делают это с плохими намерениями, но их голос трудно выносить...

Гобо многозначительно замолчал.

— Ну, а что же было в тот раз? — с испуганным любопытством спросила Фалина.

— В тот раз собаки хотели растерзать меня, но тут явился Он!

Гобо снова сделал паузу, слушатели почти не дышали.

— Да, — сказал Гобо, — тут явился Он, прикрикнул на собак, и они отползли от меня прочь. Он прикрикнул ещё раз, и собаки покорно легли у Его ног. Тогда Он поднял меня и, ласково прижимая к себе, понёс...

— Что это значит — «понёс»? — спросила Фалина.

Гобо принялся объяснять ей, важно и обстоятельно.

— Да это совсем просто! — прервал его Бемби. — Ты погляди, Фалина, как это делает белочка, когда она скачет с орешком в лапах. Это и значит — «нести».

Тут белочка сочла наконец возможным вставить слово.

— Один из моих кузенов... — начала она быстро, но все вокруг закричали.

— Тише, тише, пусть Гобо продолжает!

Белочке пришлось замолчать. Она огорчённо прижала к груди передние лапки и повернулась к сороке в надежде, что та выслушает её в частном порядке.

— В самом деле... один из моих кузенов...

Но сорока просто-напросто показала ей спину.

А Гобо всё рассказывал о разных чудесах.

— Снаружи холодно, бушует непогода, а внутри тихо и тепло, как летом...

— Гха-х! — проскрипела сойка.

— Снаружи льёт дождь, всё мокнет, а внутри хоть бы одна капля упала, и ты совсем сухой.

Сверкнув драгоценным оперением, фазаны в лад склонили головы набок.

— Снаружи всё было покрыто толстым, пушистым снегом, а я находился в тепле, мне было просто жарко. Он кормил меня каштанами, картофелем, репой, даже сеном, словом, всем, чего я только мог пожелать.

— Се-ном?! — возбуждённо и недоверчиво вскричали олени в один голос.

— Да, свежим, сладким сеном, — повторил Гобо таким тоном, будто речь шла о самой обычной вещи.

В наступившей, почти молитвенной тишине снова прозвучал тонкий голосок белочки.

— Один из моих кузенов...

— Да замолчишь ли ты? — закричали на неё хором.

И когда снова настала тишина, Фалина спросила своего брата:

— Откуда же брал Он зимой сено да и всё остальное?

— Он выращивал, — важно ответил Гобо. — Он может вырастить всё, что захочет и когда захочет. Чего бы Он ни пожелал, всё тут же появляется перед ним.

— Скажи правду, Гобо: неужели тебе не было страшно в Его присутствии?

Гобо покровительственно усмехнулся:

— Нет, дорогая Фалина, нисколько. Я знал,

Он не сделает мне ничего дурного. Зачем же мне было бояться? Вы все считаете Его злым, но он вовсе не злой. С теми, кого Он любит, кто верно служит Ему, он удивительно добр. Никто в целом мире не может быть добрее Его.

Гобо всё ещё восхвалял доброту своего нового друга, когда из зарослей бесшумно выступил старый вождь. Гобо не заметил его, но все остальные увидели старого вождя и замерли в благоговейном испуге. А тот стоял недвижно, как бы ощупывая Гобо своими строгими, глубокими глазами.

Гобо рассказывал.

— Его дети тоже любили меня, — рассказывал Гобо, — и Его жена любила меня, и все Его домочадцы. Они ласкали меня, давали мне есть разные лакомства, играли со мной...

Тут Гобо осекся, заметив наконец старого вождя.

И в наступившей тишине старый вождь обратился к Гобо своим обычным, спокойным и властным голосом:

— Что это за полоса у тебя на шее?

Тут только все приметили на шее Гобо словно каёмку из примятых, а частью вытертых волос.

Гобо смущённо ответил:

— Это?.. Это след от красивого банта, который я носил... Это Его бант... Большая честь носить Его бант...

Старый вождь долго глядел на Гобо, проницательно и печально.

— Несчастный, — сказал он тихо, повернулся и вмиг исчез.

Воспользовавшись минутным замешательством, белочка опять принялась за своё:

— В самом деле... Один из моих кузенов тоже побывал у Него... Он поймал моего кузена и долго держал взаперти... О, очень долго. Но как-то раз мой кузен...

Никто не стал слушать белочку, все расходились в глубокой задумчивости и смятении.

...Нежданно-негаданно появилась Марена.

В ту зиму, когда исчез Гобо, она была почти взрослой девушкой, но с тех пор никто не видел её: она держалась особняком, предпочитая одинокую дорогу.

Она осталась такой же худенькой и потому выглядела совсем юной. Но она была серьёзна, тиха и превосходила всех сверстниц мягкой сдержанностью. Сейчас она узнала от белочки, сойки, дрозда и сороки, что в лес вернулся Гобо, переживший удивительные приключения, и пришла, чтобы повидать его.

Мать Гобо была польщена посещением Марены. Она переживала сейчас лучшую пору своей жизни: весь лес говорил о её сыне, она наслаждалась славой и требовала, чтобы каждый признавал Гобо самым умным, самым достойным, самым лучшим в целом свете.

— Что скажешь, Марена? — приветствовала она гостью. — Что скажешь ты о Гобо?

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

— Ты помнишь, тётя Неттла ни во что не ставила Гобо, и потому лишь, что он чуть дрожал во время морозов. Помнишь, она предсказывала, что он не принесёт мне радости?

— Но вы хлебнули немало горя с Гобо, — заметила Марена.

— Это всё позади! — воскликнула мать, от души удивлённая, как можно вспоминать теперь подобные пустяки.— Ах, мне до слёз жаль бедную тётю Неттлу. Умереть, так и не увидев, каким стал мой Гобо!

— Да, бедная тётя Неттла,— тихо проговорила Марена.— Как грустно, что сегодня её нет среди нас...

Гобо с удовольствием слушал похвалы, которые расточала ему мать, они ласкали его, словно солнечное тепло.

— Даже старый вождь приходил, чтобы взглянуть на Гобо,— продолжала мать таинственным шёпотом. — А ведь он никогда не показывался среди нас... Но ради Гобо он пришёл.

— Почему он назвал меня несчастным? — сказал Гобо недовольным тоном. — Хотел бы я знать, какой в этом смысл?

— Оставь! — утешила его мать. — Он стар и чудаковат.

Но Гобо никак не мог успокоиться.

— Целые дни я ломаю над этим голову. Несчастный! Какой же я несчастный? Я очень счастливый. Я видел и пережил больше, чем все вы, вместе взятые! Я лучше знаю мир и лучше знаю жизнь, чем любой из обитателей леса. Как ты полагаешь, Марена?

— Без сомнения, — убеждённо сказала Марена.— Этого никто не сможет отрицать!..

С тех пор Гобо и Марена стали ходить вместе.

(Окончание в следующем номере).

Побеждённая боль

Борис Володин

Защитник и друг

Больно! Кто не знает этого ощущения? Каждый человек не раз ушибался, падал, обжигался о горячую плиту, не мог глотнуть при ангине, получал царапины, ранился об острые предметы, натирал ногу. Переломы костей, порезы, вывихи, занозы, ссадины — всё это вызывает боль. Она знакома каждому. Каждому она неприятна. И вы, наверное, удивитесь, узнав, что боль — наш большой друг. Да, да, друг! Чувство боли выработалось у всех живых существ в процессе развития, как защитное приспособление организма.

Представьте себе на минуту, что мы не ощущаем боли. Кажется, чего лучше! Ты обжёгся или порезался и ничего неприятного не испытываешь. На самом деле это было бы совсем не так уж хорошо: люди и животные не замечали бы опасности, угрожающей им. Ведь именно чувство боли заставляет нас настороржиться, убрать руку от ранящего предмета, отодвинуться от огня, пойти к врачу, когда закололо в боку.

Человек сломал ногу, его лечат. Проходит немного дней, и боль, возникшая в момент перелома, утихла. Но стоит человеку неловко повернуться, как резкая боль останавливает его: «Осторожно! Ты можешь причинить себе вред!»

Во всех органах и тканях человеческого тела заложены нервные окончания — чувствительные приборы. Их называют «рецепторы», то есть «берущие», «принимающие». От рецепторов по нервным волокнам идут в головной мозг сигналы различных ощущений. Рецепторы у нас разные. Одни приспособлены чувствовать температуру, другие — давление, прикосновения, третьи — перемены в положении частей нашего тела и внутренних органов.

Прикоснитесь к поверхности стола, закрыв глаза. Вы чувствуете под рукой что-то гладкое, ровное, прохладное. Ударьте по столу рукой. Теперь ощущается боль. В чём разница? Удар по столу был сильным раздражителем, прикосновение — слабым. Чувствительные нервные рецепторы различили силу воздействий на кожу руки. А так как при ударе можно повредить руку, рецепторы тут же просигнализировали в головной мозг: «Осторожно! Грозит опасность!»

При некоторых повреждениях нервной системы теряется чувствительность в каком-нибудь участке тела. Люди, страдающие такими недугами, могут невзначай получить тяжёлые увечья и не заметить этого. Прислонился человек к горячей печке плечом, а как раз на коже плеча у него потеряна температурная чувствительность, вот и образовался глубокий, обширный ожог...

Защитник становится врагом

Итак, боль — наш друг. Но не во всех случаях.

При серьёзных увечьях от поражённых органов и тканей поступает слишком много болевых сигналов. Это нарушает нормальную работу головного мозга. Мозг, как говорят, «перераздражается». Известно, что головной мозг регулирует жизнь всего тела. В результате перераздраже-

ния мозга приходит в расстройство работа важнейших систем организма, например, кровообращения, дыхания, обезвреживания ядовитых химических веществ, которые всё время образуются в человеческом теле.

Перераздражение головного мозга, вызывающее расстройство во всей жизнедеятельности организма, называется шоком (по-английски слово «шок» означает «удар» или «потрясение»). Тяжёлый шок может окончиться смертью. Так боль из защитника превращается в убийцу.

Врачи давно ведут борьбу с шоком. Больше того: они стараются предотвратить шок, оберегая человека от боли. А боль словно ищет лазейки и порой появляется как раз в то время, когда она меньше всего нужна.

Хирургический скальпель называют «исцеляющим ножом». Действительно, очень часто операция — единственное средство спасения больного. Операции бывают различными: вскрытие нарыва на пальце и удаление желудка, поражённого злокачественной опухолью, извлечение занозы или кусочка стекла и сложная операция на сердце.

Но скальпель, хирургический нож,— это всё же нож. Разрез, который делает хирург, так и называется: «операционная рана». От сильной боли во время операции может развиться «операционный шок» — состояние, угрожающее жизни. И действительно, в течение сотен лет «исцеляющий нож» хирургов нередко приносил больным смерть: они погибали от шока, вызванного болью.

Врачи непрестанно искали средства защиты от боли. В давние времена, например, больных перед операцией напаивали допьяна вином, потому что алкоголь несколько понижает болевую чувствительность. Заметив, что болевые ощущения ослабляет опиум — вещество, добываемое из мака,— стали применять и его. Позднее из опиума было выделено ещё более сильное лекарство — морфий. Но боль при операциях всё равно была нестерпимой. Алкоголь и морфий только слегка приглушали её. Чтобы предотвратить шок, приходилось сокращать время операции до немногих минут. Быстрота считалась чуть ли не самым важным качеством в искусстве хирурга. А всё же несчастного больного, кричавшего во всё горло и корчившегося от боли, приходилось удерживать на столе четвёрке дюжих санитаров, чтобы он не мешал хирургу оперировать.

Странно выглядела в те времена операционная!

Но так продолжаться не могло. Нужен был какой-то выход. И вот в сороковых годах прошлого столетия несколько учёных в разных странах почти одновременно нашли новый способ обезболивания. Его назвали «наркотизацией», или «наркозом». («Наркоз» по-древнегречески означает «сон».)

В России наркоз впервые применил Николай Иванович Пирогов. Великий русский хирург установил, что при вдыхании паров этилового эфира человек засыпает таким глубоким сном, что совсем не чувствует боли.

Сейчас выяснено, что под влиянием эфира и других лекарств, вызывающих наркоз, клетки коры головного мозга перестают воспринимать болевые сигналы.

Было найдено много веществ, вызывающих наркоз. Одни из них — эфир, хлороформ, закись азота — больному дают вдыхать; другие,— например, гексенал и пентонал — в виде раствора вводят больному шприцем в вену.

Применение наркоза вызвало настоящий переворот. Врачи получили возможность оперировать, не боясь, что пациент, которому они должны помочь, погибнет от шока.

В операционной теперь не услышишь криков человека, обезумевшего от боли. В большой белой комнате, залитой ровным светом, стоит тишина. Слышны лишь короткие распоряжения врача да дыхание спящего больного. Хирург не должен торопиться, стараясь завершить операцию в три — четыре минуты. Если нужно, он может оперировать и час и два. Всё это позволило делать сложные и трудные операции в брюшной полости: на желудке, кишечнике...

В начале двадцатого века был открыт ещё один метод обезболивания — местная анестезия. Слово «анестезия» означает «нечувствительность», «безболезненность». Этот метод в совершенстве разработал советский хирург, профессор Александр Васильевич Вишневский.

При наркозе, как уже говорилось, лекарственное вещество действует на высшие центры чувствительности головного мозга так, что он перестаёт воспринимать болевые сигналы. А при местном обезболивании лекарство, новокаин, вводится в кожу, в мышцы,— словом, во все ткани, которые должен рассечь нож хирурга. Под действием новокаина рецепторы, приёмники боли, заложенные во всех органах, перестают воспринимать раздражения и не передают их мозгу. Мозг «не знает» о боли.

И вот человек лежит на операционном столе, отвечает на вопросы о самочувствии, слышит, как звякают хирургические инструменты, как переговариваются между собой врачи и сёстры. Операция идёт, а боли нет, только вначале он почувствовал несколько уколов иглой и холодок, разлившийся по коже.

Значит, боль побеждена? Больной защищён от операционного шока?

Да, казалось, что так. Наркоз и анестезия защищали от шока при большинстве операций, даже очень сложных и длительных. Но хирургия, как и всякая наука, идёт вперёд. Исцеляющий нож стал проникать уже к самым важным и нежным органам человека: к сердцу, к лёгким.

В запретной зоне

В прежние времена, установив, что у больного врождённый порок сердца, врачи в сокрушении разводили руками:

— Ничего не поделаешь!

Больное сердце поддерживали лекарствами, но устранить порок не могли, и в конце концов больной умирал.

В наши дни такого больного направляют в хирургическую клинику и оперируют, предотвращая преждевременную смерть. Но это, конечно, совсем не просто и не легко.

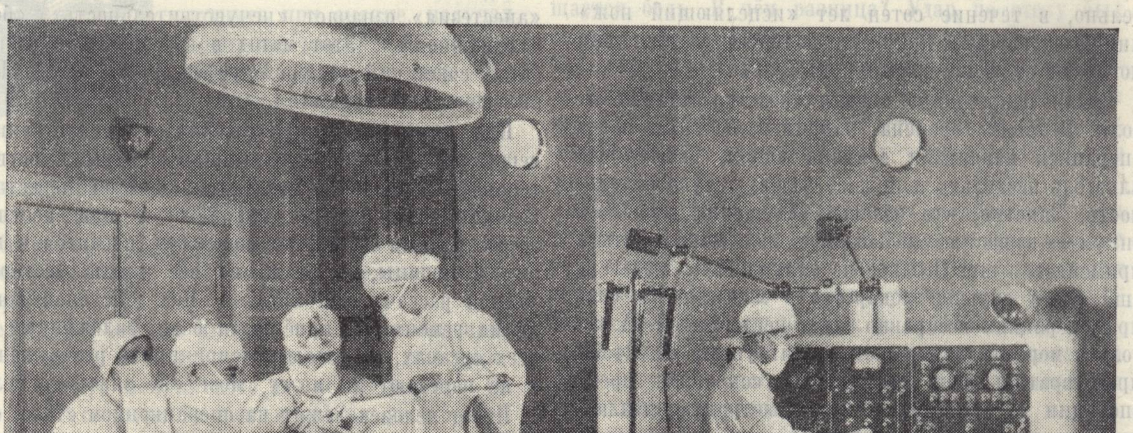
Начав делать операции на сердце, на лёгких, хирурги снова столкнулись со своим старым недругом — с болью. Плевра, тонкая оболочка, которая выстилает изнутри грудную полость и покрывает лёгкие, пронизана множеством очень чутких рецепторов, болезненно отзывающихся на самые незначительные раздражения. Плевра реагирует даже на давление, оказываемое воздухом, и на капли крови, попавшие на её поверхность. Не меньше рецепторов заложено в тканях сердца, особенно в его наружной оболочке — сердечной сумке. Во время операции все эти рецепторы посылают мозгу такой сильный поток тревожных сигналов, что и при наркозе может развиться шок.

Что же делать? Отказаться от операций на сердце и лёгких? Считать их запретной зоной?

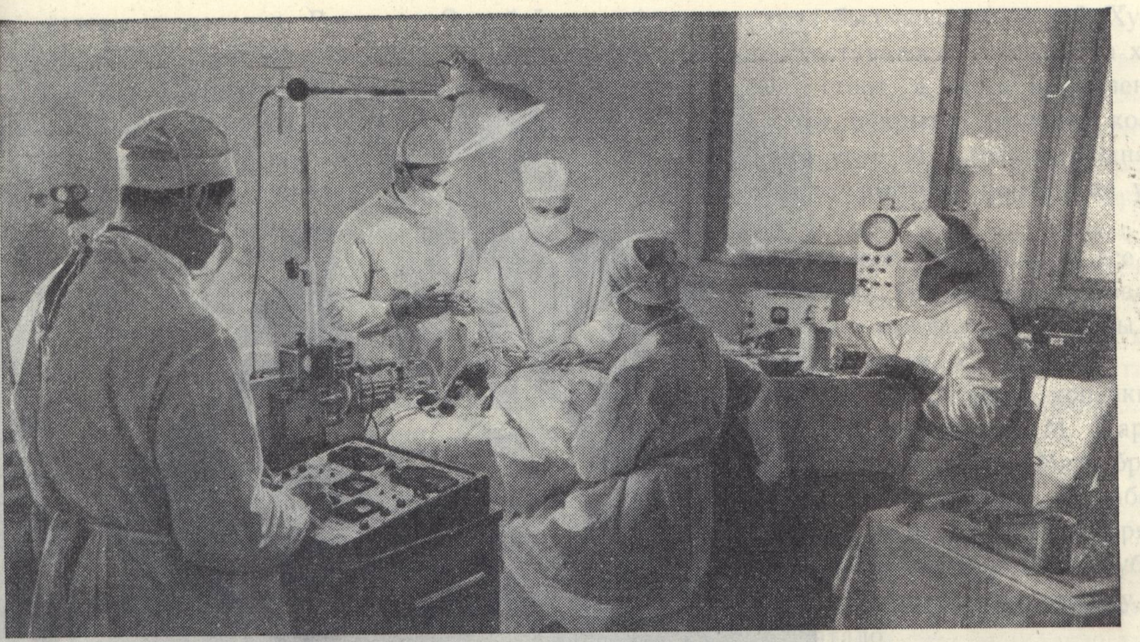
Нет, хирурги не признали себя побеждёнными! Вначале при этих операциях они, чтобы не допустить шока, стали применять одновременно и наркоз и местную анестезию. А кроме того, больному переливали кровь, потому что это — одно из самых сильных средств против шока.

Сейчас для обезболивания предложен метод гипотермии, то есть охлаждения. Вот на чём он основан.

Температура тела теплокровных животных примерно одна и та же. У здорового человека она от тридцати шести до тридцати семи градусов. Если искусственно понизить температуру тела, то, приспособляясь к новым условиям, клетки и ткани нашего организма в целях самозащиты сокращают обмен веществ и расход энергии в тканях нервной системы. Все клетки головного мозга впадают в состояние торможения, гораздо более глубокого, чем наркоз, и совсем перестают воспринимать болевые сигналы. Этим можно было бы воспользоваться при операциях в грудной клетке. Но ведь сильное понижение температуры для человеческого тела неесте-

Теперь операционная похожа на лабораторию исследователя. Точные приборы следят за состоянием больного и сигнализируют врачу о малейшей неправильности в работе сердца, сосудов, мозга.

При некоторых операциях на сердце надо совсем остановить его. Тогда включают сложный аппарат — «механическое сердце», чтобы кровообращение продолжалось. Теперь это — обычное дело, а здесь вы видите первые испытания «механического сердца». На операционном столе — собака.

ственно и неблагоприятно. Температурные рецепторы тотчас начинают посылать в мозг тревожные сигналы.

Как же помешать этому? А вот как: перед началом обезболивания гипотермией дают наркоз. Под наркозом больной будет легче переносить процесс понижения температуры. Одновременно вводят в кровь лекарственные вещества, которые тоже способствуют снижению температуры тела. Затем больного, находящегося под наркозом, погружают в ванну, наполненную холодной водой со льдом, или обкладывают резиновыми мешками со льдом. Это сочетание холода и лекарственных веществ постепенно понижает температуру тела. Когда она упадёт с тридцати шести до двадцати семи градусов, охлаждение прекращают и приступают к операции. Двадцать шесть, двадцать семь градусов — это самая низкая температура, при которой человек может жить. Падение температуры ещё хотя бы на два градуса грозит гибелью. В состоянии гипотермии человек находится буквально на границе жизни. Именно это «пограничное» состояние делает клетки мозга нечувствительными к раздражениям. Может быть, отказаться от гипотермии? Может быть, это чересчур опасно?

Заглянем в операционную, к охлаждённому человеку. Его кожа бледная и холодная. Он дышит совсем слабо и редко. Два или три хирурга склонились над ним. Медицинская сестра подаёт инструменты, лежащие на специальном столике. Но в операционной много других врачей. Они следят за стрелками сложных приборов, за скачущими столбиками ртути в манометрах. Приборы отмечают изменения температуры тела, давления в кровеносных сосудах, количество кислорода в крови. Если у больного появились какие-нибудь, хотя бы самые маленькие, неблагоприятные изменения, приборы тотчас же скажут об этом, и врачи немедленно сделают переливание крови, включат аппарат для искусственного дыхания, введут под кожу нужные лекарства.

В таких условиях больному не грозит никакая опасность.

После окончания операции больного переносят в палату и осторожно, постепенно согревают. Иногда при этом продолжают давать наркоз, чтобы согревание прошло легко и безболезненно. К человеку возвращается сознание. Он перенёс долгую, трудную операцию, не почувствовав боли, без всяких осложнений.

Усилиями огромной армии учёных и врачей побеждена боль — древний спутник человека, его защитник и враг. Новые открытия в анестезиологии — науке об обезболивании — позволяют теперь делать сложнейшие операции, которые раньше казались фантастическими.

С пионерской комнате. 1954.
Т. Егорова.

ЧТО ГОВОРЯТ КАРТИНЫ

Вот ты сидишь сейчас и читаешь журнал. Это твой журнал; он выходит для тебя и для твоих товарищей. Может быть, ты взял его в библиотеке школы или в Доме пионеров. И библиотека эта со всеми книгами тоже твоя, и Дом пионеров, и школа.

Думалось ли тебе когда-нибудь, как много у тебя в жизни хорошего?

Для тебя — детские парки и катки, детские стадионы, детские театры, детские санатории, детские поликлиники, детские кинофильмы, повести, пьесы...

«Детский»... На каждом шагу встречается у нас это слово. Оно, как адрес на посылке, отмечает всё, что родная страна отдаёт тебе.

Ты можешь свободно заниматься тем, что любишь, к чему лежит душа. Если хочешь, мастеришь приёмники и модели машин, ставишь опыты на юннатских грядках, изучаешь автомобиль, разводишь цветы и приручаешь зверушек в живом уголке, рисуешь, строгаешь, паяешь, лепишь, выпиливаешь, спускаешь на воду целые флотилии самодельных кораблей. И нет на свете такой хорошей мечты, которую ты не мог бы осуществить.

Всё это так же естественно, так же привычно, как то, что ты дышишь, ешь, смеёшься, и трудно тебе представить иную, прежнюю жизнь. Ведь ты и твои сверстники родились почти через тридцать лет после того, как эта прежняя жизнь, непохожая на твою, бы-

ла навсегда развеяна Великим Октябрём. И всё же ты можешь увидеть прежнюю жизнь своими глазами. В этом тебе помогают картины. В мрачные дореволюционные годы передовые русские художники смело вставали на защиту обездоленного народа и в ярких образах раскрывали на своих полотнах правду жизни.

Чтобы легче тебе было понять эту правду, чтобы яснее она предстала пред тобой в картинах художников, давай послушаем, что говорят люди, которые были детьми в старое время, до того, как победила Октябрьская революция.

Вот донбасский шахтёр С. Морар.

«Что такое саночник? — рассказывает он.— Нынешние молодые шахтёры даже не знают о такой профессии. И хорошо, что не знают! Я был саночником, сам испытал эту страшную жизнь.

Представьте себе большой ящик, поставленный на полозья и доверху нагруженный углем; пудов пятнадцать угля. И вот такой ящик тащит из забоя человек, впрягшись в лямку. Это и есть саночник. Санки возил человек, но труд был нечеловеческий. Хуже, чем лошадям, доставалось. Лошадь, та хоть в полный рост стоит, а здесь на коленях, ползком по земле, покрытой мелкими, колючими осколками угля. И голову не поднять: как бы об острые выступы породы не удариться!

Шесть лет я на себе уголь возил и все эти годы жизни не видел. Поднимешься, бывало, из шахты, и только мысль одна: как бы поскорей до нар добраться...»

«Отец батрачил, зарабатывал копейки,— вспоминает старая колхозница М. Парфёнова.— За рекой жили кустари. Мать брала у них пряжу и сажала нас всех за работу. С утра до поздней ночи мы мотали, пряли, ткали. Зарабатывали всей семьёй рублей шесть в месяц... Не только на одежду, на еду денег не хватало.

Ткали дерюгу и дерюгой одевались. В избе — пыль, грязь. Мыло считалось роскошью. Ходили немытые, оборванные. Кормились впроголодь. От такой жизни начали умирать сёстры и братья. Четырёх ртов не стало. Как мы, остальные, выжили — непостижимо...»

У краюшки хлеба. 1890.
А. Корзухин.

А вот история маленькой няньки, рассказанная М. Васильевой, мастером завода «Красный треугольник»:

«Мне едва минуло шесть лет, когда меня, сироту, взяли нянчить ребят. Вдоволь тут я горя натерпелась! Хозяева учили меня уму-разуму двумя простыми средствами: ремнём и кулаками.

Не вынесла я такой жизни. Однажды оставила хозяйского ребёнка и побежала к речке топиться. Вытащили меня из воды рабочие, проходившие мимо на фабрику. Привели назад к хозяину. А он схватил меня за волосы и давай ремнём хлестать по чём попало да приговаривать:

— Не срами перед людьми! Я твой благодетель, не смеешь меня срамить...»

Разные люди рассказывают, но одна была у них судьба: детство без радости и без защиты от горькой нужды, непосильный труд, побои... Воспоминания трёх стариков словно раздвигают рамки картин, которые ты видишь здесь, в журнале.

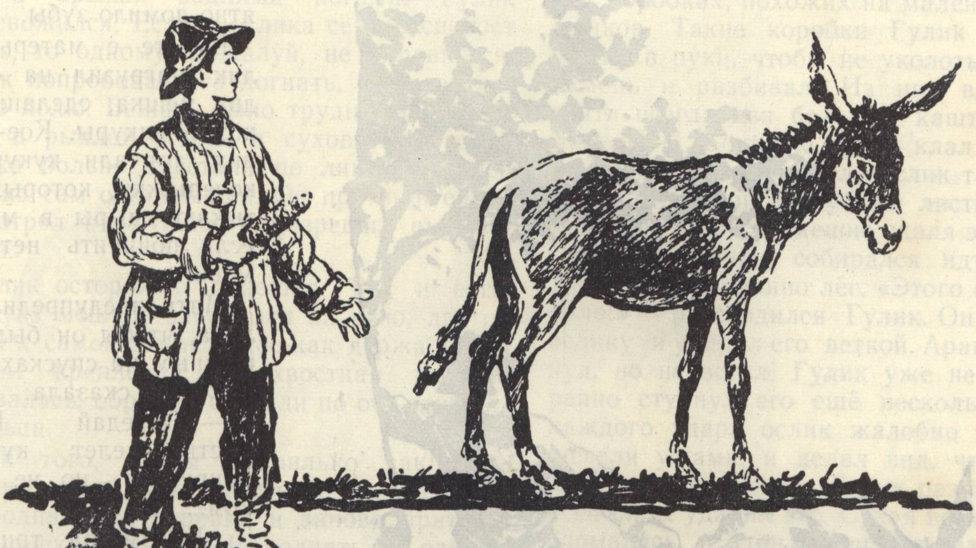
Вот «Краюшка хлеба». Да ведь на этой картине художника Корзухина те же голодные дети, что и в рассказе колхозницы Парфёновой! Кажется, будто перед нами её братья и сёстры, умиравшие от недоедания и тяжёлой работы. Посмотри, как темно и мрачно в закопчённой, нищей избе! С какой жадностью смотрят ребята на краюшку хлеба, быть может, последнюю в доме!

Трое детей на картине Перова с трудом тащат огромную, тяжёлую бочку. Вспомните маленького шахтёра-саночника в сыром мраке забоя! Ему, пожалуй, приходилось ещё тяжелее, он был бы рад и этому хмурому небу, под которым везёт на салазках свою непосильную кладь измученная «тройка».

Посмотри на картину Маковского «Устала». Тебе, конечно, жаль эту девочку из шляпной мастерской, задремавшую в прихожей богатой барыни. Девочка такая худенькая, такая усталая!.. И вместе с жалостью в тебе рождается беспокойство: что будет дальше? Ведь она не поспеет во-время вернуться в мастерскую. И, конечно, девочку ждут побои, грубая брань хозяйки, как ту маленькую няньку, о которой ты только что прочитал.

На картине Богданова-Бельского пастушонок-батрак остановился у порога и заглядывает в классную комнату. Ему так хочется учиться!.. Но это не для него и не для таких, как он. На месте этого пастушонка могли бы стоять и маленький саночник и нянька. Только тебя и твоих товарищей, советских ребят, нельзя представить на его месте. Ведь учиться — это твоё право и твоя обязанность. Тебе никогда не стоять за порогом школы! Об этом позаботился народ, это завоёвано для тебя в Октябрьских революционных боях.

Давно ушедшая жизнь открылась тебе в картинах художников прошлого. Картины наших советских мастеров рассказывают о тебе и о твоих друзьях. И дети будущего, глядя на эти картины, представят себе вашу светлую и просторную пионерскую комнату, редколлегию за выпуском отрядной газеты, концертный зал, наполненный весёлой толпой ребят, шумную экскурсию малышей в поле у комбайна — всю кипучую и деятельную жизнь, которой живёшь ты и миллионы советских детей.

Первое дело

Рассказ Ф. Искандера

Рисунки Б. Винокурова.

Мать сказала Гулику:

— Придётся тебе сходить на мельницу: отец твой как отправится в правление, так и пропал на весь день.

Гулик до этого сам никогда на мельницу не ходил, поэтому он обрадовался, но сделал вид, что ничего особенного не случилось.

— Что ж, можно сходить,— ответил он.

Надо было поймать ослика, и Гулик, достав из кладовой большой, яркорыжий початок кукурузы, пошёл его искать. Он нашёл его в поле, где Арапка — так звали ослика — пощипывал между кукурузными ожинками тощую, предзимнюю травку.

Издали заметив Гулика, ослик поднял голову: что, мол, ещё там? На всякий случай он повернулся спиной к Гулику, однако искоса продолжал следить за ним. Они настороженно глядели друг другу в глаза, и между ними шёл молчаливый разговор примерно такого содержания.

Гулик. Чудак, ты чего ощетинился?

Арапка. Знаем мы ваши хитрости.

Гулик. Честное слово, вот пройду, и всё!

Арапка. Ну, ну, посмотрим. А что это у тебя в руке?

Гулик. Это? Да вот хочу свинюшку покормить кукурузой, да что-то её не видно.

Арапка. Откровенно говоря, мне понравился этот початок.

Гулик. Да нет, знаешь...

Арапка. Мне бы только попробовать!

Гулик. Неудобно как-то...

Арапка. Я только попробую...

Гулик. Ну, ладно. Так и быть.

Гулик уже стоял от ослика в трёх шагах, и тот потянулся к нему своей библейской мордой, своими тёмными печальными глазами с длинными редкими ресницами. Он тепло дохнул Гулику на руку и с треском отгрыз от початка целую пригоршню зерна. Через минуту Гулик отбросил кочерыжку, как обглоданную кость, и, ухватившись за короткий ёжик ослиной гривы, вскочил Арапке на спину.

Дома он оседлал его, протянул подхвостную верёвку и прикрепил её к задней луке деревянного седельца. Потом стал натягивать верёвочные подпруги, но ослик тут решил схитрить и надул живот, чтобы подпруги не давили. Однако Гулик это заметил и шлёпнул его несколько раз ладонью по брюху, надавил на живот коленом и укрепил подпруги. Гулик привязал осла и пошёл в кухню. Надо было перекусить. Мать нарезала ему холодной мамалыги, поджарила сыру и налила из графина молодого, ещё

В опасных местах он держался за хвост ослика...

не перебродившего вина. Гулик ел спокойно и сосредоточенно, как это делал отец, собираясь уходить надолго. Выпил два стакана вина. Оно было сладким и холодным, от него приятно ломило зубы.

Вместе с матерью Гулик нагрузил на ослика два мешка, сделанные из козьей шкуры. Кое-где из них торчали кукурузные кочерыжки, которыми затыкают дыры в мешках, если починить нет времени.

Мать предупредила Гулика, чтобы он был осторожным на спусках, а напоследок сказала:

— Передай Гераго, пусть мелет кукурузу покрупнее, но не слишком...

...Километра три надо было идти по ровной ложбине, потом начинался спуск.

Ослик бодро шагал по тропинке, изредка останавливаясь, чтобы мимоходом схватить пучок сухой травы или палый листок. По обе стороны от тропы лежали вороха совсем бурых листьев грецкого и мелкого лесного ореха. Хотя листья почти ничем не отличались друг от друга, ослик своими мягкими губами, как бы сдувая, хватал именно листья мелкого ореха, потому что у листьев грецкого ореха отвратительный, горький привкус, даже когда они сухие.

Вскоре тропа вышла на табачную плантацию. Табак уже был давно наломан, и из земли торчали голые стебли, похожие на стрелы, воткнутые в землю. На вершине каждого стебля покачивалось оперение маленьких, недоразвитых листиков. Гулик стал вырывать стебли из земли и бросать их, как копья. Описав дугу, они шлёпались где-то впереди. Когда один из них упал около ослика, тот испу-

гался и побежал, бешено мотая головой и брыкая задними ногами. Гулик встревожился. Если с ослика сейчас сползёт кладь, то одному, пожалуй, не управиться. Гулик попробовал его догнать, обежав тропу по полю. Бежать было трудно, ноги увязали в рыхлой земле, а суховатые стебли табака больно хлестали по лицу. Наконец Арапка сам остановился. Он примирительно посмотрел на Гулика и разрешил ему подойти.

Гулик осторожно подошёл. Так и есть! Один из мешков завалился на шею, другой сполз к самой земле и кое-как держался на заднем креплении. Подхвостная верёвка оборвалась, обрывки свисали по обе стороны седельца.

Для того, чтобы правильно закрепить мешки, надо было поднять их, затянуть освободившиеся верёвки и заново приторочить мешки к седлу. Но поднять их одному было ему не под силу. Гулик попробовал посадить осла. Он нагибал ему шею, пробовал бить, но ослик заупрямился, и когда Гулик ударял его, он только переминался с ноги на ногу и недоуменно поводил ушами. Тогда Гулик подлез под мешок и, понатужившись изо всех сил, перевалил его на спину ослику. Теперь верёвки освободились от тяжести, и он заново прикрепил их к седлу. Потом сдёрнул мешок со спины, и тот занял правильное положение. То же самое Гулик проделал и с другим мешком. Подхвостную верёвку отвязал, стянул узлом оборванные концы и, наступив на один из них, обеими руками натянул верёвку что есть силы, чтобы узел не развязался. Подсунув верёвку под самую репицу хвоста, плотно прикрепил её к седельцу, чтобы оно не сползало вперёд. Ведь скоро начнётся спуск.

Гулику стало жарко, и он, стащив отцовский ватник, остался в шерстяном свитере домашней вязки: мать вязала. Свитер плотно облегал его ладную, крепкоплечую фигурку.

Когда они вошли в каштановую рощу, стало сумрачно, ноги беззвучно ступали по сыроватой тропе. Гулик шагнул в сторону и пошёл по коричневым каштановым листьям, разгребая их ногой, чтобы найти каштаны.

Каштаны вскоре начали попадаться. Они были коричневые, большие и приятно тяжёлые. Он начал было их грызть, но каштанов было больше, чем можно было съесть на ходу, поэтому он решил сначала набить карманы, а есть их потом, когда выйдет из рощи. Некоторые каштаны лежали в игольчатых коробках, похожих на маленьких рыжих ёжиков. Такие коробки Гулик брал осторожно в руки, чтобы не уколоться, клал на камень и разбивал. Из них выпрыгивали почти всегда два больших каштана и один маленький. Большие Гулик клал в карманы, а маленькие откидывал. Ослик тоже не дремал. Он раздвигал губами листья, находил каштаны и ел их, смешно скаля зубы. Но когда Гулик уже собирался идти дальше, Арапка неожиданно лёг. «Этого ещё не хватало!» — рассердился Гулик. Он подошёл к ослику и ударил его веткой. Арапка вздрогнул, но не встал. Гулик уже не очень уверенно стукнул его ещё несколько раз. От каждого удара ослик жалобно вздрагивал, шевеля ушами, и делал вид, что пытается встать, но не может. Гулик разозлился и со всей силы ударил его. Сухая ветка с треском сломалась, и один конец отлетел в сторону. Арапка продолжал лежать. Гулик бросил обломок ветки и устало присел возле ослика.

Было тихо. Где-то далеко, далеко за рощей и за крутым обрывом шумела речка. Изредка ветерок шелестел сухими листьями. Гулику стало грустно, потом страшно. Он вспомнил рассказы охотников о встречах с медведями и начал даже подыскивать дерево, куда можно будет залезть, если вдруг покажется зверь.

Он попробовал запеть, чтобы разогнать страх, но получилось так фальшиво, что ему самому стало противно, и он замолчал. Стало страшно и жалко самого себя, он почувствовал, что в горле что-то защекотало, захотелось плакать.

Может быть, он и заплакал бы, но Арапка неожиданно вскочил, как будто что-то вспомнил, и быстро затрусил по тропе. Гулик сразу успокоился и поспешил за ним.

Роща неожиданно кончилась, они вышли к обрыву.

В лицо ударил гул реки. Отсюда были хорошо видны окрестные горы, лесистые у вершин и почти совсем белые от меловых отложений у подножия. По склону темнели домики греческого селения. Гулик всегда удивлялся, как люди тут могут жить среди камней. Но он знал, что эта каменистая земля плодородна, здесь собирают хороший урожай кукурузы. Только землю трудно обрабатывать, особенно мотыжить.

Почти с отвесного обрыва, цепляясь за каждый уступ, тропа храбро поползла вниз. У каждого поворота она расширялась до не-

большой площадки. Гулик остановился на одной из них, осторожно попробовал ногой грунт и, ухватясь рукой за кривое деревце, заглянул в обрыв. Ровная стена, вся из белого слоистого камня, уходила почти на полкилометра вниз. Внизу, извиваясь серебряным прутиком, сверкала речка, на которой стояла мельница. Сверху казалось странным, что, такая маленькая, она так грозно шумит.

Спускаясь, Гулик, как и ослик, шёл бочком, выставляя вперёд правую ногу и притормаживая левой, если правая соскальзывала. Ноги быстро устали и начали дрожать. Хотелось отдаться силе, которая тянула вперёд, но Гулик знал, что если ускорить шаг, не остановишься и сорвёшься вниз.

Они сидели у огня на тяжёлых каштановых чурбаках...

В опасных местах он держался за хвост ослика, который к этому давно привык и не обижался. Он только начинал ступать ещё осторожнее, как будто чувствуя, что человек доверил ему свою жизнь. Они медленно приближались к подножию обрыва. Гулик это чувствовал по нарастающему шуму речки.

Спустились незаметно. Теперь они шли по хорошо укатанной дорожке. Идти стало легко и приятно. Оставалось только перейти мостик через речку, а там и мельница. Ослик боязливо ступил на неровные, кое-где подгнившие брёвна мостка. Гулик подумал, что все животные, кроме коз, а в особенности лошади, не любят и боятся ходить по мосту. Он хотел было догадаться, почему именно лошади больше всего боятся, но не успел, потому что как раз в это время они подошли к мельнице и надо было выгружаться.

Навстречу Гулику вышел мельник Гераго.

— Хочь гяльди! — поздоровался с ним Гулик по-турецки, делая вид, что не замечает его удивления.

— Сафа гяльди! — улыбнулся мельник.

В этой части Абхазии живут армяне, грузины и абхазцы. Говорят они между собой на турецком и русском языках. По-русски говорит молодёжь.

Гераго привязал ослика у двери, снял оба мешка и на полусогнутых руках легко внёс их внутрь. Гулик хотел было снять с Арапки седельце, но, подумав, что спина у ослика мокрая и он может простудиться, только ослабил подпруги.

В мельнице на земляном полу горел костёр. В чугунке, стоявшем на огне, грелась вода. Видно, Гераго собирался варить мамалыгу. Подумав о мамалыге, Гулик почувствовал голод и вспомнил о каштанах. Он угостил Гераго и стал грызть сам. Мельник не разгрызал каштаны зубами, как все, а каким-то образом пальцами продавливал кожуру и уже очищенное ядрышко отправлял в рот. Гулик тоже попробовал незаметно раздавить пальцами кожуру каштана, но ему это не удалось.

Мельник Гераго был малоразговорчивым человеком. Пока они сидели у костра, он спросил только, как дома.

Получив ответ, он кивнул головой и замол-

чал. Его считали глуховатым, поэтому с ним мало разговаривали, и он сам без нужды не ввязывался в разговор. Гулик подумал: «Может быть, он вовсе не глухой, а просто на мельнице всегда шумно и поэтому приходится кричать?» Ему захотелось проверить свою догадку и он тихо сказал:

— Дядя Гераго...

Мельник поправлял огонь и, хмурясь от дыма, ворочал дровины.

— Дядя Гераго! — громче сказал Гулик, но мельник опять не услышал.

— Дядя Гераго!!

Мельник поднял голову и сурово посмотрел на него. Гулику стало стыдно и страшно. Но Гераго вдруг улыбнулся и снова опустил голову. Гулик смотрел на его лицо с покатым лбом и большими бычьими веками под сросшимися бровями, смотрел на его сильные плечи, на огромное колено, туго обтянутое солдатскими галифе. Гераго сидел на корточках и раздувал огонь. Когда он приподнимал голову, чтоб набрать воздух, в его глазах плясали два маленьких костра...

Они сидели у огня на тяжёлых каштановых чурбаках. Гераго набил трубку, выкатил из костра уголёк и, перекатывая его на ладони, вложил в трубку.

Потом он стал мешать в чугунке мамалыгу. Лопатка, которой он мешал, казалась в его руке игрушечной, хотя она была обычного размера. Когда Гераго повёртывал её, рукав рубахи задирался и оголял большое запястье. Гулик тайком сравнил его со своим, и собственная рука показалась ему позорно тонкой и худой. Он согнул руку и пощупал мускулы. Это его немного успокоило: мускулы не слабые.

Горячую мамалыгу ели с бекмезом, запивая кислым молоком. Бекмез, сваренный из яблочного сока, был густым и пахучим, как мёд.

Поев, Гулик сидел на лежанке, облокотившись на мешок с кукурузой. Гераго зачем-то вышел, и Гулик заметил, что жернов стал крутиться быстрее. Мука из-под камня теперь сыпалась чаще, и струйка её, попадая в отсвет костра, вспыхивала, как золото. Гулик понял, что мельник пустил больше воды. Чтобы проверить, не слишком ли крупно намолота кукуруза, Гулик сунул руку в ящик и набрал горсть муки. Она была тёплая, почти горячая и смолота как раз так, как надо. Он высыпал её обратно и побыстрее отряхнул руку.

Гераго вошёл, легко и красиво поднял второй мешок и ссыпал его в бункер.

«Теперь скоро»,— подумал Гулик. «Трик-трак-трак-трак, трик-трак-трак-трак»,— шумело мельничное колесо. Гулику показалось, что этот шум напоминает знакомую песню. Он начал петь её и слышал, как колесо в такт выбивало тот же мотив. Он вспомнил другую песню, и опять получилось то же самое. И какую бы песню он ни вспоминал, каждую можно было петь под шум мельничного колеса.

Было приятно сидеть у огня, смотреть на Гераго, на огонь, на жернов, на летящую из-под него струйку муки. По телу разливалось хорошее тепло, и думалось только обо всём хорошем. Он чувствовал, что любит и Гераго, и маму, и своего ослика, и всех на свете, и все они тоже его любят. Он думал о том, кем он будет, когда вырастет. Сначала ему захотелось быть таким же большим и сильным, как Гераго, так же легко и красиво поднимать любые мешки, пускать мельницу то быстрее, то медленнее.

Потом он подумал, что гораздо лучше стать шофёром.

К тому времени в их деревню, конечно, проведут дорогу, и он будет ездить на грузовике: возить лес и катать ребят. Но в конце концов Гулик остановился на том, что лучше всего быть киномехаником: можно самому бесплатно смотреть картины и всем показывать.

Гулик вспомнил о киномеханике Валико. Он несколько раз в году приезжал к ним в деревню. Перед тем, как показать картину, Валико обычно заходил к кому-нибудь на «хлеб-соль», напивался чачи и картину пускал с опозданием. А то, бывало, и вовсе ложился спать, а вместо него работал моторист. И всё же на него никто не обижался. Кино в горах — редкость. Радовались и тому, что есть. Но Валико вовсе обнаглел. Приехал недавно с передвижкой. Все узнали и пошли к правлению. Собрались во дворе, повесили на стене две простыни, вынесли скамейки. Ждут, ждут, а Валико всё нет. И что же! Оказывается, он поехал на самый край деревни, на свадьбу. Хозяин дома решил похвастаться неслыханным пиром, где будут показывать кино. Всю ночь крутили ленту, а между частями произносили тосты и дули из рога вино. Понравившиеся места повторяли по нескольку раз. Свадьба удалась на славу. Зато председатель колхоза рассердился и на следующий день не дал киношникам лошадей.

«Тащите на себе своё кино!» — сказал он. Валико тоже рассердился и ответил: «Боль-

ше ноги моей не будет в этой дыре! Я план и так выполняю».

С тех пор в деревне не видели ни одной картины.

...Когда вся кукуруза смололась, Герако схватил оба мешка, теперь плотно набитые мукой, и вышел из мельницы. Он быстро затянул подпруги и навьючил Арапку. Гулик заметил, что тот не пытался надуть живот, когда Герако стягивал ему подпруги, а когда прилаживал мешки, ослик даже пригнулся, видно, он побаивался огромного мельника.

— Поспеши,— сказал на прощанье Герако.— Как бы ночь не застала в пути.

Гулик быстро шёл по тропинке, а ослик шагал впереди, аккуратно постукивая копытцами и поскрипывая поклажей. Гулик ставил ноги, используя каждую рытвину, каждый камень. Это облегчает крутой подъём, получается, как будто поднимаешься по лестнице. Он думал о том, как завтра в школе скажет, что сам ходил на мельницу. Потом он вспомнил, что скоро праздники и все соберутся на школьном дворе. Взрослые ребята будут бороться, толкать камень и играть в футбол. Надо поторопить маму, чтобы скорее сшила ему новую красную рубашку, а то откладывает каждый день; чего доброго, и на праздник не будет у него новой рубашки. Новую рубашку приятно надевать, но только первый раз как-то неудобно. Она стыдно красивая и совсем чистая, и все её замечают. А всё-таки приятно.

Когда Гулик одолел самый крутой подъём, солнце уже зашло за гору, но всё ещё золотило вершины самых далёких хребтов.

Здесь, наверху, дул свежий задумчивый ветерок. Остановились отдохнуть. Передохнув, ослик пошёл быстрее, и Гулик теперь едва поспевал за ним. Арапка знал: чем скорее он придёт домой, тем быстрее освободится от поклажи. К тому же он побаивался темноты. В роще, куда они теперь вошли, было уже совсем темно. В темноте едва белела тропа, кусты таинственно шуршали, и порой казалось, что сзади кто-то крадётся. Гулик незаметно оглядывался, но тот, кто крался, всегда успевал отскочить за дерево.

Уже недалеко от дома из темноты вынырнул качающийся фонарь. Это отец шёл навстречу. Когда Гулик и Арапка подошли, отец уступил им дорогу и пропустил вперёд. Гулик солидно прошёл мимо отца.

— Как там Герако? — бросил отец.

— Всё хорошо,— ответил Гулик.

Когда вошли во двор, навстречу с лаем бросилась собака, но, узнав своих, радостно завизжала и стала прыгать и кружиться вокруг Гулика и Арапки. Гулик привязал ослика к решётке веранды и вошёл в дом. Мать, стоявшая у дверей, поцеловала его и сказала:

— А я тут извелась, думала, что-нибудь случилось с тобой.

— А что могло случиться? — сказал Гулик и сурово отстранился от материнской ласки.

Он присел у огня и блаженно вытянул ноги. От усталости они сладко ныли, и было чудесно сидеть вот так у огня, не двигаясь, и знать, что больше никуда не надо идти. Он слышал, как отец вошёл во двор, хлопнув калиткой. Подошёл к дому, повесил фонарь, снял мешки и поставил их на скамью, стоявшую на веранде. Потом прикрикнул на ослика, чтобы он стоял смирно, стащил седельце и тоже бросил на скамью. Потом тряпкой долго оттирал ему спину от пота, потом отпихнул собаку, вертевшуюся у ног. Она взвыла, но сейчас же залаяла в темноту, чтобы показать, что она не обиделась. Скрипнув дверцей, отец зашёл в кладовку и оттуда принёс несколько початков кукурузы. Потом отец снова ушёл куда-то, а ослик долго грыз кукурузу, сопя и сочно пережёвывая зёрна.

Когда, поужинав, Гулик лёг в постель, ему приснилось, что он киномеханик и в клубе сельсовета показывает новую картину. Но как только окончилась первая часть, он почему-то очутился рядом со своим школьным товарищем.

«Это я показывал кино»,— сообщил ему Гулик. Тот улыбнулся и помотал головой: «Ну и врёшь же!» Гулик сам был немного смущён тем, что он вдруг раздвоился. Один Гулик смотрел картину, а другой её показывал. И во всём клубе только он знал, что киномеханик и он — это один человек. Он подошёл к киномеханику и, заранее чувствуя, что тот его не признает, сказал: «Ты это я». Механик нарочно расхохотался, чтобы никто вокруг не поверил Гулику. Но тут неожиданно показался председатель колхоза и закричал на механика: «Ты опять тут?!» Тот побледнел и сразу стал похожим на Валико. «Ноги моей здесь не будет!» — сказал он и вышел из клуба.

...Гулик спал, раскинув руки и вытянув ноги. Мать сидела возле него и при свете керосиновой лампы шила ему на швейной машинке новую красную рубашку.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЕВ

Вы, наверно, удивитесь, когда узнаете, что на овощной опытной станции Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева морковь, лук, свёклу, лён, пшеницу сеют зимой.

Зачем же сеять в мороз? Ведь разгребать снег и взрыхлять промёрзшую, твёрдую, как камень, землю трудно, гораздо легче сеять весной, когда оттает земля и установится тёплая погода.

Конечно, сеять весной легче и удобнее, но самые благоприятные условия для прорастания семян, оказывается, создаются в почве ранней весной, как только оттает почва. Тогда в верхнем слое её скапливается много влаги.

Но эта же влага не позволяет начать сев. По сырому, вязкому полю не может пройти даже гусеничный трактор. Вот и приходится ждать. А влаги в почве с каждым днём становится всё меньше: она уходит вглубь почвы и испаряется. Поэтому так торопятся всегда с севом. Недаром говорят в народе: весенний день год кормит.

Учёные разных стран уже давно задумывались над тем, как использовать раннюю весеннюю влагу. Пробовали сеять поздней осенью. Подзимние посевы часто давали замечательные результаты: весной появлялись дружные всходы, урожай получался высоким. Но из-за дождей поздней осенью так же трудно сеять, как и ранней весной. Не всегда угадаешь правильно и сроки посева. Сеять нужно незадолго перед тем, как замёрзнет почва, иначе семена прорастут и с наступлением морозов погибнут.

Научный сотрудник Тимирязевской академии С. В. Крылов, изучая ненадёжный способ подзимнего сева, как-то попробовал сеять овощи зимой, по замороженной почве. Высеянные зимой семена дружно взошли весной, а осенью был собран урожай выше обычного.

Изменились и сроки сбора урожая. Морковь поспела на три — четыре недели раньше, в средней полосе России стало возможным собирать два урожая льна за лето.

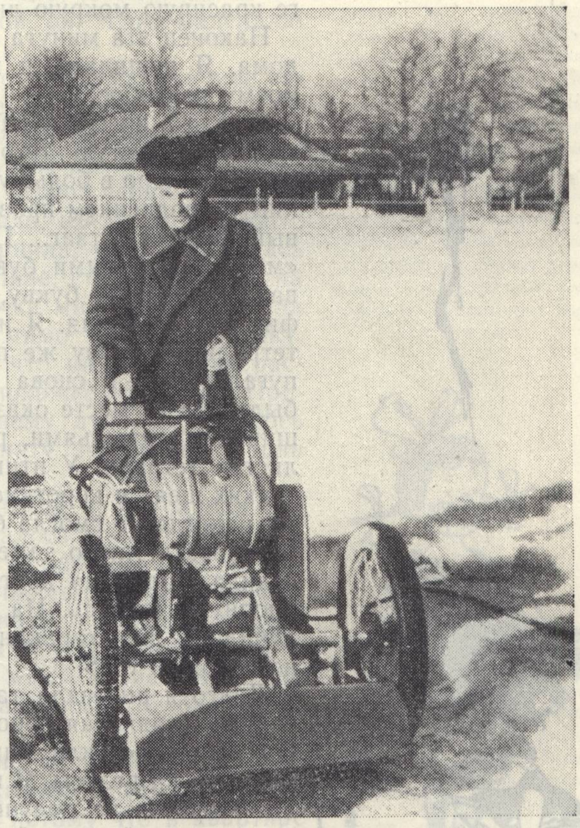
Резко повысилась урожайность свёклы и моркови, ведь зимний сев «удлинил» для них лето, а самое главное, свёкла «перехитрила» своего самого страшного врага — свекловичного долгоносика. Теперь свёкла развивалась быстрее, чем долгоносик, он не поспевал за ней.

Зимний посев помогает растениям бороться с засухой. Ранней весной во влажной почве у растений быстро развиваются могучие корни, которые лучше добывают из почвы влагу. Даже при самых неблагоприятных климатических условиях с полей, засеянных зимой, собирают хороший урожай.

В нынешнем году собран первый урожай овощей и зерна на овощной опытной станции Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева и на полях одного из совхозов Московской области. Наступающей зимой опыты будут проведены уже на гораздо больших площадях и в самых различных зонах страны: в средней полосе и в Поволжье, в Сибири и в Казахстане, в Прибалтике и в Закавказье.

Будут испытываться разные культуры, разные сорта и разные сроки сева. В этих интереснейших опытах могут принять участие и юные натуралисты на своих пришкольных участках.

Г. Куликов

Здесь вы видите ручную электрическую сеялку для сева в мёрзлую землю, построенную советскими учёными С. В. Крыловым и Н. М. Вольфом.

КАК Я УЧИЛАСЬ ПИСАТЬ ЧЕРНИЛАМИ

Р. Рома

Рисунки И. Семёнова.

Читать я научилась очень рано, а писать стала много позже. Писала я палочкой на песке, гвоздём на дереве, мелом на стене, карандашом на бумаге, но больше всего мне хотелось писать чернилами.

— Я тебе не разрешаю писать чернилами до тех пор, пока ты не научишься ими писать! — говорила мама. Этот аргумент казался мне неопровержимым, но я и не собиралась его опровергать. Я собиралась писать чернилами. Я страстно мечтала о той минуте, когда моя рука возьмёт вставочку с пером, опустит её в чернила и спокойно, без запрета проведёт по бумаге красивую мокрую линию.

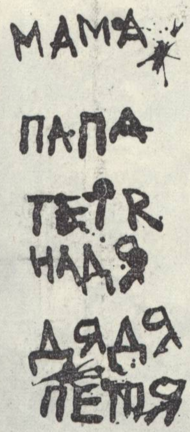
Наконец эта минута наступила. Я была одна дома. Я решилась, и никто не мог помешать моему решению.

Я села в кресло у папиного письменного стола, взяла чистую тетрадь старшей сестры и, погрузив перо в большую хрустальную чернильницу, с волнением провела на белом листе первый, робкий зигзаг... Потом я написала слово «мама» печатными буквами. Когда я дописывала последнюю букву, на бумагу упала густая фиолетовая капля. Я испугалась и захлопнула тетрадь, но сразу же подумала: «А чего я испугалась?» — и снова открыла её. Кляксы не было. На её месте оказалась странная птица с широкими крыльями, распростёртыми на двух листах тетради. У птицы были две головы на тонких шеях и короткие волосатые ноги. Я сама никогда не смогла бы так быстро и хорошо нарисовать такую замечательную птицу! Я посадила кляксу на другом листке и опять захлопнула тетрадь. На этот раз из кляксы получились два таракана, потом — ни на что не похожий узор.

Долго я рисовала таким способом, пока нечаянно, стряхивая перо, не брызнула на стену. По обоям потекли вниз две тонкие полоски, похожие на рельсы. Я пририсовала к ним шпалы. Паровоз не получился — он был какой-то раздавленный, и колёса торчали в разные стороны. Тут я заметила, что рисовать пером по обоям очень неудобно: чернила почему-то всё

время затекают в рукав. Оказалось, что гораздо удобнее писать кисточкой.

Я записала на стене папиного кабинета имена всех родных и знакомых, которые могла вспомнить, потом нарисовала домик и вокруг него сад с бабочками и цветами. Из трубы домика шёл дым, клубы дыма доставали до выключателя у двери. Пока я рисовала эту картину, между чернильницей и стеной протянулась фиолетовая дорога. Она шла по зелёному сукну стола, соскакивала на пол, взбиралась на кресло и, снова спрыгнув на пол, доходила до самой стены. Я нарисовала на стене забор, который шёл вокруг всей комнаты. Откуда-то прилетела толстая суетливая муха. Я отмахнулась от неё, она шарахнулась в сторону и попала в чернильницу. Я поддела её кисточкой, помогла вылезти и понесла через столовую, чтобы выбросить в окно. По дороге муха свалилась с кисточки на обеденный стол и поползла по белой скатерти. Она подрыгала задними ногами, как мокрая кошка, остановилась на краю стола и, поблескивая фиолетовым золотом, тяжело взлетела. После неё на скатерти осталась чернильная веточка. Я пририсовала к ней дерево.

Потом кончились чернила. Я оглянулась вокруг и подумала: «Ой, ой, ой! Что я наделала! Наверное, мне попадёт!»

Очень неприятно было это думать, и мне захотелось заболеть. Я легла в постель, но остановиться было невозможно, потому что, когда я переставала рисовать, мне делалось страшно. Тут я вспомнила, что во второй чернильнице тоже есть чернила. Я встала, взяла лист бумаги, макнула кисточку в чернила, снова вернулась в постель и, лёжа на спине, стала рисовать на бумаге солнце. С кисточки мне на щеку упала капля. Она скатилась мимо уха на подушку. Я вскочила и увидела, что на наволочке расплывается пятно, тоже похожее на солнце. Пришлось пририсовать к нему лучи. Получилось очень красиво. В комнату неслышно вошла кошка.

— Кис-кис-кис! — позвала я. Но кошка быстро убежала. Мне удалось только один раз мазнуть её по спине, и то она сразу же вытерлась о диван. На кисточке ещё оставались чернила. Я подошла к зеркалу и нарисовала себе усы. Когда я рисовала бороду, то увидела в зеркале за своей спиной маму. Глаза у неё были испуганные, и мне показалось, что она хочет сесть на пол.

Что было дальше, мне не хочется вспоминать, а тем более рассказывать. Мы несколько дней жили в коридоре, потому что в квартире делали ремонт.

Вот что получилось из-за того, что мне не разрешали писать чернилами.

НОВЫЙ ДОМ

Новый дом — это школа-интернат; ребята полюбили его, как родной. Посмотрите эти фотографии, и вы увидите, как дружно и весело живут питомцы интернатов Москвы, Калуги и Прикарпатья.

Нехитрое дело у первоклассников — выводи палочки да кружочки... Но даже этим искусством не овладеешь сразу. Посмотрите, как трудятся малыши-первоклассники, они готовят уроки в своём же классе. Малышам помогают старшеклассницы — шефы. Шефы внимательны, терпеливы. Ведь и они когда-то изображали восьмёрку двумя кружочками, а цифру «семь» рисовали с таким навесом, что под ним мог бы уместиться целый человечек. Ой, как давно это было!

А в столярной мастерской той же московской школы-интерната № 7 ребята овладевают другим искусством. Какая это радость, когда под твоей рукой грубый кусок дерева превращается в аккуратную, нужную деталь! Пройдёт немного времени — и вся школа будет украшена отличными вещами, вышедшими из этой мастерской.

Посмотришь вверх — чем не зима? В бледном небе покачиваются сумрачные сосны. Только вот под ногами пожелтевшая осенняя трава, ничем не похожая на снег. Но, оказывается, и на ней можно тренироваться, и ребята калужской школы-интерната № 1 часами готовятся во дворе к будущим лыжным походам.

Дунешь в трубу — весёлый, торжествующий звук вылетает из её медного горла. Но он может быть тихим и нежным. На своих трубах и тромбонах школьники из прикарпатского села Сколе сыграют и бодрый марш, и задумчивый вальс, и пионерские песенки, которые поёте вы все, и старинные песни родного Прикарпатья.

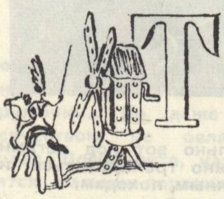
Путешествие Голубой Стрелы

Джанни Родари **Рисунки А. Брея.**

(Продолжение)

Глава XVIII

Чудесные приключения Коробки Карандашей

Так, дверь за дверью, дом за домом, таяла наша колонна. Целые вагоны Голубой Стрелы уже остались без пассажиров. Оставшиеся бродили из вагона в вагон, к большому неудовольствию Начальника Поезда, который хотел заставить их уважать железнодорожные правила.

— Пассажиры не должны переходить из вагона в вагон,— говорил он.

— Не высовывайтесь из вагонов, это опасно.

— У кого билет третьего класса, тот не имеет права даже появляться в первом, иначе я оштрафую его.

Но все его усилия ни к чему не приводили. Пассажиры были беспокойные и напоминали детей, возвращавшихся из лагерей домой.

На каждой остановке кто-нибудь сходил, прощался с остальными, и поезд отправлялся дальше.

Я не могу рассказать вам историю всех пассажиров Голубой Стрелы, потому что сам всего не знаю. Знаю, например, что части Конструктора, которые уцелели после крушения моста через лужу (вы помните?), собрались под командование Главного Инженера и в одно мгновение построили ветряную мельницу на подушке у мальчика, к которому они попали. Мальчик проснулся, стал крутить рукоятку, и крылья мельницы завертелись в воздухе, ожидая, когда какой-нибудь Дон Кихот набросится на них.

Мотоциклисту надоел его мотоцикл, и он решил остановиться; он выбрал дом маленького механика и передал список с адресами Машинисту Голубой Стрелы, который отныне мог вести поезд в своё удовольствие, а не тащиться еле-еле за собачьим хвостом или же в облаке синего дыма из выхлопной трубы мотоцикла.

Индейцы и ковбои с трудом поспевали за Голубой Стрелой. Паровоз не устаёт никогда, но кони время от времени должны отдыхать. Лошади индейцев ещё могли скакать по снегу, но лошади ковбоев сдали.

И вот караван прибыл к дому, где окна вместо стёкол были затянуты обрывками газет и журналов, на картинках которых красовались ковбои и индейцы.

Наши герои почувствовали себя дома. Они расседлали лошадей и расположились лагерем на соломенном тюфяке, лежащем на полу, где, обнявшись, спали два мальчика, немножко чумазые, но с симпатичными и даже во сне весёлыми лицами.

Они не зажгли походных огней, чтобы не поджечь тюфяк, но натянули свои палатки, привязали лошадей и преспокойно расположились спать Только Серебряное Перо не заснул. Великие индейские вожди никогда не спят. Днём и ночью они курят свои трубки и думают. А о чём думают — неизвестно, потому что говорят они мало. из десяти мыслей расскажут кое-что об одной, а остальные девять остаются в секрете. Поэтому они становятся такими мудрыми. Есть индейская пословица, которая гласит: «Тот, кто молчит, знает в два раза больше, чем болтун».

В поезде остались только Начальник Станции, Начальник Поезда, Машинист и Карандаши, которые вылезли из коробки и каждый занял себе от-

дельное купе. Таким образом, они не мешали друг другу, потому что, как вы знаете, у Карандашей очень длинные ноги и они любят простор.

В списке адресов осталось только два имени: Франко и Роберто.

У дома Франко слезли Карандаши, на долю которых, могу вам признаться, выпали самые комические приключения. Франко не спал: он растянулся в своей кроватке и, положив руки под голову, разглядывал потолок. Он сразу увидел, как Карандаши один за другим пролезали в замочную скважину и с лёгким стуком падали на пол.

— Привет! — весело сказал Франко.

— Привет! — моментально ответили Карандаши.

А Жёлтый, который любил посмеяться по любому поводу, сразу же добавил:

— Почему ты не спишь? Это неправильно. В новогоднюю ночь дети должны спать.

— Я это знаю, но...

— Правда, мы добрались до тебя сами, а не на метле Феи, но это не оправдание. Ты ничего не должен знать об этом.

— Но я...

Голубой прервал Жёлтого, который хотел было продолжать свою проповедь, и заметил:

— Но в конце концов, что за беда, если он не спит? Это даже лучше: мы можем сразу же подружиться.

— Я тоже такого мнения,— пропищал Красный, который был самый весёлый из всех.

— Что касается меня, то я согласен с Жёлтым,— сказал Зелёный,— тем более, что он мой двоюродный брат.

Ах, да, я же вам ещё не рассказал историю этого родства. Это довольно сложная история. Зелёный был двоюродным братом Жёлтого и Голубого; Оранжевый — двоюродным братом Жёлтого и Красного, Лиловый — Красного и Голубого, и, кроме того, между ними было ещё множество родственных связей, сложных, как и все родства на этой земле.

— Ну, хватит! — примирительно воскликнул Франко.— Вижу, что вы начинаете ссориться. А я-то думал, что цвета всегда живут в мире между собой.

— Ты ошибаешься,— изрёк Жёлтый.— Разве ты никогда не слышал о контрастах в цветах? Однако ты ещё не объяснил нам, почему не спишь.

— Просто потому, что сон никак не приходит.

— Это признак того, что ты был плохим мальчиком. Не могут спать только те дети, у которых совесть нечиста.

— Совесть у меня чиста, но пуст желудок, потому что мне нечего было есть на ужин.

— Видите! — торжествующе воскликнул Голубой.— Я сразу же сказал, что он хороший мальчик.

— Наоборот,— возразил Зелёный,— раз его оставили без ужина, значит, он плохой мальчик.

— Нет,— объявил Франко,— это значит, что у нас в буфете пусто. Мама поскорее уложила меня спать, надеясь, что сон прогонит голод, а получилось наоборот: голод прогнал сон. Но я не жалуюсь: мне так интересно было видеть, как вы пролезали в замочную скважину. Вы знаете, я до сих пор ещё ни разу не получал подарка от Феи. А вы для меня самый лучший подарок, который только я мог получить. Представьте себе, я хочу стать художником.

Франко говорил так ласково, что Карандаши, подпрыгивая, приблизились к нему, довольные, что они пришлись по душе мальчику. Для типов

вроде Жёлтого и Зелёного достаточно одного доброго слова, и они сразу же прекращают ссориться и становятся очень хорошими.

— Если хочешь стать художником,— сказал Коричневый, самый спокойный из всех цветов,— я советую тебе рисовать сцены из деревенской жизни. Можешь для этого использовать меня.

— А для меня всё равно, из какой жизни,— произнёс Голубой.— На любой картине всегда найдётся место для кусочка неба.

— Ребята! — воскликнул Красный, которому всегда хотелось предложить что-то новое.— Зачем терять время на болтовню? У меня появилась идея.

— Слушаем.

— Раз уж Франко не спит, давайте развлекать его. Нарисуем для него что-нибудь!

— Чудесно, что за хорошая мысль! — обрадовался Франко.— Посмотрите на столе: там должно лежать несколько листов чистой бумаги. Конечно, это не чудесные белые листы из альбома; в эту бумагу лавочник заворачивал кофе, но я собираю её для рисования.

— Начну я,— торжественно произнёс Чёрный.

Он положил листок бумаги на ночной столик, стоявший рядом с кроватью Франко, и запрыгал по листу. На бумаге появился ствол и ветви дерева.

Франко захлопал в ладоши, но Жёлтый наморщил нос (я не знаю точно, где находится у карандаша нос, но подтверждаю тот факт, что Жёлтый наморщил нос).

— Этот рисунок не по сезону,— произнёс он.— Всем известно, что зимой на ветвях нет листьев. В лучшем случае сохраняется несколько жёлтых листьев...

— А ты забыл про сосны и ели, которые никогда не теряют листву?

— У меня есть ещё одна замечательная идея,— объявил Голубой.

Он взял листок, начертил на нём причудливую линию, и через несколько минут чудесная Голубая Корова, вежливо мыча и позвякивая висевшим на шее голубым колокольчиком, поднялась с листа и застучала копытцами по столику.

— Замечательно! — воскликнул Франко. — Если бы я тоже мог рисовать живые вещи! Мои рисунки всегда остаются на бумаге и никогда не сходят с неё.

— Мууу! — жалобно замычала Голубая Корова.

— Может быть, у неё накопилось много молока,— сказал Франко.— Когда коровы жалуются, их обязательно нужно доить. Но я не умею.

На помощь пришёл Коричневый, который был деревенским цветом и умел доить коров.

Молоко Голубой Коровы было чудесного голубого цвета.

— Такого молока я никогда не видел,— засмеялся Франко.

— Это Голубой виноват,— ответил Жёлтый.— Он всё хотел сделать сам. Все ведь знают, что молоко бывает жёлтое.

— Жёлтое? Что ты там рассказываешь?

— Ах, довольно спорить,— сказал Красный,— теперь моя очередь.

И он со скоростью балерины запрыгал по листу бумаги, распространяя вокруг невероятное веселье. Ещё ничего не было готово, но можно было поручиться, что рисунок получится очень смешной.

— Готово,— прыснув со смеху, объяснил Красный.

Знаете, что он нарисовал? Человечка, который каким-то чудом не рассыпался, хотя и был весь сделан из отдельных кусков. Руки не соединялись с плечами, ноги с туловищем, нос с лицом, а голова с шеей.

— Да здравствует Человечек из кусочков! — закричал Франко.

Человечек попытался подняться с листа и сразу же потерял одну ногу.

Он нагнулся и с большим трудом приделал её на место, но тут же у него отскочила рука.

— Я потерял руку! Где моя рука? — Он опустился на колени в поисках, а голова тем временем скатилась с его плеч, как мячик. Голова катилась по полу, но не переставала кричать и жаловаться:

— На помощь! На помощь! Я не виноват, зачем вы хотите отрубить мне голову?

У Франко от смеха на глазах выступили слёзы.

— Не бойся! — ободрял он, стараясь сложить кусочки вместе.— Ну вот, теперь всё в порядке, покажи, как ты умеешь ходить.

Это было легко сказать, но не легко выполнить. «Человечек из кусочков» не успел сделать и двух шагов, как потерял половину левой ноги и правую руку. Бедняжка зашатался и рухнул на землю.

Каждый из Карандашей что-то рисовал; фигурки, как только их кончали рисовать, подни-

мались с бумаги и с любопытством оглядывались по сторонам. Голубой нарисовал лодочку с моряком. Моряк принял молоко Голубой Коровы за море и принялся плавать в нём.

Внезапно послышался чей-то голосок:

— Эй! Эй, вы!

— Кто это? — спросил Жёлтый, который знал все обязанности, включая обязанности часового.

— Э, э, э, не поднимай такой шум, дружище! Я бедная голодная Мышь и думаю, что кому-то из вас придётся пожертвовать собой, чтобы я могла поужинать. Мне всегда нравились карандаши, простые или цветные,— всё равно.

Карандаши поспешно столпились около Франко, который поднял руку, чтобы защитить их.

— Синьора Мышь, если вы думаете утолить голод за счёт моих друзей, то предупреждаю вас, вы ошиблись адресом.

— В этом доме невозможно жить,— проворчала Мышь, оскалив зубы.— Нет ни корки сыра, ни яйца, ни бутылки масла, чтобы я могла окунуть туда хвост и облизать его, ни мешка с мукой или зерном, чтобы я могла прогрызть их. За последнюю неделю я потеряла половину веса.

— Мне очень жаль,— ответил Франко,— но я тоже лёг спать без ужина, и это не в первый раз. Ничем не могу помочь тебе: мои Карандаши не для твоих зубов.

— Прикажи им, пусть они хоть нарисуют для меня что-нибудь съедобное! — взмолилась Мышь.— Я видела, какие они чудесные мастера.

— Против этого я ничего не имею..

— Об этом позабочусь я,— предложил Жёлтый. И в одно мгновение он нарисовал ломтик сыра с дырочками и слезою, который вызвал бы аппетит даже у индийского факира.

— Большое спасибо! — воскликнула Мышь, облизывая усы. Никто даже не успел заметить, как сыр исчез в её пасти.

— Чудо что за аппетит,— сказал Красный.— Но подожди, сейчас я тебя накормлю.

Он взял чистый лист и нарисовал на нём круг.

— Это, наверно, голландский сыр,— сказала Мышь.— Однажды я наелась его вволю. У него была такая же красная корочка.

— Подожди, я ещё не закончил.

Красный нарисовал рядом с первым кругом кружок поменьше и некоторое время выводил какие-то странные палочки и закорючки.

— Странно,— заметила Мышь,— никогда не видела голландского сыра с такими большими дырками. Над этим сыром, наверно, потрудилась целая мышиная семья А теперь отойдите, пожалуйста, в сторону.

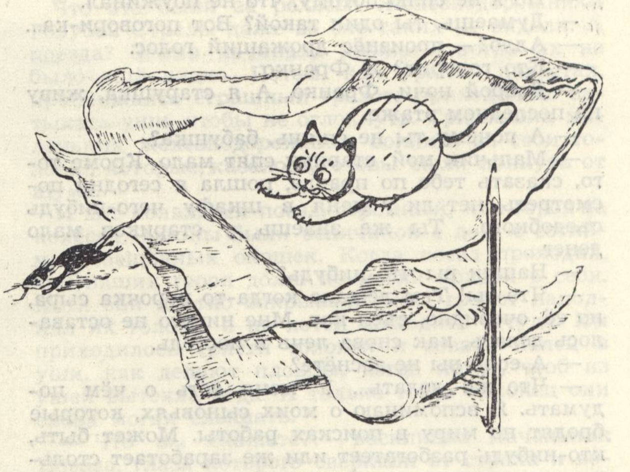
— И-и, какая спешка,—усмехнулся Красный,— да я ещё только начал. Я хочу приготовить такое блюдо, что ты запомнишь его на всю жизнь.

И, продолжая рисовать, приделал к своей странной фигуре какое-то подобие хвоста, который Мышь приняла за сосиску.

— Сосиска? Это неплохая идея. Даже не помню, когда я ела её последний раз, а может быть, и совсем не ела, а просто представляю её себе по рассказам моего отца, который жил в лавке одного колбасника. Но теперь отойдите, пожалуйста, в сторону и позвольте отведать этот чудесный сыр, а то как бы мне не захлебнуться от слюны.

— Одну минуточку,— сказал Красный и в последний раз коснулся листа бумаги...

Мышь беспокойно смотрела на ожившую фигуру, которая лениво поднималась с бумаги.

— Но ведь это... Что за шутки... Ай, на помощь! Мама!

И Мышь бросилась прочь с такой быстротой, что потеряла хвост. Красный весело рассмеялся. Что же он нарисовал? Красного Кота, друзья мои, огромного Кота, который облизал усы и сразу же принялся точить когти. К счастью для Мыши, Кот был немножко ленив и слишком долго раскачивался, иначе не сдобровать бы ей.

Кот нежно замурлыкал и стал тереться о руку Франко, чтобы тот приласкал его.

Для Франко это была незабываемая ночь. Карандаши по очереди показывали ему своё искусство. Например, они нарисовали столько флажков, что разукрасили комнату, как в день национального праздника.

Они нарисовали трёхцветный флаг, красный флаг; немного поспорили, потому что каждый хотел, чтобы его флаг был самый лучший, потом помирились, и все вместе нарисовали шестицветный флаг.

— Ну, вот, на флаге есть цвет каждого из нас; никому не обидно. Теперь-то уж мы не будем ссориться.

Затем Чёрного осенила блестящая идея, так не соответствующая его отнюдь не блестящему виду. Но так уж случилось, и я должен рассказать вам об этом.

Чёрный нарисовал телефон, маленький, как игрушечный, но совсем настоящий: с трубкой, с диском для номеров, с проводами и со звонком, который сразу же зазвонил.

— Отвечай скорее,— сказал Чёрный.

— Но я не знаю, как это делать, я никогда в жизни не разговаривал по телефону,— ответил Франко.

— Смелее, ты только должен сказать «алло» и слушать.

Франко взял трубку, приложил её к уху и сказал:

— Алло?

— Алло! — ответил бас, выходящий, казалось, из глубокого подземелья.— Кто говорит?

— Я Франко. А вы кто?

— Я телефонный Маг. Могу сделать так, что ты будешь говорить с кем угодно.

— Так поздно? В это время люди спят, и если я разбужу их, чтобы только поболтать, кто знает, какие проклятия посыплются на мою голову.

— Не все спят, дорогой Франко. Вот ты, например, не спишь.

— Но я не сплю потому, что не поужинал.

— Думаешь, ты один такой? Вот поговори-ка...

— Алло? — произнёс дрожащий голос.

— Кто говорит? Я Франко.

— Доброй ночи, Франко. А я старушка, живу на последнем этаже.

— А почему ты не спишь, бабушка?

— Мальчик мой, старики спят мало. Кроме того, сказать тебе по правде, пошла я сегодня посмотреть, нет ли у меня в шкафу чего-нибудь съедобного... Ты же знаешь, у стариков мало денег...

— Нашли вы что-нибудь?

— Что ты! Там лежала когда-то корочка сыра, но её, очевидно, съел кот. Мне ничего не оставалось делать, как снова лечь в постель.

— А если вы не заснёте?

— Что же делать... У меня есть о чём подумать. Я вспоминаю о моих сыновьях, которые бродят по миру в поисках работы. Может быть, кто-нибудь разбогатеет или же заработает столько, что сможет прислать мне много денег... Не так ли?

— От всей души желаю вам этого, бабушка.

— Спасибо, Франко! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, бабушка!

Франко положил трубку, но сразу же раздался звонок.

— Алло? Ну, как, поговорил?

Это был телефонный Маг.

— Да. Мне так жаль эту бедную старушку!

— Поговори сейчас ещё с одним человеком.

— Алло? Кто говорит?

— Франко.

— А, Франко. Я не знаю тебя, но это неважно. Я всё равно не сплю.

— У вас какая-нибудь неприятность?

— Нет, никаких неприятностей. Я студент, и мне некогда огорчаться, мне нужно учить уроки.

— Значит, вы не спите, потому что занимаетесь?

— Сказать тебе по правде, я не занимался. Открытая книга лежит передо мной на подушке, но я даже не различаю слов, они прыгают у меня перед глазами, как балерины. Это всё ужин виноват.

— Вы неважно покушали?

— Я совсем не ел. Пять минут тому назад я встал и пошёл в столовую к моей хозяйке. Ты лучше не говори мне, что красть плохо, я это сам знаю. Но мне так хотелось хоть что-нибудь пожевать: кусок хлеба, яблоко — что угодно. Свет в кухне я не зажигал, чтобы не разбудить хозяйку, тем более, что я напамять знаю, где какая мебель стоит. На цыпочках я подошёл к буфету, открыл дверцу, осторожно, чтобы ничего не опрокинуть, протянул руку... Палец попал во что-то мягкое. Что это такое? На ощупь мне показалось, что это мармелад. Я сунул палец в рот. Знаешь, что это было? Томат, томат из помидоров. Я съел полбанки этого томата и сейчас умираю от жажды.

— Я не люблю томат из помидоров,— сказал Франко.

— Дорогой дружище, я тоже не люблю его, меня просто тошнит от томата, но ведь больше ничего не было. А теперь до свидания! Звони мне завтра ночью, если не будешь спать,— мы поболтаем немножко.

Франко ещё некоторое время говорил по телефону. Сколько людей не могли спать! Больные, которым боль даже ночью не давала отдохнуть. Мальчики вроде него, которые легли спать без ужина. Старики, которых одолевали грустные мысли, а всем известно, что грустные мысли прогоняют сон. Были ещё люди, которые работали по ночам: рабочие у доменных печей и на электростанциях, ночные сторожа, пекари, пекущие хлеб ночью, чтобы он был свежим к утру.

«А ведь ночью город кажется вымершим»,—думал Франко.

Карандаши прицепились к телефонному проводу, чтобы подслушивать разговоры, но в конце концов утомились и заснули.

Франко осторожно, боясь разбудить, собрал их в коробку, закрыл её и положил под подушку, чтобы коробку не отыскала Мышь, если она отважится выйти из своей норы.

Нарисованные Карандашами фигурки одна за другой вернулись на свои листы, и в комнате стало тихо. Франко выключил свет и некоторое время лежал с открытыми глазами. Он ничего не видел, но ему казалось, что комната полна народу. Здесь были все те, с кем он разговаривал по телефону, и они пришли, думал Франко, чтобы составить ему компанию.

Наконец он заснул и спал спокойно до самого утра.

Его мама встала пораньше, чтобы приготовить на кухне ячменный кофе (настоящий кофе стоит так дорого!). Она прошла через комнату Франко и увидела на столике листы бумаги с чудесными рисунками. Мама нежно посмотрела на сына и улыбнулась.

«Мой мальчик станет художником,— подумала она про себя.— Пойду на любые жертвы, лишь бы он у меня учился. Грех погибнуть такому таланту!»

Она ласково провела рукой по взлохмаченным волосам сына, который шевельнулся во сне, и прошла в кухню.

Мне жаль, что я не могу рассказать вам историю Франко. Будет ли он художником, или ему придётся делать работу, которая ему не нравится, лишь бы только зарабатывать себе на жизнь?

Кто знает... Не все делают то, что хотят. Я знал одного дворника, который хотел быть музыкантом.

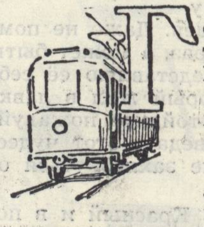
— Мне так хотелось бы научиться играть на скрипке,— рассказывал он мне.— А на самом деле вот какой инструмент приходится держать в руках...

И он показал мне свою метлу.

Пожелаем счастья и успеха Франко и проследим за приключениями Голубой Стрелы.

Глава XIX

Будка № 27

Голубая Стрела мчалась сквозь тьму по последнему адресу. Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции собрались на паровозе. Все вагоны поезда были пусты.

Снег наконец перестал. Холодный ветер разогнал облака, и на огромном небе, как в чёрном зеркале, засверкали звёзды.

Но блеск их становился всё более тусклым: близился рассвет. Первые трамваи уже вышли из

парка и медленно двинулись по покрытым снегом рельсам. Машинисту приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы какое-нибудь из огромных чудовищ не раздавило поезд.

— Самая безопасная дорога,— сказал Начальник Поезда,— это тротуар.

— Но это будет нарушение правил,— возразил Начальник Станции.— Никогда ни один уважающий себя паровоз не поднимется на тротуар.

— Мы можем ехать между двумя рельсами,— сказал Машинист.— Я высчитал, что трамвай пройдёт над нами и не заденет нас.

Трамвай проходил над Голубой Стрелой, даже не касаясь её; трём железнодорожникам вагоны казались огромными грохочущими туннелями, которые двигались. Сначала экипаж Голубой Стрелы немножко волновался, но затем все привыкли и успокоились.

Дом Роберто, последнего мальчика, который остался без подарков, находился за городом, в поле. Так, по крайней мере, было написано в списке. А сейчас посмотрим, правду ли говорил список.

* * *

Дом Роберто — это не дом, а железнодорожная будка — будка № 27.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции не верили своим глазам. Список привёл их прямёхонько к настоящей железной дороге.

В окошке маленькой будки горел свет. Обходчик не спал. Он выходил к каждому проходящему поезду, сигналил ему, покачивая своим фонарём, потом отряхивал от снега ноги и скрывался в будке.

Перед будкой, вправо и влево, как две стальные змеи, вытянулись бесконечные рельсы.

Что это были за рельсы! Железнодорожники Голубой Стрелы даже во сне таких не видели. А поезда? Земля начинала дрожать, когда их не было ещё видно. Потом, как ураган, нарастал, приближался страшный грохот; приходилось затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Три наших маленьких железнодорожника боялись за свои головы, которые, казалось, готовы были лопнуть от шума.

И вот появлялся поезд, огромный, как город на колёсах: вагоны были величиной с дом, с сотнями освещённых окошек. Когда поезд проходил, три наших героя долго не могли придти в себя. Хотя они плотно закрывали уши, грохот наполнял их головы и не хотел выходить оттуда. Им приходилось трясти головой и совать палец в уши, как делают пловцы, когда хотят, чтоб из ушей вытекла вода. И только тогда наконец они снова могли слышать.

— Что вы скажете?! — восклицал Начальник Поезда, глаза которого сверкали от страха и восторга.— Вот это поезд!

— Да! — кричал Машинист.— Никогда в жизни не видел такой красоты!

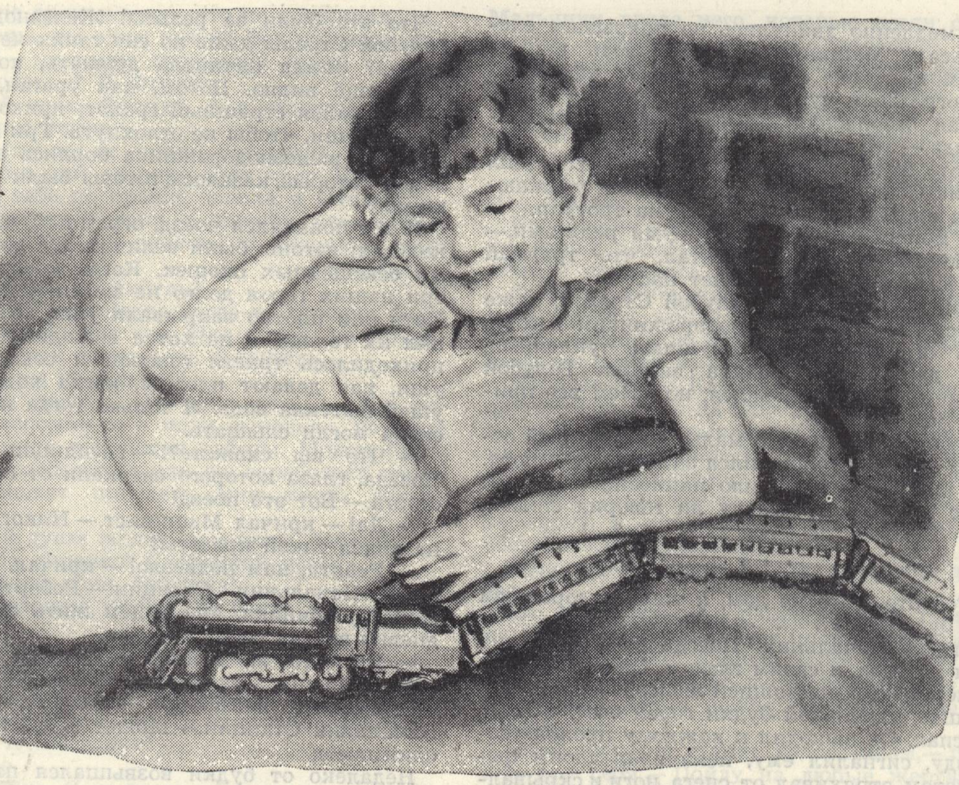
— Ребята, нам подвезло! — кричал, в свою очередь, Начальник Станции.— Роберто, наверно, сын стрелочника. Мы будем жить здесь и ежедневно видеть сотни поездов.

— Ну, что ж, войдём? — спросил Машинист, приготовившись запустить мотор.

— Давайте немножко подождём,— предложил Начальник Станции.— Может быть, пройдёт ещё один поезд.

Недалеко от будки возвышался плетень. Они укрыли за ним Голубую Стрелу, а сами присели на ветку какого-то кустарника в ожидании проходящего поезда.

Не прошло и нескольких минут, как волной пронёсся глухой шум, загрохотал сильнее грома и вдруг так же внезапно смолк.

— Это не поезд! — воскликнул Начальник Станции.

Дверь будки отворилась, на пороге появился Обходчик. Он поднял фонарь на уровень лица и огляделся. Похоже было, что он чем-то встревожен.

— Роберто! — позвал он.— Роберто!

В окошке показалось заспанное лицо мальчугана.

— Одевайся скорее, наверно, что-то случилось. Это, может быть, обвал или оползень.

— Иду! — поспешно ответил мальчик.

Окно затворилось с сухим стуком. Через мгновенье появился Роберто. Он одевался на ходу. В его руке раскачивался такой же фонарь, как у отца.

— Возьми один из флажков,— приказал отец,— и пойди осмотри рельсы слева, а я погляжу с другой стороны. Если заметишь что-нибудь на рельсах, беги скорее ко мне. Осталось десять минут до прихода скорого.

Отец побежал направо. Роберто схватил красный флажок, стоявший у двери, и побежал в противоположную сторону. Ноги по колено проваливались в снег, но он не замечал этого.

«Скорее, скорее!— шептал про себя мальчик.— Через десять минут пройдёт скорый. Вдруг произойдёт крушение?..»

Через сотню метров он наткнулся на огромную кучу снега и камней, рухнувших с холма на рельсы. Если поезд наткнётся на обвал, непременно произойдёт крушение. Роберто почувствовал, как у него задрожали ноги. Ведь ему было всего одиннадцать лет! Ему показалось, что он слышит вдали шум приближающегося поезда. Он представил себе, как стальное чудовище наткнётся на эти камни и вагоны полетят кувырком; ему казалось, что он уже слышит стоны раненых из-под дымящихся обломков вагонов.

Роберто вздрогнул, повернулся и побежал к будке, бессвязно выкрикивая какие-то слова. Вдруг он поскользнулся и упал в снег; быстро вскочил, снова упал и сильно ударился коленом об рельс. Крик боли вырвался у него из груди, он попытался подняться, но не смог.

Тогда мальчик изо всех сил принялся звать отца. Но отец не мог слышать его: с той стороны с нарастающим глухим шумом приближался скорый.

Силы покинули Роберто. Поезд мчался уже в двухстах метрах от него. Он поднялся из последних сил и, стиснув зубы от нестерпимой боли, отчаянно замахал красным флажком, который не выронил при падении.

— Стой! Стой! — кричал он.

Грохот поезда заглушил его голос. Паровоз мчался вперёд на полной скорости, его сверкающие фары надвигались всё ближе и ближе. Вот он уже в ста метрах от Роберто, в пятидесяти...

Внезапно заскрипели тормоза, поезд резко замедлил ход и остановился в двух шагах от Роберто.

Машинист соскочил с паровоза и бросился навстречу мальчику.

— В чём дело? Что случилось?

— Обвал,— прошептал Роберто,— там обвал...— И потерял сознание. Ему казалось, что он погрузился в мягкий снег, который был почему-то мокрым и горячим. Больше он ничего не слышал.

Через некоторое время мальчик очнулся в своей кроватке.

— Обвал,— прошептал он,— обвал...

— Тише, тише,— ласково произнёс незнакомый голос.— Опасности нет.

Роберто с трудом открыл глаза.

Комната была полна народу. Какой-то синьор в золотых очках склонился над ним и щупал его пульс. Это был доктор, ехавший в скором поезде, его позвали на помощь к мальчику.

— Папа,— едва слышно прошептал Роберто.

— Я здесь, мой мальчик.

Собравшиеся в комнате люди, затаив дыхание, следили за мальчиком. Когда он очнулся, все облегчённо вздохнули и разом заговорили.

— Какой молодец,— говорили они,— ты спас жизнь сотням людей!

— Если бы не ты, весь состав полетел бы под откос. Ты храбрый мальчуган,— гладя Роберто по голове, произнёс какой-то железнодорожник.

Это был начальник поезда. Роберто улыбнулся ему, но сразу же поморщился: он почувствовал резкую боль в коленке.

— Тебе больно? — спросил доктор.— Ничего, всё быстро заживёт. А если бы ты потерял сознание минутой раньше, произошло бы крушение. Ты крепкий, храбрый мальчуган..

Роберто больше не чувствовал боли, так ему было приятно слышать всё это.

Через два часа путь расчистили, и поезд отправился дальше.

Роберто и его отец остались одни.

И только тогда они заметили, что в комнате находится ещё кто-то. Кто-то или что-то? Это была Голубая Стрела, которая в царившей суматохе незаметно пробралась в комнату. Экипаж Голубой Стрелы с волнением следил за всем случившимся. Они заняли свои места, серьёзные и молчаливые, как и подобает настоящим железнодорожникам, но сердца их были полны нежности и любви к мальчику, спасшему поезд.

— Посмотри! — воскликнул отец — Что это?

— Это электрический поезд, папа! Электрический поезд! Какой он чудесный! Я не говорил тебе, но мне так хотелось иметь его. Посмотри, какой он красивый. А на платформах нагружены рельсы... Могу спорить, что если проложить их, они опояшут всю комнату!

— Но это не я купил его,— смущённо сказал отец.— Я вижу этот поезд впервые в моей жизни...

Роберто недоверчиво посмотрел на него.

— Ладно, папа, не разыгрывай меня... Ты хотел подарить мне его утром на Новый год, но я встал раньше и увидал его. Правда? Так ведь было дело?

— Нет, нет, маленький, уверяю тебя, что ты ошибаешься. Знаешь, что мне пришло в голову? Наверно, кто-нибудь из пассажиров скорого поезда вёз его в подарок своим детям и решил оставить тебе, потому что ты уже сделал самый лучший подарок его ребятам: спас жизнь их папы. Конечно, это так и было. Видишь, какой прекрасный поезд? Я никогда не смог бы купить тебе такой...

Роберто улыбнулся.

— Пусть будет так,— сказал он.— Предположим, что этот поезд оставил мне какой-то синьор, ехавший на скором.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции Голубой Стрелы слышали весь этот разговор и знали, что в действительности было совсем не так, но они скорее дали бы отрезать себе язык, чем открыли бы свою тайну. У каждого есть своя гордость, не так ли? А, впрочем, разве кто-нибудь слышал, чтобы Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции игрушечного поезда могли разговаривать? Одно дело — в сказках, и совсем другое — в настоящей жизни. Голубая Стрела ещё несколько страниц тому назад находилась в сказке. Сейчас же она вошла в настоящий дом, где настоящий мальчик совершил настоящий подвиг. Три маленьких игрушечных железнодорожника теперь знают, что недаром проделали они такой путь и приехали к Роберто, в маленькую будку около самой линии железной дороги. Ручаюсь, что если бы им пришлось повторить весь этот путь и пережить снова все их опасные приключения, они не колебались бы ни минуты.

Роберто нежно погладил замечательную игрушку, и ему показалось, что она дрожит под его рукой, но потом он подумал:

«Какой я глупый! Это дрожит моя рука».

(Окончание в следующем номере)

Какое пёстрое шествие, и всё-то старые знакомые! Мюнхгаузен на лету похваляется своими подвигами, рядом с Гулливером шагает сердитый Мойдодыр в шлеме-тазике набекрень, Красная Шапочка едет на Сером Волке, торопится Буратино, катится Колобок... Милиционер Дядя Стёпа показывает знаком: «Путь открыт». А в небе — красный воздушный шарик с золотой цифрой «один». «Один», «первый» — это значит, что вышел в свет самый первый номер самого юного журнала. Называется он «Весёлые картинки», а шествие, которое мы только что описали, изображено у него на обложке.

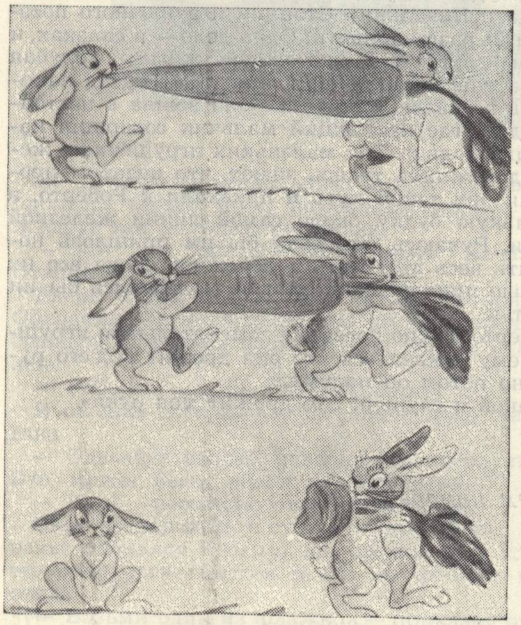
Ребята, о новинке
вы слышали иль нет?
«Весёлые картинки»
для вас выходят в свет,—

обращается на первой странице журнала поэт Самуил Яковлевич Маршак к читателям нового журнала — самым маленьким ребятам...

Это журнал для ваших младших сестрёнок и братишек. Иные из них ещё плохо читают,— читайте им вслух, пусть посмеются. А если и вам самим тоже станет весело,— не стесняйтесь, смейтесь вместе с ними! Мы тоже смеялись, а ведь мы старше вас.

Как зайка помог морковку нести.

Рисунки М. Битного.

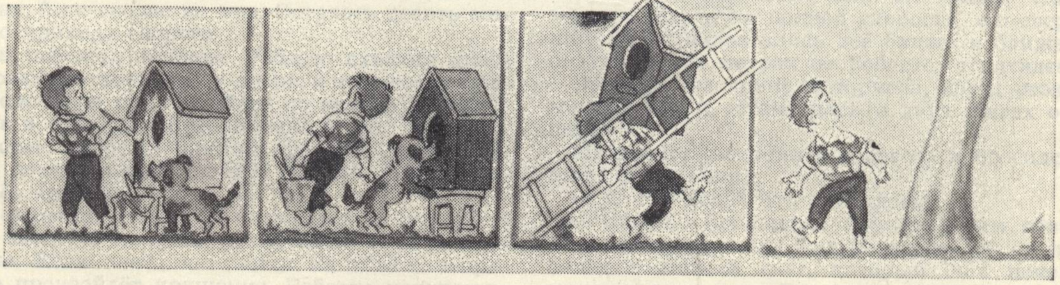

Смешные рисунки! Не правда ли?! Они взяты из вашего нового журнала.

Рисунки Ю. Фёдорова.

Рисунки А. Елисеева.
Текст Л. Зубковой.

Никита скворечню и гвозди принёс.
Надёжно скворечня прибита...

Но как очутился на дереве пёс,
Не может понять Никита.

НАША ПОЧТА

Памятники города

Недалеко от нашей школы, на вокзальной площади, стоит памятник революционерке Ольге Михайловне Генкиной. Нам очень хотелось подробно узнать о её жизни, и мы пригласили к себе на сбор старого большевика Ивана Михайловича Иванова, который знал Генкину. Иван Михайлович очень тепло рассказывал нам о ней. Он называл Ольгу Михайловну просто Оля, потому что, оказывается, она погибла совсем молодой: ей не было ещё и двадцати лет.

В ноябре 1905 года Оля Генкина приехала в Иваново-Вознесенск с заданием стачечного комитета. Она привезла рабочим оружие. Оля сдала свой очень тяжёлый багаж на вокзале и пошла на явку. Её чемодан показался подозрительным. Полицейские открыли его и нашли оружие. Когда Оля Генкина вернулась на вокзал за вещами, её схватили и стали допрашивать. Но она на все вопросы отвечала: «Нет», «Не знаю». Тогда её вывели на улицу, и там пьяная толпа черносотенцев растерзала молодую революционерку.

Нас всех очень взволновал этот рассказ. Мы пошли к памятнику смелой революционерке и возложили венок. А потом мы стали часто приходить сюда, следить за чистотой и порядком около памятника. Решили посадить здесь цветы и ухаживать за ними.

По нашему примеру ребята других школ тоже взяли шефство над революционными памятниками в нашем городе: пионеры 42-й школы — над памятником революционеру Ф. А. Афанасьеву, ребята 16-й школы будут сажать цветы на братских могилах на площади Революции.

Аркаша Балакин,
председатель совета отряда 4-го класса «В»
7-й школы, город Иваново.

На пасеке

Наша пасека расположена между двумя горами. Взойдёшь на гору, и с вершины видно всю пасеку как на ладони.

Один раз пришёл я на пасеку и говорю пчеловоду:

— Дядя Митя, может, найдётся здесь какая работа?

Он отвечает:

— А как же! Конечно, есть.— И поставил меня копать ямы под столбы.

Это оказалось нелегко: земля там каменистая. Я долбил её киркой и тупым топором и всё-таки ямы выкопал.

Дядя Митя велел мне придти и на следующий день.

— Будем делать ветрозащитную полосу.

Так начал я помогать на пасеке, и с этих пор пошла у меня с дядей Митей большая дружба.

Как-то раз он рассказал мне про жизнь пчёл, про их повадки. Мне стало интересно. А подходило время, когда пчёлы роятся. И я попросил дядю Митю: «Возьми меня с пчёлами работать».

Ничего-то я сначала не умел делать. Даже не умел следить за роями, не знал, из какой семьи собирается к вылету рой. Даже дымарём не умел дымить. А как пчёл боялся! Без сетки на пасеку — ни ногой.

За лето кое-чему научился, много нового узнал.

Полюбил я пасеку, и мне всё хотелось что-нибудь хорошее сделать. Один раз я взял в колхозе лошадь и поехал в школу, где учусь, выпросил там шестьдесят отводков крыжовника и обсадил пасеку крыжовником.

Когда я стал работать с пчёлами, у меня обнаружилась одна особенность: от укуса пчелы я не опухаю. Тут дядя Митя сказал:

— Ну, Алексей, будешь пчеловодом!

С пчёлами надо приноровиться работать.

Чуть не так станешь дымить, сразу же пчелы две тебя ужалят. Уж тут не зевай, дыми правильно, а то так за день-то нажалят, что к вечеру дурной делаешься. Хоть и не распухнешь, но всё равно всё ломит.

Работа с пчёлами кропотливая, как говорят, муторная, и её нужно любить. Кто её не любит, тому нечего за неё и браться.

В прошлом году на нашей пасеке было пятьдесят пчелиных семей, и мы сдали мёду полторы тонны. Мы заняли первое место по области, и дядя Митя ездил в Москву на Выставку.

Лёня Никитин,
колхоз «Вперёд»,
Красноуфимского района.

С горы на санках

Сейчас стартёр взмахнёт флажком, и тут уж не зевай.

В конце прошлой зимы у нас в городе проходили необычные соревнования — соревнования по скоростному спуску с горы на санках. Участвовали в них малыши от второго до четвёртого класса — и мальчики и девочки. А мы, шестиклассники и семиклассники, были организаторами, судьями, стартёрами, секундометристами.

Старт был на горе. Длина трассы — сто метров, и на этом пути трое ворот из флажков. Вся трасса украшена гирляндами из ёлочек и разноцветных флажков.

Стартёр выпускал участников соревнований по одному. Когда первый съезжал с горы и секундометристы на финише засекали время, судья на финише давал отмашку стартёру: можно выпускать следующего.

Соревнования по скоростному спуску с горы на санках проходят так же, как и соревнования по слалому. Нужно как можно быстрее проехать через все ворота. Если пропустишь одни ворота, тебе приписывают штраф пять секунд. Давались две попытки.

Среди девочек первое место заняла ученица третьего класса школы № 50 Тоня Родионова. Она съехала с горы за 25,5 секунды.

Среди мальчиков победителем вышел второклассник Слава Метюнин из 22-й школы. Его время — 21,8 секунды.

Соревнования прошли весело. Малыши были очень довольны, да мы и сами покатались всласть.

Конев Вова, Вальков Витя, Корчагин Руда,
члены физкультурного кружка Дворца пионеров города Иваново.

Навстречу фестивалю

У нашей школы очень много друзей за рубежом. Нам пишут пионеры из Германской Демократической Республики, из Чехословакии, из Болгарии, из Китая. Мы мечтаем о том, чтобы наши друзья и подруги приехали на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москву и чтобы они побывали у нас в Ярославле.

Готовиться к фестивалю наша дружина начала уже давно, ещё в мае. Мы решили, что прежде всего нам надо всей дружиной взяться за озеленение школы, улиц и дворов, где живут наши пионеры.

Наша школа стоит неподалёку от Московского вокзала. От самой вокзальной площади на несколько километров тянутся Большая Московская улица и Москов-

Кабан. Резьба по дереву. Работа Юры Клюева из города Кировска, Мурманской области.

ский бульвар. В райкоме комсомола нашей дружине предложили взять шефство над этим бульваром. Ребятам это очень понравилось, и мы с удовольствием взялись ухаживать за цветами и молодыми деревцами на аллеях.

Перед школой мы тоже посадили цветы. А осенью собрали много семян. Значит, на будущий год цветов будет ещё больше. Посадим их и перед школой, и возле нашего подшефного детского сада «Звёздочка», и на бульваре.

У наших голубеводов, Юры Широкова, Серёжи Дерябина, Володи Бабунина, большое задание от совета дружины — вырастить голубей для фестиваля.

Всемирному фестивалю мы посвятили пионерский сбор, готовились к нему очень долго. Отряды разучивали песни и танцы, стихи стран народной демократии. Многие ребята сшили национальные костюмы, в которых они выступили.

Костюмов было много: чешские, польские, болгарские, китайские. Мы решили все их сохранить до фестиваля.

Сейчас, в дни подготовки к фестивалю, мы стараемся как можно больше узнать о том, как живут наши друзья — зарубежные ребята.

Шестиклассники пригласили на свой сбор почётных гостей — корейских юношей и девушек, которые учатся у нас в Ярославле, в Автомеханическом институте. Они рассказали ребятам много интересного о своей родине, о том, как живут и учатся корейские пионеры.

У нас в дружине есть почётный пионер — актёр Ярославского театра имени Волкова народный артист СССР Георгий Афанасьевич Белов. Наверное, все ребята видели его в кино в роли Мичурина или в роли доктора Иванова в кинокартине «Сельский врач». А для нас Георгий Афанасьевич не только замечательный актёр, он наш частый гость, наш друг.

Мышка, вырезанная из дерева Славой Басковым, город Кировск, Мурманской области.

Когда Георгий Афанасьевич вернулся из Италии, с Международного кинофестиваля, он много рассказывал нам про итальянских ребят.

Эту тюбетейку вышила Назыра Шарипова из города Бухары.

Большая работа в дни подготовки к фестивалю предстоит нашим тимуровцам. И они уже взялись за дело. В Суздальском посёлке, где живут рабочие Ярославского паровозоремонтного завода, тимуровцы посадили большой плодово-ягодный сад, взяли шефство над госпиталем, где лечатся инвалиды Великой Отечественной войны.

Весной в нашей школе будет проведён свой, школьный фестиваль.

По поручению пионерской
дружины школы № 54
города Ярославля
Жанна Плисс, Нина Шаповалова
Саша Коновалов, Саша Смирнов.

Стульчик. Роспись по дереву. Работа Г. Расулева, город Ташкент.

Сад, цветник и фонтан

Наша школа построена недавно — в январе 1954 года. Здание красивое, в классах светло и уютно, но стоит школа на низком, сыром месте. Мы решили осушить пришкольный участок, разбить цветники, посадить возле школы фруктовый сад.

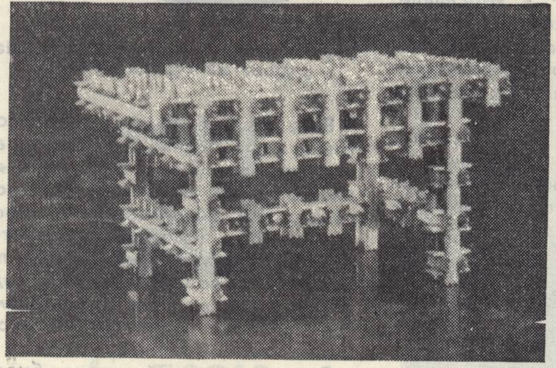
Ещё прошлой осенью мы окопали участок канавами, сделали стоки для воды. Весной у нас уже было гораздо суше, и мы посеяли возле школы много цветов. К фестивалю их будет ещё больше.

— А мы к фестивалю построим среди цветника фонтан,— пообещали мальчики из шестых и седьмых классов.

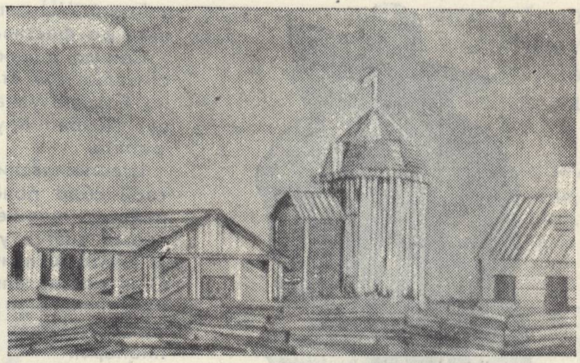
И дело у них идёт хорошо: уже провели трубы и вырыли большой водоём.

Неподалёку от цветника у нас будет спортивный городок.

Трое наших ребят — Володя Новиков, Витя Березин и Коля Наумов — взялись вырастить к фестивалю сто голубей. Они уже построили хорошую, просторную голубятню для них.

Столик из лучинок, собранный без клея и без единого гвоздя. Работа Володи Юрьева, Красноярский край, Манский район.

Колхозная ферма. Картинка из соломки Лёни Пятницкого, город Павловский Посад.

Нам хочется как можно лучше встретить наших гостей, посланцев разных стран, приготовить им побольше подарков, сделанных своими руками. Этим мы займёмся зимой.

Галя Рябченкова,
председатель совета дружины школы № 24 города Щербакова.

Кочующие птицы

С наступлением осени большинство наших певчих птиц улетает на юг, в тёплые края.

В осеннем лесу не слышно звонких птичьих голосов, лишь изредка нарушают тишину стук дятла, писк синиц, крик сойки, иногда похожий на кошачье мяуканье, стрекотание говорливой сороки да негромкие, но задорные песенки чижей.

Летом мы редко встречаем этих птиц. Они живут парочками в глухих уголках леса или на непроходимых болотах и только осенью собираются большими стаями, вместе кочуют, разыскивая корм.

Теперь не только в лесах, а и в садах мы можем увидеть большого и малого пёстрых дятлов. Они похожи друг на друга: оба с красными шапками на темени. Различить их можно только по величине. Дятлов обычно сопровождают синицы. Иногда к стайке синиц присоединяются поползни и пищухи.

Поползни — большие мастера бегать по стволам деревьев. Они одинаково ловко взбираются вверх по стволу и спускаются вниз головой. Серые пищухи незаметны на стволе дерева, только писк выдаёт их присутствие.

Синицы, поползни и пищухи — очень полезные насекомоядные птицы.

Проворные и подвижные, они осматривают каждый куст, каждую ветку на деревьях, заглядывают в самые укромные уголки леса и сада и уничтожают массу вредителей.

Когда дятел долбит кору дерева или сосновые и еловые шишки в своей кузнице, из-под его клюва разлетаются в стороны и падают

вниз насекомые. Их-то и подбирают синицы. Дятлу это соседство тоже выгодно. Синицы своим тревожным криком предупреждают его о приближении ястреба. Занятый своей работой, дятел не мог бы заметить его.

Осенью и зимой дятлы со свитой синиц залетают даже в городские парки и сады.

Синицы зимой ютятся в дуплах, выгнивших пнях. Они охотно поселятся и в искусственных дуплянках и в домиках-синичниках, если вы развешаете их по садам и паркам. Дятлы не любят готовых гнёзд; они всегда сами выдалбливают себе дупло, расширяя какую-нибудь трещину в полугнилом стволе старого дерева.

В хвойных лесах зимой можно увидеть синицу-хохлатку, синицу-московку и самую маленькую из наших птичек — королька желтоголового. Даже в трескучие морозы корольки снуют в ветвях какой-нибудь старой, поросшей лишаями ели, напевая свою тихую, мелодичную песенку.

Если вы встретите белую лазоревку,— это большая удача, потому что этот вид синиц встречается у нас очень редко. Их родина — восточные области нашей страны.

Когда синицам голодно, они не брезгают и семенами. Но особенно любят синицы сало. Вы сами можете в этом убедиться: подвесьте на ветке возле кормушки кусочки несолёного сала и увидите, как они набросятся на это лакомство.

По берёзовым лесам и особенно по лесным оврагам, в зарослях ольхи, осенью, а нередко и зимой можно встретить стаи чижей, которые питаются берёзовыми и ольховыми семенами.

Зато щеглов никогда не встретишь в лесу: они любят открытые места, кочуют по огородам, по обочинам дорог, по пустырям, поросшим чертополохом и репейником. Семена этих растений — любимая пища щеглов.

Нередки у нас зимой и овсянки, бегающие стайками по просёлочным дорогам и у деревенских сараев, и лесные сойки, промышляющие у жилья человека.

Все эти птицы не остаются подолгу на одном месте. Они кочуют в поисках пищи. Но если вы устроите побольше кормушек, в которых будет всегда корм, то птицы останутся на всю зиму по соседству с вашим жильём.

Кроме того, у нас зимует немало и оседлых птиц, которые никогда не улетают из наших краёв: это воробьи, вороны, галки, сороки. Прилетают к нам на зиму птицы с далёкого севера. Об оседлых птицах и северных переселенцах мы расскажем в следующем номере.

П. И. Горохов,
учитель школы № 223 города Москвы.

СПОРТ

Полёт без крыльев

В. Нагорный,
мастер спорта

Однажды в юношескую школу горнолыжников, которой я руковожу, пришёл одиннадцатилетний паренёк с хмурыми глазами.

— На лыжах ходить умею,— сказал мне Миша.— Но по ровному месту ходить скучно. Хочу к вам в школу записаться, с трамплина прыгать.

— А не побоишься? — спросил я.

— Пустите, попробую!— Глаза мальчика блеснули решительно.

На трамплин я его, конечно, не пустил. Прежде чем прыгать, надо многому научиться.

Миша вместе с другими ребятами занимался гимнастикой, учился правильно спускаться с небольших гор, а потом — с больших.

Он узнал, что в прыжке с трамплина есть не только красивый полёт, но и довольно ощутимый удар в момент приземления, особенно если приземлиться неправильно.

Ему пришлось прочитать толстый учебник по лыжному спорту и с десяток тоненьких книжечек — советы мастеров.

И, самое главное, Миша научился никому, даже самому себе, не сознаваться, что ему страшно. Страшно прыгать в первый раз, страшно и в десятый. Мастер спорта тоже испытывает чувство страха. А о Мише и говорить нечего. Ведь он самый обыкновенный мальчишка.

И всё-таки Миша прыгал, прыгал всё лучше, и вот в прошлом году он стал чемпионом Москвы.

Я рассказал о Мише Федоткине не потому, что он какой-нибудь выдающийся человек. Таких, как Миша, у нас в школе много. Да и в вашей школе, наверное, тоже.

Вот таким ребятам я хочу сказать: научиться прыгать с трамплина можно не только в специальной школе: каждый, кому нравится этот красивый и трудный вид спорта, может им заниматься.

Не советую прыгать тем, кто ещё недостаточно хорошо умеет ходить на лыжах по равнине. Сначала проведите несколько кроссов по пересечённой местности, потом научитесь спускаться с гор. Только почувствовав себя на лыжах вполне уверенно, можно заняться прыжками.

На склоне оврага или на высоком берегу реки можно сделать трамплин, сначала невысокий, потом, когда научитесь прыгать,— побольше, метров до пяти, а то и до десяти.

Прыжок на лыжах делится на четыре этапа: разгон, толчок, полёт, приземление.

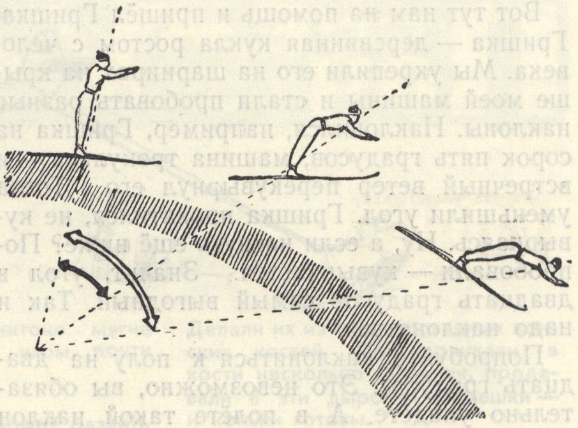
Сначала о разгоне. Сделав несколько энергичных шагов, надо присесть. В таком

положении лыжник доезжает до горизонтальной площадки, «стола» трамплина.

За несколько метров до конца «стола» лыжник, который ехал до сих пор в низкой стойке, резко выпрямляется и прыгает как можно дальше вперёд и вверх. Очень важно, чтобы обе ноги оттолкнулись с одинаковой силой, иначе лыжник сильно наклонится вправо или влево и, долетев до земли, неизбежно упадёт.

Итак, лыжник летит. Какое положение тела наиболее выгодно? Это вопрос сложный. Над ним долго думали прыгуны всего мира. Если вам приходилось видеть фотографии прыгунов, сделанные в тридцатые годы, когда этот вид спорта только появился в нашей стране, то вас, наверное, удивляло, что лыжники летели, выпрямившись во весь рост. Лететь так было, конечно, необычайно трудно. Почему? Потому что встречный ветер действовал на большую поверхность — на всё тело лыжника. Значит, надо уменьшить поверхность, рассекающую воздух. Лыжники стали прыгать, согнувшись в поясе, рассекая воздух головой, и сразу дальность полёта увеличилась.

А сравнительно недавно, четыре года назад, мы увидели, как прыгают лучшие прыгуны мира. Это было в небольшом шведском городке Фалуне. Наши прыгуны с трамплина потерпели там серьёзное поражение. Самый лучший из них, Н. Каменский, занял лишь двадцать третье место.

Во время своего полёта лыжник наклоняется всё ниже.

А впереди были прыгуны скандинавских стран — финны, шведы, норвежцы.

При полёте они не сгибались в талии, как все другие, а выпрямлялись, напрягаясь, как струна. Прыгуны наклонялись так низко, что почти лежали на лыжах. А руки их были прижаты к туловищу. В таком положении лыжник рассекает воздух, как торпеда воду.

Конечно, вернувшись на родину, наши советские прыгуны стали осваивать эту «скандинавскую» технику. Пробовали прыгать по-новому и ребята из детской горнолыжной школы. Это было нелегко. Мало наклонился — ветер мешает, слишком сильный наклон — устойчивости нет.

Летом горнолыжники не прекращали тренировок. На берегу Истринского водохранилища, где ребята жили в спортивном лагере, был построен трамплин. Поверхность трамплина составлена из деревянных роликов. Лыжник скатывается на коротеньких, длиною в ступню, лыжах и, оттолкнувшись от края трамплина, летит в воду.

Вот тут нам на помощь и пришёл Гришка. Гришка — деревянная кукла ростом с человека. Мы укрепили его на шарнирах на крыше моей машины и стали пробовать разные наклоны. Наклонился, например, Гришка на сорок пять градусов, машина тронулась — и встречный ветер перекувырнул его. Тогда уменьшили угол. Гришка прокатился, не кувыркаясь. Ну, а если нагнуть ещё ниже? Попробовали — кувыркается. Значит, угол в двадцать градусов самый выгодный. Так и надо наклоняться.

Попробуйте наклониться к полу на двадцать градусов. Это невозможно, вы обязательно упадёте. А в полёте такой наклон вполне можно сделать, потому что воздух поддерживает быстро летящего прыгуна, как вода пловца.

Последний, самый ответственный момент прыжка — приземление. Если бы лыжник с такой большой высоты прыгнул на ровную площадку, ему бы не поздоровилось. Удар о землю был бы очень силён.

Но потому-то и возможны прыжки на лыжах, что приземляется лыжник не на горизонтальную площадку, а на гору. Причём крутизна этой горы почти совпадает с линией полёта. Лыжник как бы продолжает съезжать с горы.

Для того, чтобы сохранить равновесие и не упасть, лыжник, летящий с большим наклоном, за несколько метров до земли выпрямляется и раскидывает руки. Руки, как бы опираясь о воздух, помогают ему выпрямиться. Кроме того, чтобы смягчить удар, лыжник пружинисто приседает. Так, присев, он и продолжает спуск.

Ну вот, ребята, теперь вы знаете основное о прыжках с трамплина. Остальное — уже дело практики. Надеюсь, что вы научитесь прыгать не хуже Миши Федоткина, а может, даже лучше.

Разные разности

Сохранилась старинная греческая рукопись, в которой описано много различных игр с мячом. Одна из них была очень похожа на футбол. Называлась она «епискорос».

Вот как описывает эту игру автор рукописи, греческий писатель Поллукс:

«Игроки брали мяч. Они посылали его другим, других избегали, других выталкивали, других ослабляли громкими криками и расстраивали их. Эта игра была как для зрителей, так и для самих играющих огромным удовольствием, тем более, что играли с настоящим усердием».

Можно подумать, что Поллукс описывает матч «Динамо» — «Спартак»: так походила эта древняя игра на нынешнюю.

Кубинский почтальон Феликс Карвей был очень хорошим бегуном. Когда он узнал, что в Сент-Луисе открываются III Олимпийские игры, ему очень захотелось в них участвовать. Человек он был бедный. На все свои сбережения Карвей купил билет до Нового Орлеана. Дальше ехать было не на что. А до Сент-Луиса было около тысячи километров. Упорный спортсмен решил проделать этот путь пешком. Он прошёл это огромное расстояние, участвовал в Олимпиаде и занял почётное четвёртое место.

Это было на Спартакиаде народов СССР. Чемпион страны, ленинградская команда женщин-гребцов, встретила неожиданно опасного соперника — «четвёрку» гребцов Латвии. «Четвёрки» финишировали одновременно. Судьи не смогли определить победителя. Только проявив киноплёнку, где был заснят финиш этого заезда, оказалось возможным заполнить судейские протоколы. На плёнке было ясно видно, что ленинградки на несколько сантиметров обогнали латвийскую «четвёрку».

Однажды в Кавголове, гористой местности под Ленинградом, куда в выходные дни съезжаются тысячи лыжников, произошёл необыкновенный случай.

С высокой и крутой горы спускалась вниз лыжница Она неслась по склону, всё ускоряя ход.

Но в тот момент, когда она была примерно на середине спуска, сбоку неожиданно появился другой лыжник, мчавшийся ей наперерез.

Ни она, ни он не могли уже остановиться или свернуть. Столкновение было неизбежно. Так и случилось.

С полного хода лыжница налетела на встречного, сбила его с ног, а сама перевернулась в воздухе через голову, снова встала на ноги и... покатилась дальше как ни в чём не бывало.

Об этой истории и сейчас ещё помнят старые ленинградские лыжники.

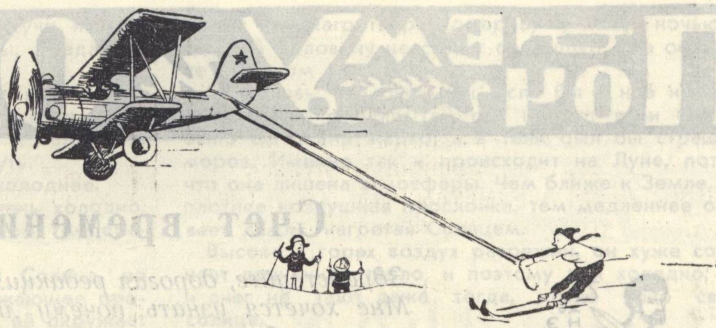
Всё кончилось так благополучно только потому, что лыжи у этой девушки были очень хорошо закреплены на ногах. Если бы лыжи у неё болтались, столкновение кончилось бы катастрофой: и она не удержалась бы от падения, и лыжи оказались бы сломанными.

В древней Греции существовал странный «спортивный» обычай. Бегуна, взявшего старт раньше, чем была подана команда, тут же, на глазах у зрителей, наказывали розгами. После наказания бегун мог снова участвовать в соревновании.

В Китае и в Индии существует особый вид тенниса — бадминтон. Эта игра похожа на обычный теннис, но есть у неё одна особенность: к мячу приделаны шестнадцать гусиных перьев. Полёт такого мяча значительно медленнее.

Ракетка в бадминтоне мягче теннисной. Правила игры почти такие же.

Какую скорость может развить лыжник?

Однажды, лет двадцать назад, один смельчак проехал по снежному полю, прицепившись за самолёт. Он мчался со скоростью больше ста километров в час.

На такой скорости не приходилось ходить ни одному лыжнику.

Но и те лыжники, в чьём распоряжении нет самолёта, развивают довольно значительные скорости. При спуске с высоких гор мастера делают шестьдесят — семьдесят километров в час. Это средняя скорость автомобиля.

Первые коньки появились очень давно, несколько тысяч лет назад. Делали их из отшлифованных конских костей. Просверливали в кости несколько дырочек, продевали в эти дырочки ремешки — и коньки готовы.

Такие костяные коньки археологи нашли в Швейцарии при раскопках свайных построек каменного века.

Катались на этих коньках иначе, чем сейчас: края у коньков были тупые, и отталкиваться ими ото льда было нельзя. Поэтому конькобежцам приходилось брать с собой длинную палку с металлическим наконечником и упираться ею в лёд.

Позднее на смену тупым костяным конькам пришли деревянные, с узкими железными полозьями. Спереди железо загибали кверху и вырезали на нём некое подобие лошадиной головы. С тех пор коньки и называются коньками.

РЕБЯТА-ФИГУРИСТЫ

Когда человек впервые выходит на лёд, «фигуры», которые он проделывает, не всегда отличаются изяществом. Но не надо унывать, ведь для того и поступают в школу фигуристов, чтобы научиться тому, чего не умеют: танцам на льду.

Ире Яговкиной шесть лет. Она уже два года занимается фигурным катанием в группе у мастера спорта Ларисы Яковлевны Новожиловой в Московском парке имени Дзержинского. Посмотрите, как красиво получается у Иры «ласточка».

Почему и Отчего

Счет времени

Здравствуйте, дорогая редакция!
Мне хочется узнать: почему люди в древнее время вели летосчисление от большего времени к меньшему, а сейчас — от меньшего к большему?

С пионерским приветом!

Нина Ковалёва,
ученица 6-го класса, г. Южно-Сахалинск.

Понятно, Нина, что тебя смущает. Ведь в учебнике истории написано, что Рим был основан в 753 году до новой эры, а восстание Спартака, которое произошло 680 лет спустя, было в 73 году до новой эры! Но значит ли это, что люди древности считали годы наоборот? Как же считали они в таком случае возраст людей? Может, при рождении человека говорили, что ему семьдесят лет, а когда он умирал — ноль лет? А если этот человек прожил до девяноста? Тогда в момент смерти ему должно было быть минус двадцать лет! Как видишь, Нина, получается неладно: разве можно узнать при рождении человека, сколько лет он проживёт?

Люди в древности считали время, как и мы: от меньшего к большему числу лет. Но у разных народов древности было различное летосчисление. В древнем Китае, например, оно велось от первого дня царствования каждого императора. Умирал император, и летосчисление начинали сначала.

В древнеримском государстве за начало счёта времени был принят год основания Рима, и по римскому счёту восстание Спартака произошло в 680 году от основания Рима.

В арабских государствах летосчисление начали с 622 года новой эры. Его называют первым годом хиджры (геджры). В 622 году основатель мусульманской религии и арабского государства Мухаммед (Магомет), спасаясь от преследования своих противников, был вынужден бежать из Мекки в Медину. Бегство было началом открытой борьбы со жрецами старой религии и вождями некоторых племён.

Откуда же получился обратный счёт времени? А вот откуда. В европейских государствах уже около двух тысячелетий принято исчисление, введённое христианской религией. За исходную точку для счёта был взят год, в котором будто бы родился Христос. В старых учебниках истории так и писалось: «1700 год от рождества христова». А когда речь идёт о событиях, случившихся до нового летосчисления, высчитывают, за сколько лет до первого года новой эры они произошли. Вот и получается счёт в обратном порядке. Восстание Спартака произошло за 73 года до начала нашего летосчисления, значит, в 73 году до новой эры.

Историки очень тщательно изучали письменные памятники старины и установили, что никакого Иисуса Христа никогда не было. Получается, что мы ведём счёт лет от года, в котором ничего важного не произошло.

Стоит ли из-за этого менять летосчисление? Пожалуй, нет. Введение нового счёта лет создало бы невероятную путаницу, потому что в других странах, где многие ещё верят в бога, остался бы старый счёт.

Вместо введения другого счёта мы просто говорим: «До или после новой эры». Это тем более справедливо, что первые века нашего исчисления совпадают с распадом рабовладельческого строя, существовавшего на земле несколько тысяч лет. А это поворот в истории человечества.

Борис Володин

Снег летом

Дорогая редакция!
Я знаю, что на вершинах многих гор лежат вечные снега и льды, а ведь чем ближе предмет к Солнцу, тем он теплее. Почему же тогда снега и льды на вершинах, которые иногда достигают шести и больше километров, не тают?

Георгий Ованесов,
ученик 4-го класса средней школы № 10,
г. Москва.

Видишь ли, Георгий, чем ближе к Солнцу, тем теплее,— это верно. Но весь вопрос в том, насколько ближе. От Земли до Солнца — 150 миллионов километров, а если вершина какой-нибудь горы на Земле всего на 6 километров ближе к Солнцу, то по сравнению со 150 миллионами километров это никакого значения не имеет.

Повидимому, дело не в том, насколько снег на вершине горы ближе к Солнцу, а в том, насколько он ближе к верхним границам земной атмосферы.

Ведь снег образуется в тучах, хотя тучи иногда ещё ближе к Солнцу, чем вершина горы, а падая на землю, снег тает.

Вода испаряется с поверхности Земли, поднимается в виде пара, вверху пар охлаждается, снова превращается в воду, а иногда и в град и падает на Землю, чтобы снова растаять и высохнуть.

Значит, чем выше над Землёй, тем холоднее.

За пределами земной атмосферы очень холодно, там почти абсолютный нуль, то есть там температура почти 273 градуса ниже нуля.

Земная поверхность нагревается от Солнца, но всё это тепло она отдавала бы в окружающее пространство, если бы не воздух, который её окружает плотным покрывалом. Благодаря этому покрывалу из облаков, различных газов, благодаря атмосфере Земля вся нагрета равномерно, и, когда ночью на одну её половину не светит солнышко, она остывает не слишком быстро.

Представь, что было бы, если бы у неё не было воздушного одеяла: там, где падают лучи Солнца, было бы очень жарко, а в тени был бы страшный мороз. Именно так и происходит на Луне, потому что она лишена атмосферы. Чем ближе к Земле, тем плотнее воздушная прослойка, тем медленнее остывает Земля, нагретая Солнцем.

Высоко в горах воздух разрежен, он хуже сохраняет солнечное тепло, и поэтому там холодно, лёд и снег не тают даже тогда, когда ярко светит солнце.

И. Бабыкина

Самое маленькое государство

Здравствуйте, дорогая редакция!

Читая «Новую историю», я встретился с такой фразой: «В Италии было семь небольших государств, не считая совсем карликовую республику Сан-Марино». Я посмотрел на политическую карту мира, но там не нашёл такого государства. Я узнал от одного человека, что в государстве Сан-Марино есть армия в одиннадцать человек. Когда я рассказал ребятам об этом, почти никто не поверил. Правда ли, что армия Сан-Марино состоит из одиннадцати человек, или нет? Если правда, то прошу ответить, чем они занимаются, и вообще поподробней напишите об этом государстве.

Анатолий Ракевич,
село Старая Криуша, Воронежской области.

На северо-восточных отрогах Апеннинских гор, недалеко от итальянского города Римини, расположено одно из самых маленьких государств мира — республика Сан-Марино. Территория этого государства — всего шестьдесят один квадратный километр, население его тринадцать с половиной тысяч человек.

Сан-Марино — древнее государство Европы. Существует предание, что основано оно в начале IV века нашей эры каменщиком Марино, бежавшим на гору Мате-Титано из Далмации от преследований феодалов. Основанная им община вскоре превратилась в небольшое свободное поселение, названное в честь своего основателя республикой Сан-Марино.

С первых же дней своего существования маленькому государству пришлось вести тяжёлую борьбу за свою независимость. Окрестные феодалы, среди которых особенным коварством отличались епископы города Римини, неоднократно пытались силой покорить свободолюбивых жителей Сан-Марино. Однако маленькая республика с успехом отбивала нападения врагов, и в конце концов феодалы были вынуждены признать самостоятельность республики.

Жители Сан-Марино всегда с сочувствием относились к революционерам и давали им убежище у себя. В середине прошлого века жители Сан-Марино, несмотря на угрозы австрийского правительства, укрыли у себя известного борца за освобождение Италии Гарибальди. Во времена кровавого фашистского режима Муссолини многие антифашисты скрывались в Сан-Марино.

Большая часть населения Сан-Марино занимается сельским хозяйством.

Красивейшие горные виды этой страны, обилие солнца и чистый горный воздух привлекают в Сан-Марино множество туристов. Большой доход приносит республике выпуск почтовых марок, которые известны коллекционерам всего мира.

Высшим органом власти в стране является парламент — Большой совет. Он состоит из шестидесяти депутатов, избираемых на четыре года. Во главе правительства два капитана-регента республики, которые переизбираются каждые шесть месяцев. Армии в Сан-Марино нет. Для охраны порядка там есть милиция, но она состоит не из одиннадцати человек, как ты от кого-то слышал, а из девятисот человек.

После окончания второй мировой войны у власти в республике бессменно стоит блок коммунистов и социалистов.

Итальянские реакционеры не раз пытались вмешиваться во внутренние дела страны. Так, в 1951 году правительство Де Гаспери попыталось установить блокаду республики. Однако оно натолкнулось на решительное сопротивление маленького храброго и свободолюбивого народа Сан-Марино, и народ отстоял свою независимость.

Недавно в газетах было опубликовано сообщение о том, что достигнута договорённость об установлении консульских отношений между Советским Союзом и Сан-Марино.

В. Жуков

СУДЬБА ХУДОЖНИКА

Маленький светловолосый мальчик стоит у пыльной дороги и с жадным любопытством смотрит вдаль. Куда она ведёт, эта дорога, которую взрослые называют Чёрным шляхом? Почему её так зовут? Правда ли, что там, далеко, у самого горизонта, высокие железные столбы подпирают небо, чтобы оно не упало на землю?

Сколько вопросов у маленького Тараса, а ответить на них некому. Отец и мать с зарёй уходят работать на панщину. Дома только ребятишки да старшая сестра, четырнадцатилетняя Катруся.

Некому рассказать Тарасику об огромном, неведомом мире, который окружает его; некому ответить на его вопросы. А вопросов много; они возникают каждый день, становятся всё сложнее. У этого худенького, не по годам развитого крестьянского парнишки чуткая и впечатлительная душа, жадно тянущаяся ко всему новому, неизведанному, прекрасному. Как бы хотелось Тарасу учиться, читать интересные книги и, главное, рисовать! Рисовать всё, что он видит, всё, что окружает его...

Но Тарас рождён крепостным. Его ждёт горькая доля бесправного раба — лакея богатого пана-помещика. Что за дело пану до страстной мечты мальчика о живописи, до его таланта! Тарас — собственность пана, его вещь, и пан может сделать с ним всё, что ему заблагорассудится.

Так бы и остался на всю жизнь Тарас лакеем у пана Энгельгардта, стоял бы во время обеда за стулом пана, прислуживая ему. Много ведь народных талантов погибало в России при крепостном праве!

Но вышло иначе. Переехав в Петербург, пан Энгельгардт, уступая страстным просьбам Тараса, отдал талантливого юношу в учение к «малярных и живописных дел мастеру» Ширяеву. Работая у Ширяева, Тарас вскоре познакомился и подружился с молодыми художниками — студентами петербургской Академии художеств. В судьбе крепостного артиста приняли горячее участие выдающиеся люди того времени: поэт Жуковский, живописцы Венецианов и Брюллов, композитор Виельгорский.

Прежде всего надо помочь Тарасу стать свободным человеком, выкупить его из неволи. Нужны деньги, и немалые. Знаменитый живописец Карл Павлович Брюллов — «великий Карл», как называют его современники, — пишет портрет Жуковского; портрет разыгрывают в лотерею и на вырученные деньги покупают у самодура-помещика «вольную» для Тараса.

И вот наконец Тарас свободен. Снова, как некогда шестилетним мальчиком, стоит он на новой дороге и пытливо всматривается в туманную даль. Что-то ждёт его в жизни, куда поведёт эта новая, как будто бы светлая и прекрасная дорога? Будет ли она для него счастливой и радостной или же горькой и суровой, как Чёрный шлях его безрадостного детства?

О жизни Тараса Шевченко, полной суровых испытаний, о борьбе, о самоотверженном, бескорыстном служении родному народу рассказывает книга украинской писательницы Оксаны Иваненко «Пути Тараса».

Эта книга поможет вам лучше узнать и полюбить гениального украинского поэта, страстного выразителя народных дум и чаяний, талантливого художника и чудесного, отзывчивого человека — Тараса Григорьевича Шевченко.

Очень советуем вам, ребята, прочитать эту книгу!

И. Орловская

БЫЛЬ И НЕБЫЛИЦЫ

Вокруг дворцового парка до самой небесной черты зеленеют луга, осыпанные цветами, свистят птицы, звенят жуки... По лугу осторожно шагает маленький очкастый старичок. Шея у него обмотана толстым шарфом, на груди бинокль, в руках чемоданчик и трость. Это доктор Гаспар Арнери вышел на прогулку — набрать трав и жуков. Высокие каблуки доктора постукивают в такт известной в стране песенке:

Как лететь с земли до звёзд,
Как поймать лису за хвост,
Как из камня сделать пар, —
Знает доктор наш Гаспар...

А вот тот же доктор стоит с биноклем на вершине

башни. В бинокль видно, как внизу бежит пёстрая толпа, за ней скачут гвардейцы в чёрных шляпах с жёлтыми перьями. Бомбы разрываются, как кусочки ваты... Внезапно башня, на которой стоит доктор, наклоняется и, секунду задержавшись в косом положении, рушится вниз. Доктор летит кувырком, теряя каблуки, чемоданчик и очки.

...Городская площадь. Покрытая стеклянным куполом, она напоминает гигантский цирк. В центре купола, как великолепная звезда, горит невиданной силы фонарь, девять тросов отходят от него, как девять длинных чёрных лучей.

По тросу, покачиваясь, балансируя, взмахивая зелёным шарфом, скользит фигурка в полосатом трико. Снизу канатоходец похож на полосатую осу, шарф взлетает, как зеленоватые крылья.

В канатоходца целятся гвардейцы.

«Бах!»

— Ура, мимо! — кричит народ.

— Ничего... Мы снимем его! — кричат гвардейцы.

Но полосатая фигурка, в ярком свете ставшая чёрной, неожиданно наклоняется к фонарю, что-то щёлкает, и... площадь погружается во мрак. Потом в вышине появляется бледный квадрат — кусочек неба с двумя маленькими звёздами,— и слышно, как кто-то быстро бежит по стеклянному куполу.

...И снова солнечный день. Посреди города плотники под охраной гвардейцев строят десять плах.

У плотников раздуваются волосы, шляпы слетают с гвардейцев; дует сильный ветер.

Ветер подымает вверх продавца воздушных шаров. Повиснув на верёвочке, он летит над городом; красные, синие, зелёные шары плывут в сверкающем небе, как гроздь разноцветного винограда.

Важно и медленно пролетает продавец над рвами, окружающими парк Трёх Толстяков — правителей страны,— над стражником, уснувшим на часах... Лёгкая пёстрая тень от летящих шаров проплывает по лицу стражника, отчего нос его становится сначала синим, потом зелёным, потом красным, как у пьяницы... А продавец влетает в окно дворца Трёх Толстяков и, как на трон, опускается на тёплый ещё торт. Мы видим лицо его с раскрытым ртом и выпученными глазами; круглое и красное, как расписной фаянсовый чайник, оно выглядывает из горы крема, шоколада, сахарной пудры и цукатов.

Число картин можно умножить. Вот доктор Гаспар в экипаже с нарядной куклой в руках, вот наследник Трёх Толстяков золотоголовый мальчик Тутти и тоненькая девочка Суок, вот оружейник Просперо, брошенный в железную клетку... Мы нарочно опускаем связь между картинами, как в кино, когда показывают раздел «Смотрите на экране»... Читавшие повесть Юрия Олеши «Три Толстяка» поймут, в чём эта связь, а нечитавшие пусть сами познакомятся с этой чудесной повестью, недавно переизданной Детгизом.

И мы нарочно сохранили некоторые подробности отдельных картин, чтобы вы получили хотя бы отдалённое представление о том, как написана эта книга. Отдельные сцены книги и героев её точно видишь своими глазами, они живые и в то же время сказочные; больше всего они похожи на красочные мультипликации. Удивительно красочна и хороша эта сказка, начинающаяся серьёзной фразой, что «время волшебников прошло» и что он, автор, мол, пишет истинную правду.

Разумеется, эта фраза — всего-навсего весёлая шутка и повесть о Трёх Толстяках — фантазия, вымысел, это поймут даже самые маленькие из вас. Но, как в каждой хорошей сказке, в ней есть зерно правды. Эта книга правдива в той части, где речь идёт о страданиях бедняков, томящихся под властью жестоких и жадных правителей. Читая её, вы от всей души порадуетесь за честных и храбрых людей, за народ, мужественно освободившийся от тягостной власти тунеядцев и обжор — Трёх Толстяков.

Ю. Новикова

Всегда ли гость был гостем?

Кто из нас не задумывался над вопросом, «почему мы так говорим?», когда слышал в разговоре: «он учится на круглые пятёрки», «нельзя работать спустя рукава», «играть на нервах» или «заварить кашу»!

Почему о мальчике, сказавшем глупость, говорят: «Вот сморозил!»? Почему просят кого-нибудь «зарубить себе на носу» и что такое «однокашник»?

Смысл этих выражений чаще всего бывает понятен или его можно угадать, но откуда они появились, как вошли в нашу речь?

Вот об этом и рассказывает небольшая книжечка Измаила Уразова «Почему мы так говорим». Вы узнаете много неожиданных, странных, а иногда и забавных историй, которые таятся за происхождением слова.

Вот, например, хорошо знакомое всем слово «гость». Всегда ли гость был гостем? В нашем теперешнем понимании это приятный человек, с которым можно потолковать, попить чаю и даже сыграть в шахматы. Но первоначальное значение этого слова было совсем другое, прямо противоположное нынешнему. Гостем назывался враг, чужак, всякий чужестранец. В книжке есть история о том, как это слово постепенно меняло своё значение.

Право же, интересно узнать время и место рождения какого-нибудь слова. Оказывается, иногда известно, и кто придумал это слово и кто его впервые употребил.

Есть в этой книжке маленькая глава «Ломоносовские слова»; в ней рассказано о словах, которые появились в русской речи благодаря М. В. Ломоносову.

Атмосфера, горизонт, термометр, преломление, оптика, земная ось, кислота... Кажется, что эти слова существуют давным-давно, а им, оказывается, от рождения немногим больше двухсот лет.

Значит, до Ломоносова этих слов в нашем языке попросту не было.

Много слов и выражений вошло в обиход из книг. От музыкантов пошло «задавать тон», «играть первую скрипку», от портных — «как с иголочки», «шито белыми нитками», от часовщиков — «не хватает винтика».

Очень интересно читать эту книжку. Она вся состоит из маленьких, коротких рассказов, и часто такой рассказ — целое открытие для читателя.

В. Орджоникидзе

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ МАСТЕРИТЬ

В небольших разноцветных книжках, на которых написано «Для умелых рук», совсем немного текста — краткие советы и объяснения к подробным чертежам. Эти книжки, каждая по-своему, предлагают разнообразные и интересные занятия ребятам, любителям мастерить. Тем, кто интересуется электротехникой, эти книги помогут построить самодельный электродвигатель, электролобзик, электровыжигатель, несложный телефонный аппарат; авиамоделистам — воздушные змеи и шары, схематические модели планёра и самолёта; юным радиоконструкторам — детекторный и ламповый радиоприёмники; ребятам, у которых есть фотоаппараты, — увеличитель; любителям путешествовать — двухместную байдарку и походный радиоприёмник.

Стоят книжки дёшево — всего 85 копеек. Если вы не найдёте их в книжных магазинах, выписывайте их по почте. Напишите письмо о том, какие книжки вас интересуют, по такому адресу: Москва, 5-я Черёмушкинская, 14, магазин № 93 Москниготорга, — и вам вышлют их наложенным платежом.

Волшебная лупа

На днях, ребята, мне довелось лечить прадедушку вашего «Пионера» и всех других наших детских журналов и газет,— на моём столе лежало «Детское чтение для сердца и разума». Это первый русский детский журнал, который выходил в 1795 году — примерно сто шестьдесят лет назад.

Вид у него скромный, неказистый, даже ни одной картинки нет, и всё же я прочитал его с удовольствием. Особенно понравился мне рассказик, объясняющий, как важен и почётен труд крестьянина.

«Кто презирает крестьянина, тот недостоин питаться хлебом»,— говорится в нём. Только благородный и очень смелый человек мог написать такие слова в то жестокое время, когда крестьян не считали за людей, продавали, как вещь, выменивали, проигрывали в карты!

...Я начал подклеивать первую страницу журнала, как вдруг комната моя наполнилась щебетанием, точно в неё влетел десяток канареек. Но это была всего-навсего одна девочка, моя внучка Люся. Она сейчас же подскочила к столу и стала читать через моё плечо:

— Любезные д... д... д...— прочитала она и запнулась.— Что это за буква, дедушка? Мы такую не проходили.

— Это старая буква «ять», она читается, как «е»,— пояснил я.— Здесь написано: «Любезные дети». Так обращаются к своим читателям люди, издававшие и писавшие этот журнал.

— А кто они?

Я продолжил чтение:

— «Может быть, захочется вам, любезные дети, узнать издателей сих листов. Имен наших знать нет вам нужды...» Видишь, из скромности они не называют своих имён. Но мы их сейчас всё же узнаем.

С этими словами я достал лупу, и мы, склонившись над круглым её окошечком, увидели человека в напудренном парике и камзоле, какие носили у нас в годы царствования Екатерины II.

Вглядевшись в умное, доброе, но твёрдое лицо незнакомца, я узнал того, кто всегда был мне особенно дорог, ибо заслуги его в деле развития нашего книгопечатания неоценимы. Перед нами был один из культурнейших и честнейших людей своего времени — Николай Иванович Новиков — писатель, редактор и издатель множества журналов и книг. Сейчас он держал в руках совсем ещё новенький томик «Детского чтения» и смотрел на него так любовно и взыскательно, как может смотреть только отец или автор.

— Любуетесь вашим новым творением? — спросил пожилой человек, вошедший в комнату, видимо, друг Новикова.— Ныне благодаря трудам вашим наши дети будут наконец иметь свой, особливый журнал... Сколь много полезных отечеству дел совершили вы, Николай Иванович, и сколь прискорбно, что царица сие не ценит и питает к вам лютую ненависть.

— Что поделаешь? — усмехнулся Новиков.— Государыня не может забыть дерзостные слова, кои про неё в журнале «Трутень» были напечатаны... Правда глаза колет... И в других журналах не раз приходилось нам с царицей спорить.

— Смотрите, Николай Иванович... С царями не спорят.

Едва только друг Новикова произнёс эти слова, как под лупой всё изменилось, и перед нами предстало село Авдотьино, поместье Новикова. Мы увидели отряд гусар в красных мундирах. С саблями наголо устремились они к барскому дому и через минуту вывели Новикова — бледного, слабого, видимо, больного... Новикова посадили в кибитку, красный гусар хлестнул лошадей, и кибитка под жалобный плач и причитания всей деревни скрылась в облаке пыли...

— Куда везут его? — жалобно спросила меня Люся.

— В тюрьму, Люсенька. По приказу императрицы Новиков — гордость России — был без суда заключён в страшную Шлиссельбургскую крепость. Журналы его закрыли, и по воле Екатерины всюду было объявлено, что Новиков — обманщик и бездельник. Пятнадцать лет томился он в заточении...

— А потом?

— Потом Екатерина умерла... Впрочем, давай посмотрим в лупу.

И вот мы опять увидели Новикова. Сгорбленный, с длинной седой бородой, сидел он в кабинете своего деревенского дома. Вдруг погасшие глаза его сверкнули былым огнём. В кабинет вошёл уже знакомый нам старый друг Новикова в сопровождении молодого человека.

— Я привёз к вам, Николай Иванович, одного из пылких ваших почитателей,— сказал старый друг.— Сей молодой человек замыслил строить большое здание в Москве и хочет об этом посоветоваться с вами.

— Как же вы,— грустно спросил Новиков,— как вы рискуете обращаться за советом к человеку, который опубликован обманщиком?

— Николай Иванович! — ответил молодой человек.— Никто из честных людей России ни на минуту не поверил гнусной клевете. Как могли мы поверить ей? Мы росли, читая смелые статьи ваших журналов, учились по учебникам, изданным вами... Клевета рассеялась, как дым, а дело, созданное вами, продолжает приносить плоды и заслужит вечную благодарность потомства.

А. Буквица

БУДЬТЕ С ВИЛКОЙ И НОЖОМ

Тысячу лет назад

В историческом романе В. Иванова «Повести древних лет» очень живо описано, как после удачного набега на соседа пировал в своём замке норманский викинг Оттар.

Тогда, тысячу лет назад, люди не знали ещё ни тарелок, ни вилок. Слуги вносили на огромных деревянных блюдах зажаренных на вертеле кабанов и оленей. Гости, вытащив из ножен острые охотничьи ножи и кинжалы, отхватывали от туш жирные куски мяса и жадно их пожирали, громко чавкая и сопя, с треском разгрызали и высасывали мозговые кости. Измазанные жиром бороды викинги обтирали рукавами, а засаленные руки вытирали о свои кожаные камзолы. Над залитыми подливой и пивом столами носились рои мух. Слышалось хриплое рычание охотничьих псов, дравшихся из-за падавших со стола объедков.

Зрелище было настолько отвратительным, что у тебя, наверно, пропал бы всякий аппетит, доведись тебе оказаться на таком пиршестве.

Ты, конечно, давно уже умеешь пользоваться вилкой и салфеткой. Тем не менее тебе нередко приходится ещё слышать замечания:

— Убери локти со стола!..

— Возьми правильно нож!..

— Доешь всё, что на тарелке!..

И, наверно, ты в душе не раз считал, что взрослые просто к тебе придираются.

Ну не всё ли равно, как человек ест?

Щека и локоть

Нет, не всё равно. Есть правила поведения за столом, которые, как и другие правила поведения, не выдуманы. Они возникли из уважения к тем, кто сидит рядом с тобой за столом.

Попробуй проследить, что получится, если ты возьмёшь вилку и нож не пальцами, как положено, а зажмёшь в кулак и начнёшь резать мясо?

У тебя неминуемо разойдутся в стороны и поднимутся локти. А это значит, что окажется в опасности щека сидящего рядом с тобой товарища.

А локти, лежащие на столе?

Они занимают место, где должна стоять тарелка соседа. Да и приятно ли будет ему положить хлеб на то место скатерти, по которому ёрзали рукава твоей куртки?

Или, скажем, почему надо брать сахар из сахарницы щипчиками, а если их нет, просто пальцами, а не своей чайной ложкой?

Это тоже вполне объяснимо.

Приятного аппетита

Когда ешь, не откусывай сразу больших кусков.

Не разговаривай с полным ртом. Если тебе задали вопрос, сначала проглоти пищу, а потом ответь.

Во время еды не дуй на слишком горячее блюдо, не стучи ложкой по тарелке, вообще старайся есть беззвучно.

Отрезай мясо небольшими кусочками. Когда съешь один кусок, отрежь следующий. Не нарезай всю порцию заранее, от этого твоя тарелка будет выглядеть неряшливо, а еда быстро остынет.

Гарнир — овощи, картошку, макароны — набирай на вилку с помощью ножа.

Не ешь с ножа.

Когда пользуешься ножом, держи его в правой руке, а вилку в левой. И не перекладывай их из руки в руку, пока не съешь всё.

Косточки от компота не выплёвывай прямо на тарелку, а поднеси ложку ко рту, выплюнь косточку и положи её на тарелку.

Не ешь ложкой то, что можно есть вилкой.

Окончив еду, грязные нож и вилку не клади на скатерть, а положи на тарелку.

любезны

Когда пьёшь чай, не оставляй ложку в стакане. Размешав сахар, положи её на блюдце. Ложку оставляют в стакане, если вместо блюдца подстаканник.

Не сиди боком к столу.

Не облизывай ложку.

Не катай шарики из хлеба. Не играй столовыми приборами.

Отказываясь от какого-нибудь блюда, не говори, что оно тебе не нравится или тебе его нельзя есть. Просто скажи: «Спасибо, я не хочу».

Хлеб из хлебницы бери не вилкой, а рукой.

Из общего блюда бери куски, не выбирая.

Рыбу, голубцы, котлеты, яичницу ножом резать не принято, ведь их легко разломить вилкой.

Не ставь свою грязную тарелку на чужую без разрешения.

Нельзя слишком внимательно разглядывать поданное блюдо.

Нельзя читать во время еды.

Птицу надо брать с тарелки вилкой, отрезая по кусочку, а когда отрезать трудно, можно взять кусок за косточку в руку и есть.

Никогда не говори плохо о еде, которую едят твои соседи по столу: если ты сам не любишь это блюдо, не порти аппетита другим.

Не спрашивай, из чего приготовлено то или другое кушанье. За столом не принято вспоминать о кухне.

Хлеб не откусывай от целого ломтя, а отламывай маленькими кусочками.

Если тебе нужно что-нибудь достать, не тянись через весь стол, а попроси соседа передать.

Ведь руки у тебя чистые. Перед тем, как садиться за стол, ты их вымыл. Да и коснёшься ты ими лишь того кусочка сахара, который возьмёшь.

А ложка только что была у тебя во рту, и не всякому будет приятно, если она прогуляется по всей сахарнице.

Аппетит приходит во время еды

У французов есть такая поговорка: «Аппетит приходит во время еды».

Как и большинство народных поговорок, она основана на жизненном опыте: запах и вид вкусной пищи действительно усиливают аппетит.

Великий русский учёный Иван Петрович Павлов объяснил, почему это происходит.

При виде желанной пищи железы желудка начинают выделять особый, «запальный» сок. Этот сок помогает желудку переварить пищу. Он-то и вызывает чувство аппетита.

Но не всякая пища действует на организм одинаково.

Чем красивее выглядит тарелка с едой, чем вкуснее пища пахнет, тем активнее выделяется «запальный» сок, тем лучше будет переварено то, что ты съешь.

И забота об этом также отразилась в правилах поведения за столом.

Почему не следует крошить на кусочки котлету или творожник?

Не только потому, что раскрошенная пища быстрее стынет и делается невкусной. Вид раскрошенной по всей тарелке котлеты не очень аппетитен.

Почему не принято выплёвывать что-либо, даже косточки от компота, прямо на тарелку?

Потому, что это никак не поднимает аппетит у твоего соседа по столу.

Почему не полагается критиковать поданное блюдо и говорить, что, по-твоему, оно невкусно?

Потому, что это не только обижает хозяйку, но и может отбить желание есть у соседей.

Без мизинчика

Как видишь, каждое правило имеет свой смысл. Одни правила основаны на уважении к соседям по столу, другие — на уважении к хозяевам.

Почему, например, не следует выскакивать из-за стола, пока все не кончат есть?

Ты это поймёшь, если представишь себе, что замешкался с каким-нибудь блюдом и остался за столом один. Все уже встали, ждут, а ты торопливо глотаешь ложку за ложкой. Наверно, ты будешь чувствовать себя не очень удобно.

Чтобы не поставить кого-нибудь в такое же положение, принято вставать из-за стола всем одновременно.

Но существуют и ложные правила.

Некоторые считают признаком хорошего воспитания держать стакан или чашку тремя пальцами, отставив далеко в сторону мизинец.

Разве так пить удобнее?

Конечно, нет. Эти искусственные приёмы придумали когда-то разбогатевшие купчихи, чтобы отличаться от простых крестьянок. Вот, мол, какие мы воспитанные — даже чашку держим по-особенному!

Это не хорошие манеры, а дурное манерничание. И перенимать его не следует.

СЛОВА И ДЕЛА

Вот это Краснобайкин Коля
Писал своей рукою в школе.
А вышел Коля из ворот,
И вышло всё наоборот.
Мораль сей кляксы такова:
Важны дела, а не слова.

РАЗ В ОСЕННИЙ ВЕЧЕРОК

Вот Болтунова Алка —
Известная гадалка
Шестого класса «Б».
Она с большим азартом
По линиям и картам
Гадает о судьбе.
Предскажет у порога
Далёкую дорогу,
Сболтнёт о женихе...
Сидят кругом подружки,
Сидят, развесив ушки,
И верят чепухе.

ХРАНИТЕЛЬ ИМУЩЕСТВА

По гвоздю колотит Юрка,
Не жалея молотка,
Так, что брызжет штукатурка
Со стены и потолка.
Наконец плакат прибит...
Прочитай, что он гласит.

ЯСНО БЕЗ СЛОВ

Здесь подписи вовсе не надо.
Вы видите с первого взгляда,
Что этот нахальный молодчик
Не стоит рифмованных строчек.

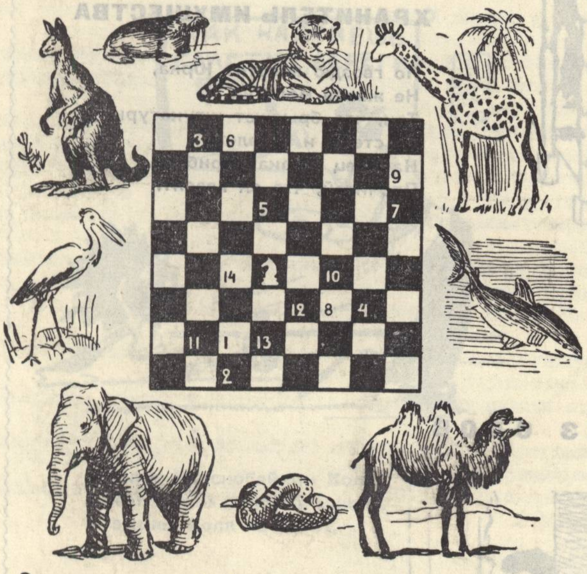

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали члены изокружка Московского городского дома пионеров Лёва Баженов и Илья Еленский.

В часы досуга

ЗНАКОМЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Этот чайнворд необычный, он решается ходом шахматного коня. Сейчас конь находится на исходной позиции, куда он должен вернуться, обойдя все клетки шахматного поля, вписывая с каждым ходом по одной букве. В клетки, помеченные числами от 1 до 14, вписываются начальные буквы слов. Всего, таким образом, должно быть составлено четырнадцать названий известных вам представителей животного мира. Как в обычном чайнворде, последняя буква любого предыдущего слова и первая буква следующего за ним слова совпадают в одной клетке.

Значение слов: 1. Крупное млекопитающее (4 хода). 2. Травоядное млекопитающее южных стран (6 ходов). 3. Человекообразная обезьяна (6 ходов). 4. Хищная морская рыба (4 хода). 5. Крупная перелётная птица (3 хода). 6. Представитель семейства кошачьих (3 хода). 7. Лесная птица из семейства тетеревов (5 ходов). 8. Сумчатое млекопитающее с удлинёнными задними ногами (6 ходов). 9. Крупная неядовитая змея (3 хода). 10. Жвачное животное (6 ходов). 11. Морское млекопитающее из группы зубатых китов (6 ходов). 12. Хищная пресноводная рыба из семейства тресковых (4 хода). 13. Крупное ластоногое морское животное (3 хода). 14. Жвачное животное с очень длинной шеей (4 хода).

Составил Е. Тихонов.

ЗАДАЧА СО СПИЧКАМИ

Сложите из спичек пять следующих арифметических примеров с римскими цифрами.

XXI − IV = XXV

IX − IX = V

XV + XV = I

XIV − V = XX

VIII + IV = XVII

Как видите, что ни пример, то ошибка: ни в одном из них нет равенства! Задача состоит в том, чтобы в каждом примере, переложив только по одной спичке, восстановить равенства.

Составил Я. Алексеев.

ОТВЕТЫ
на задачи, помещённые в № 10

ЗНАКОМЫЕ СТРОКИ

«Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..»

(А. С. Пушкин «Евгений Онегин». Глава седьмая)

Вспомогательные слова: Краснодар. Грузия. Этна. Львов. Днестр. Грац. Омск.

(В условии задачи было пропущено вспомогательное слово: 2, 1, 17, 4 — крупный город в Сибири.)

КАКИЕ СТРАНЫ?

Австрия. Вьетнам.

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Очевидно, что сумма всех чисел по трём окружностям и по трём сторонам треугольника равна 360, так как 60 (3 + 3) = 360. Сумма же всех чисел от 1 до 21 равна 231. Разница между данными суммами в 129 легко объясняется тем, что часть чисел в первом случае считается дважды. Это будут числа, расположенные как раз на сторонах треугольника. Следовательно, сумма чисел на его сторонах равна 129.

Зная, что сумма чисел на каждой стороне треугольника равна 60, мы легко находим, что на трёх его сторонах она составит 180. Разница в 51 (180—129) объясняется тем, что числа на вершинах треугольника считаются дважды. Значит, числа на вершинах треугольника в сумме обязательно должны составлять 51.

Берём из данных чисел от 1 до 21 любое сочетание трёх чисел, дающее в сумме 51, и расставляем их на вершинах треугольника, например, 16, 17 и 18 — вариант, приведённый в задаче.

Дальнейшее решение идёт в следующем порядке. Из оставшихся чисел проставляем на каждой стороне треугольника по два числа с таким расчётом, чтобы сумма всех четырёх чисел на каждой стороне треугольника равнялась 60. Например: 16—12—15—17; 17—11—14—18; 18—19—7—16. К заполненному числами треугольнику подрисовываем остальную часть фигуры и на окружностях выписываем оставшиеся числа, группируя их таким образом, чтобы сумма чисел каждой окружности была равна 60.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова.
Рукописи не возвращаются.

А 13505. Подписано к печати 30/X 1956 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 1111. Зак. № 2725.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Общества Красного Креста и Красного Полумесяца объединяют около шести миллионов пионеров и школьников. Существует около семидесяти тысяч школьных организаций Обществ, и ваша задача — увеличить эту цифру, организовав в своей школе первичную организацию Общества.

Занимаясь по программам «Будь готов к санитарной обороне СССР» (БГСО) и «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО), сотни тысяч ребят учатся беречь своё здоровье и здоровье товарищей и оказывать первую медицинскую помощь, овладевают начальными медицинскими знаниями.

Значкисты «БГСО» и «ГСО» организуют школьные и классные санитарные посты, которые следят за тем, чтобы все школьники соблюдали правила гигиены, чтобы было чисто в школе и в школьном дворе. Они образуют в школах санитарные уголки, выпускают санитарные бюллетени и стенные газеты, помогают школьному врачу во время медосмотров и при проведении прививок, а в случае необходимости и сами оказывают первую медицинскую помощь.

В школах ежегодно проводятся смотры санитарных постов. На смотрах ребята показывают своё умение правильно и быстро оказать первую медицинскую помощь себе и своему товарищу.

Лучшие активисты Обществ награждаются значком «Юному отличнику санитарной обороны СССР».

Пионеры и школьники!

Создавайте в своих школах первичные организации Обществ Красного Креста, Красного Полумесяца. Вступайте в ряды членов Обществ, овладевайте медицинскими и санитарными знаниями, боритесь за чистоту в школе и дома.

Помните, что, активно участвуя в работе Обществ, вы укрепляете санитарную оборону нашей Родины.

*Исполком Союза обществ
Красного Креста и Красного Полумесяца СССР*

Цена 2 р. 50 к.

Наши кочующие птицы

1 — Чиж, 2 — Щегол, 3 — Малый пёстрый дятел, 4 — Большой пёстрый дятел, 5 — Поползень, 6 — Пищуха, 7 — Синица большая, 8 — Лазоревка зелёная, 9 — Малая синица (московка), 10 — Синица длиннохвостая (ополовничек), 11 — Хохлатая синица (гренадёрка), 12 — Синица-гаичка, 13 — Лазоревка белая (князёк), 14 — Королёк желтоголовый.

Подробнее об этих птицах рассказывается в этом номере.

Рисунки П. Горохова.